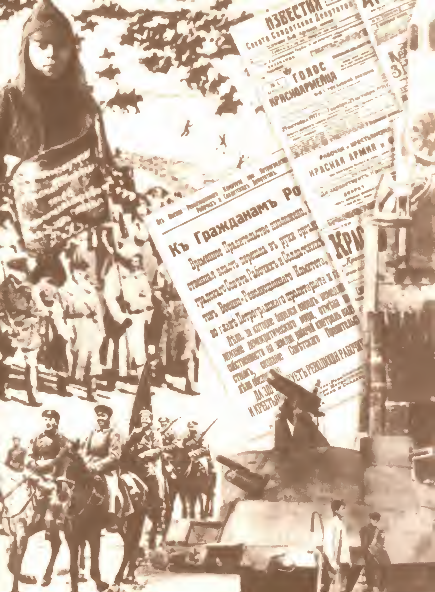

З. А. Дымов
МОИ ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ

ИЗВЕСТИЯ
ГОЛОС КРАСНОАРМЕЙЦА
КРАСНАЯ АРМИЯ
Къ Гражданамъ Ро
Временное Правительство низложено.
ДА ЗД
И КРЕСТЬЯ

З. А. Дымов

Мои дорогие друзья

Москва
Издательство
политической
литературы
1985

63.3(2)7
Д88

Литературная запись
Г. И. ГОЛОВИНОЙ

Дымов З. А.
Д88 Мои дорогие друзья.— М.: Политиздат, 1985.— 255 с., ил.

Автор этих воспоминаний, член партии с 1917 года, воевал в гражданскую, работал в ВЧК под руководством Ф. Э. Дзержинского, участвовал в ликвидации белогвардейских банд. Его жизнь насыщена интересными событиями, встречами с известными людьми. Среди них Дм. Фурманов, Н. М. Хлебников, Мате Залка, Лайош Гавро, те, кто посвятил свою жизнь делу революции, строительству первого в мире социалистического государства.
Автор размышляет в этой книге о нравственных уроках революции, о героической судьбе своего поколения.

Д $\frac{0505000000-160}{079(02)-85}$ 138—85

63.3(2)7
9(С)2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кабинет Дзержинского на Лубянке. Прямо против дверей массивный письменный стол, слева этажерка с книгами, и за ней во всю степу карта России.

Жестом пригласив нас к карте, Дзержинский берет с подоконника указку и обводит большой круг южнее Брянска.

— В брянских лесах активно действуют несколько белогвардейских банд, которые мешают органам Советской власти налаживать новую жизнь. Но особенно досаждает банда атамана Сенина. Полковник Сенин действует вот здесь.— Феликс Эдмундович поворачивается к венгру Ференцу Патаки, возглавляющему отдел ВЧК по борьбе с бандитизмом.— Каковы последние данные?

— Банда все еще многочисленная, Феликс Эдмундович,— невольно вытянулся по-уставному Ференц Владиславович.— Кони сытые, свежие, много взрывчатки и оружия. Есть тачанки. Две роты неполного состава действуют в пешем строю. Полковник поддерживает постоянную связь с Махно. Командный состав у полковника Сенина — опытные офицеры.

Октябрь 1920 года теплом не балует. В кабинете прохладно. Всю неделю непогодится: то мокрый снег, то резкий, порывистый ветер ударит в окна дробью дождя. Феликс Эдмундович поправил наброшенную на плечи шинель.

— Товарищ Дымов! Брянские чекисты нуждаются в помощи. Своими силами они не могут справиться, густые леса малочисленные группы чекистов прочесать не в со-

стоянии. А у бандитов много тайных убежищ в самых непроходимых чащах. В Брянске вы узнаете о задании более подробно, местные товарищи сами скажут, в чем должна выражаться ваша помощь. Но нам кажется, что начать надо с ликвидации банды Сенина, самой многочисленной и опасной. Прежде всего надо отрезать Сенина от Махно. В этом вашему отряду помогут киевские товарищи. Реввоенсовет Республики для разгрома банды выделил интернациональную бригаду конников Лайоша Гавро.

— Гавро?! — вырвалось у меня.

И, видимо, так по-мальчишески это получилось, что на усталом лице Феликса Эдмундовича мелькнула улыбка.

— Вы знакомы?

— Лайош — мой друг! — ответил я.

— Тем лучше! — Дзержинский взглянул на своего заместителя Ивана Ксенофонтовича Ксенофонтова, которому я непосредственно подчинялся.— Быстрее наладят взаимодействие между своими частями.

Кабинет Феликса Эдмундовича всегда напоминал мне штаб фронта в напряженные дни наступления. По сути дела, Дзержинский и был командующим фронтом. Только на карте этот фронт обозначался не сплошной линией, а особыми знаками и заштрихованными кругами — районы, где вспыхивали бандитские мятежи, плелись сети заговоров. По неполным данным, только в 1918 году ВЧК раскрыла 142 контрреволюционные организации и вместе с частями Красной Армии подавила 245 кулацких мятежей, инспирированных эсерами и зачастую их прямыми покровителями — западными разведками.

— Феликс Эдмундович,— обратился к Дзержинскому Ксенофонтов,— Гавро сформировал свой первый интернациональный отряд из бывших военнопленных в Саратове летом семнадцатого года, а Дымов в то время вступил в заводской отряд Красной гвардии.

— Боевой опыт, выходит, есть! — сказал Дзержинский, подписывая мое удостоверение.— Вот ваш мандат, Захар Александрович.

Он вышел из-за стола и потянулся за фуражкой.

— Товарищ Дымов, вам дается право задерживать всех подозрительных,— Феликс Эдмундович повернулся к Ивану Ксенофонтовичу: — Как он у вас, не очень горяч по молодости?

— В меру, товарищ Дзержинский,— ответил Ксенофонтов.

— Прошу этим правом не злоупотреблять! — продолжал Феликс Эдмундович, застегивая на крючки шинель.— И учтите, в банде Сенина много крестьян, которых атаман завлек обманом и силой. Постарайтесь обойтись без лишнего кровопролития. Не забывайте, что основное ваше оружие — большевистское слово.

Дзержинский пожелал нам удачи и попрощался.

Ксенофонтов попросил меня и Патаки зайти в его кабинет.

— Присаживайтесь поближе к столу,— он открыл сейф и достал из него папку...

Ивану Ксенофонтовичу я был обязан многим. Он терпеливо помогал мне разбираться в сложной обстановке, заботился о моем духовном росте, и вскоре я стал смотреть на мир как бы его глазами. Восемнадцатилетним приехал я в Москву из Саратова. Грамотность моя, как говорили тогда, на медные деньги куплена: окончил церковноприходскую школу. Потом занимался в подпольном кружке на заводе. Но этого было явно недостаточно. Потому я старался набраться знаний, так сказать, «на ходу», у старших, более опытных товарищей, и прежде всего у Ивана Ксенофонтовича.

Ксенофонтов в партии с 1903 года, в ВЧК — со дня ее создания. Работал еще в Петрограде, в Смольном. С именем Ксенофонтова и его боевых соратников — Уп-

шлихта, Берзиня, Артузова, Буйкиса и других чекистов, ставших легендарными еще при жизни,— связаны многие успешные операции ВЧК по раскрытию контрреволюционных организаций, в частности «Союза защиты родины и свободы», созданного матерым врагом Советской власти Савинковым.

— Сейчас мы поближе познакомимся с полковником Сениным,— сказал Ксенофонтов, раскрывая папку.— Вот он собственной персоной. Возьмите эти фотографии с собой для опознания.

Снимки были сделаны в хорошем ателье, наклеены на картон с замысловатым вензелем хозяина заведения. С фотографии глядит скуластый, крепкого телосложения человек. Черные густые волосы, кончики ухоженных усов лихо закручены вверх, офицерский френч тщательно отутюжен. Взгляд холодный, властный. Под снимком дата — 1913. По виду Сенину тогда было лет двадцать пять.

Иван Ксенофонтович листает подшитые в папке бумаги, зачитывает сведения об атамане.

Сенин — офицер царской армии. Родился на Брянщине, в селе Новая Погощь. Отец, купец-галантерейщик, разбогател в русско-японскую войну на поставках овса, к началу Февральской революции уже сотнями тысяч ворочал. Сенин окончил юнкерское училище, а потом служил в казацких частях, к 1917 году был в чине подполковника. После того как солдаты его полка перешли на сторону Красной Армии, подался в Сибирь, к адмиралу Колчаку, который тут же произвел его в полковники.

Вскоре, почувствовав, что дела у «правителя омского», идут все хуже и хуже, что армия его отступает и разбегается под натиском красных частей и партизанских отрядов, Сенин, сбежав, пришел с повинной к командованию Красной Армии. Ему поверили, назначили военспецом в кавалерийскую дивизию. Но Сенин оставался ярым

классовым врагом, он лишь затаился и ждал удобного момента. «Не знаю, чем все это кончится,— сообщал он отцу на Брянщину,— но ясно одно: потерянного теперь не вернуть. Сумей хоть что-нибудь припрятать из нажитого». Сенин выжидал, наблюдал...

Деникин рвался к Москве. До столицы рукой подать. Сенин решил, что нет теперь такой силы, которая сможет остановить белую армию. Изготовив надежные документы, полковник отправляется к Деникину. Но, вопреки его ожиданиям, генерал терпит одно поражение за другим, и Сенин поворачивает к себе на Брянщину. Там он выдает себя за раненого «комиссара», и его назначают начальником милиции. Сенин склоняет на свою сторону часть зажиточного населения, поднимает кулацкий мятеж, а затем сколачивает банду.

Поддержка богатеев, хорошо знавших отца Сенина, налаженная с их помощью широкая разведка позволяют ему на первых порах добиться успеха: банда растет не по дням, а по часам. Очень уж удачно выбрано время: у Реввоенсовета республики нет незадействованных частей, чтобы бросить их на ликвидацию банды. С запада наступают белополяки, на юге начал военные действия Врангель. А за спиной у «черного барона», поднимая боевой дух его войска, вдоль берегов Крыма курсируют военные корабли интервентов...

Действует Сенин дерзко и со знанием дела: он имеет солидную военную подготовку и в достаточной степени осведомлен о сильных и слабых сторонах регулярных частей Красной Армии. К тому же и местность, где орудует банда, с детства хорошо ему знакома.

Сенин избрал партизанскую тактику: решительных боев не предпринимал, а в случае опасности, умело используя лесистую местность, в сопровождении особого отряда конницы уходил в леса. Основные же силы банды,

рассыпавшись по деревням, ждали, когда снова объявится их главарь.

Ободренный успехами, Сенин начинает целиться на железную дорогу Суземка — Зерново — хутор Михайловский — Конотоп, по которой нескончаемой вереницей двигались грузы, в том числе и военные, предназначенные для Южного фронта. Нельзя было допустить, чтобы бандиты перерезали железнодорожную линию.

— Опереться вам есть на кого,— сказал Ксенофонтов.— В каждом селе найдутся люди, преданные Советской власти, многие сами пострадали от бандитов и ненавидят их. Они вам будут помогать. Подумайте о том, чтобы проникнуть в штаб атамана Сенина и проведать о его замыслах. Так легче будет ликвидировать банду...

Мы еще раз уточнили пароли, явки и попрощались с Ксенофонтовым.

На вокзал меня пришел проводить Ференц Патаки. Сам он приедет в Брянск несколькими днями позже, закончив неотложные дела,— в то время он выполнял еще и обязанности помощника начальника отдела контрразведки ВЧК.

У эшелона меня встретил мой заместитель Василий Поляков, доложил, что отряд уже размещен в теплушках, боеприпасы и сухой паек получены, отправимся точно по расписанию.

— Передай от меня привет моему земляку Лайошу Гавро,— сказал на прощание Ференц Владиславович.

С Лайошем Гавро Патаки был знаком: они встречались в Москве в Доме интернационалистов на Поварской улице. Так случилось, что два венгра, чьи судьбы были удивительно схожи, познакомились в России. Их сблизили убеждения, идеалы, преданность революции.

Как сейчас, вижу Ференца Патаки. Высокий, стройный, с безукоризненной военной выправкой. Борода ко-

ротко подстрижена, черные усы. Веселые серые глаза лукаво прищурены. Ференц молод, ему еще нет тридцати, но усы и борода делают его старше, представительнее. Знал я, что Ференц шести лет от роду остался без отца и матери, воспитывался в приюте, рано познал цену хлеба. Грамота ему давалась легко, и попечители приюта определили его в духовную семинарию на казенный счет. Он же мечтал об университете, однако жизнь распорядилась совсем иначе. Началась мобилизация — Австро-Венгрия готовилась к войне. Но прапорщика Ференца Патаки шовинистический угар не коснулся. Попав в 1915 году в плен, он быстро освоил русский язык, стал лучше разбираться в том, что происходит в России. На формирование его взглядов повлияли новые друзья.

Еще в лагере для военнопленных Ференц подружился с большевиком Вайманом, латышом по национальности, и вместе с ним организовал комитет интернационалистов, в который вошел также Деже Форгач, человек высокообразованный, бывший адвокат, член венгерской социал-демократической партии. Вскоре им удалось наладить выпуск газеты «Факел» на венгерском и немецком языках. Редактировал ее Ференц. Она пользовалась большой популярностью среди пленных. «Факел» осветил путь в революцию тысячам венгров, румын, австрийцев и немцев, вставших на ее защиту с оружием в руках.

Ференц Патаки и Деже Форгач создали интернациональный отряд, который участвовал в боях с белочехами под Мариинском, Канском и Красноярском. Защитники Красноярска с небольшим отрядом интернационалистов под командованием Ференца Патаки вынуждены были оставить город. В Туруханском крае близ села Монастырского их пароход попал под обстрел карателей полковника Мальчевского. Отряд мужественно защищался до конца. Патаки был ранен и захвачен в плен и долгие месяцы находился в колчаковской тюрьме в Красноярске.

«Как выжил — сам не знаю!» — говорил мне об этом Ференц.

Белогвардейцы под ударами Красной Армии покатились на восток. Уцелевших политзаключенных повезли в так называемом «эшелоне смерти» в Читу, где палачи намеревались учинить массовую казнь. Но по дороге на состав напали партизаны. Перебив охрану, они освободили заключенных.

Ференц Патаки — вновь в рядах защитников Советской власти. В Черемхове его назначили начальником штаба рабоче-крестьянских дружин. Он был среди тех, кто отбил у Колчака «золотой поезд» — государственный запас золота и драгоценностей России на сумму 651 миллион рублей. А доставить в Казань эшелон с золотом Реввоенсовет 5-й армии поручил 1-му интернациональному полку, одной из рот которого командовал Мате Залка.

Так близко сходились в то революционное вихревое время пути этих людей, ставших потом моими друзьями на всю жизнь...

В Сибири Ференц Патаки участвовал в операции по захвату в плен адмирала Колчака и его «министров», за что был награжден Почетным боевым оружием. Затем по поручению Иркутского губкома Патаки стал работать в губернской ЧК. Со своим небольшим отрядом он преследовал недобитые белогвардейские банды, проявляя при этом смелость и находчивость.

Когда же в сентябре 1920 года ВЧК попросила иркутян направить в ее распоряжение инициативного товарища, имеющего опыт борьбы с бандитизмом, выбор пал на Ференца Владиславовича Патаки.

Я познакомился с ним в первый же день его приезда в Москву. Поздно вечером в коридоре меня встретил И. К. Ксенофонтов:

— Захар, в общежитии найдется свободная кровать?

Я ответил, что есть, и даже не одна: ребята вчера уехали на задание. Ксенофонтов открыл дверь своего кабинета:

— Познакомься, наш новый сотрудник,— представил он Патаки.— Устрой до утра. Завтра комендант найдет ему уголок.

«Уголок» нашелся в нашей же комнате.

Вскоре мы подружились. И вот теперь нам с Ференцем предстоит вместе выполнять боевое задание Дзержинского.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На станциях наш эшелон не задерживали, и ехали мы по тем временам довольно быстро.

Ветер мел сухой снег по полям. В чугунных «буржуйках» бушевал огонь. От малиновых боков их веяло жаром. Но тонкие стенки вагонов насквозь пронизывал ветер...

Мы сидели на нарах и, греясь больше кипятком, чем теплом «буржуйки», доедали сухой паек: тощая вобла и кусок черствого хлеба с отрубями пополам.

Народ в нашем коммунистическом добровольческом отряде бывалый, хотя и молодой. Многие вот уже три года не выпускают из рук винтовки. Я был с ними на деникинском фронте. Там, в районе Суража, в тылу нашей Красной Армии бесчинствовала банда Степаненко, состоявшая из недобитых белогвардейцев. Они нападали на наши части, отбивали обозы, угоняли лошадей, терроризировали местное население. При налетах бандиты зверски расправлялись с работниками советских учреждений.

Разведав окрестности Суража, наш отряд захватил штаб Степаненко, остальные бандиты разбежались. Всем бойцам, участвовавшим в этой операции, Витебской коллегией губчека была объявлена благодарность, а мне, как командиру отряда, выдан в награду браунинг. Под стук колес я вспомнил совсем недавние события — лето и осень 1920 года были ими богаты.

В Витебске наш отряд пополнили добровольцами и бросили под Орел, захваченный белыми. Вспоминается та-

кой эпизод. Прибываем на станцию Паточная. Там паника. Начальник станции голову потерял, докладывает, спотыкаясь на каждом слове, и я ничего не могу понять.

— Полковник Скрябин... оркестр для встречи...

На помощь приходит шустрый парнишка-телеграфист.

— Вот телеграмма от полковника Скрябина,— разворачивает он передо мной бумажную ленту.— Разрешите прочитать?

Оказывается, деникинский полковник Скрябин приказал встретить его эшелон с оркестром, пообещав прибыть на станцию к 12 часам дня. Белогвардейцы считали, что на Паточной нет красных частей. Так оно и было, пока мы не приехали. До прибытия деникинцев оставалось всего двадцать минут.

— Вон тот пакгауз — настоящая крепость,— показывает мне командир роты Василий Поляков на приземистое кирпичное строение у дороги.

— Бери два пулемета и занимай помещение,— говорю Полякову.

Мы установили еще пулеметы по обе стороны насыпи. Одну роту разместили на вокзале, другую напротив.

Деникинцы влетели в приготовленный для них «мешок», который крепко завязал Поляков огнем своих пулеметов. Скоротечный, но жестокий бой закончился полной нашей победой: мы разгромили почти без остатка батальон белых, многие из них сдались в плен. Но и мы потеряли более тридцати красноармейцев — тех самых витебских добровольцев. Горячие были ребята, им бы поберечься, а они в полный рост под пули.

В роте Василия Полякова жертв было меньше, хотя бой она закончила рукопашной схваткой на перроне. Василий на редкость выдержан и хладнокровен, у него большой фронтовой опыт. Два года провел в окопах на германской, потом — гражданская.

Родился Поляков в семье учителя гимназии и с детства мечтал стать актером, но мать почему-то хотела видеть сына только военным. Была она болезненной, нервной, и, чтобы не огорчать ее, пришлось Василию поступить в юнкерское училище.

Он большой выдумщик и шутник. Вот и сейчас у печки собрался народ, то и дело раздается хохот. Значит, там Поляков. А мне отрываться от своих дум не хочется. И я мысленно возвращаюсь в город моей юности — Саратов.

...Зима 1917 года. Однажды под вечер прибежал к нам домой Коля Хованский, с которым мы вместе слесарили на заводе «Жесть». Семья наша только поужинала, сестренка убирала со стола. Коля шепнул:

— Дядя Кирилл зовет!

Кирилл Иванович Плаксин возглавлял у нас на заводе партийную ячейку. Он в партии с 1904 года, дрался на баррикадах Красной Пресни, проводил революционную агитацию среди моряков Черноморского флота. В Саратове его избрали членом Совета рабочих и солдатских депутатов. Наша заводская молодежь его очень любила. Слово дяди Кирилла было для всех нас законом.

Я быстро оделся и выскочил на улицу.

— Важное задание нам, Захарка,— сообщает он мне таинственным голосом.— Венгерского офицера пойдем сопровождать.

— Куда?

— На кудыкину гору! — буркнул Коля.— В лагерь пленных, вот куда!

По дороге он торопливо выкладывает все, что успел узнать об этом офицере.

— Венгерец этот вроде цыгана,— возбужденно частит Коля, и хотя улица почти пустынна, то и дело переходит на шепот.— Лайошем звать. Всей душой за нашу революцию...

Из его не очень понятного мне пока рассказа я узнаю,

что в австро-венгерской армии за пропаганду против империалистической войны офицер Лайош Гавро был приговорен к расстрелу и уже под дулами винтовок на тюремном дворе ему зачитали указ о помиловании, заменив смертную казнь штрафной ротой. В плен Гавро попал во время Брусиловского прорыва. В Саратове, а затем и в Вольске Лайош продолжал разъяснять своим землякам, пленным солдатам, кому и зачем нужна эта война. Но нашелся предатель, Лайоша заключили в тюрьму и через несколько дней вместе с другими пленными отправили в Сибирь...

Лайош предложил бежать. Ночью «буштовщики-мадьяры» выломали доски пола в вагоне и вслед за Гавро один за другим, когда поезд замедлил ход, стали прыгать в проем. Опасаясь погони, беглецы затаились в камышах у замерзшего озера. Лайош сходил в ближнюю деревню, принес еды. Он уже довольно сносно говорил по-русски, и везде его принимали за цыгана. Австрийские френчи Гавро удалось обменять на штатскую одежду. И вот в городе Вольске под Саратовом появилась бродячая артель, которую охотно принял на работу хозяин кирпичного завода. О документах он даже и не заикнулся: люди нужны позарез — почти все мужчины призваны в армию.

В первый же выходной Лайош поехал в Саратов для восстановления связи с большевиками. На заводе «Жесть» он встретился с Кириллом Ивановичем Плаксиным, а через него связался с руководителями саратовских большевиков М. И. Васильевым-Южиным и В. П. Антоновым-Саратовским. Они поручили Гавро, знающему языки, вести агитационную работу среди военнопленных.

...Мы с Колей Хованским вошли в конторку дяди Кирилла — маленькую комнатенку, отгороженную в углу цеха. Венгр был здесь. При нашем появлении он встал и протянул руку:

— Лайош Гавро.

Это был крепкий смуглый парень с пышными волнистыми волосами, выбившимися из-под фуражки с лакированным козырьком.

— Захар Дымов,— назвался я.

— Или просто Дымок,— ввернул Коля.

— А меня зови лучше Людвигом,— добавил Гавро.— Скорее запомнишь.

— Проведете венгерского товарища к военнопленным,— сказал дядя Кирилл,— будьте осторожны, головой за него отвечаете! — Он повернулся к Гавро: — Эти хлопцы бывают частенько у пленных, все ходы и выходы знают.

Так я впервые встретился с Лайошем Гавро. Он был старше меня на пять лет, а в юности эта разница особенно ощутима. Я сразу потянулся к Лайошу. Было лестно, что он относится к нам с Колей Хованским серьезно. Мы никогда не чувствовали снисходительного тона в разговоре. Лайош даже Дымком меня ни разу не назвал, только «товарищ Захар».

Вскоре мы с Колей обзавелись наганами, Гавро научил нас пользоваться оружием, чистить и смазывать его. На заводе теперь открыто проходили митинги, собрания. Легальными стали большевистские газеты и листовки. Мы распространяли их среди солдат 90-го и 91-го пехотных полков, расквартированных в Саратове, и среди военнопленных.

Однажды понесли мы с Колей Хованским листовку мадьярам. В воротах стоял усатый солдат с двумя Георгиевскими крестами. Он строго посмотрел на нас.

— Вы зачем сюда пришли?

Не знаю почему, скорее всего просто из озорства я сказал:

— Письмо от Ленина пленным принесли!

— Врешь! — недоверчиво усмехнулся солдат.— А ну-ка покажи.

— На, гляди! — Я вытащил из пачки, лежавшей у меня под рубахой, листовку и осторожно протянул солдату, опасаясь, как бы он не ухватил за руку.

Коля Хованский настороженно поглядывал по сторонам.

Повертел солдат листовку в руках, пошевелил губами и усмехнулся:

— Вот беда-то какая — плохо видеть стал.

Мы засмеялись. Поняли — неграмотный он...

Однако пропускать нас в лагерь он не спешил.

«Опять лезть через колючую проволоку придется»,— подосадовал я про себя.

— Ну а кто же вас направил сюда? — спросил опять охранник, внимательно оглядывая нас.— Если не секрет, конечно...

— Секрета никакого нет,— ответил я.— Большевики нас направили.

— Ишь ты, какое дело-то,— поскреб подбородок солдат.— Стало быть, вы тоже в большевиках состоите?

Мы переглянулись. Я уж и не рад, что полез к нему с разговором.

— Пока не состоим, но скоро будем состоять! — с вызовом заявил Коля.— Как годы подойдут.

— Ишь ты!— удивился охранник, глянул по сторонам и приоткрыл ворота.— Шныряйте живей! Но если что — я вас не видел...

На обратном пути солдат подозвал нас:

— Есть у большевиков чернявый такой, из пленных,— начал он.— На цыгана смахивает, говорит на разных языках... Передайте ему, что горошек мы получили, а хранить его негде. Поняли?

Бежим прямо к дяде Кириллу. Мы знаем, где квартирует в Саратове Лайош, но идти к нему после такого разговора опасаемся. Вдруг за нами следят!

— Что у вас стряслось? — тревожно спросил дядя Кирилл, видя, что мы взволнованы.

Перебивая друг друга, мы рассказали о том, что произошло у ворот лагеря. Услышав про «горошек», он просиял.

— Спасибо, ребята, хорошую новость принесли!

Потом мы узнали, что «горошек» — это револьверные патроны. Лайош Гавро создавал среди военнопленных интернациональные группы. Они готовились поддержать русских рабочих, когда те начнут вооруженную борьбу.

Большевики активно вели агитацию в лагерях военнопленных. И когда начнется пролетарская революция, в ряды восставших встанут интернационалисты из бывших военнопленных.

Лайош Гавро вступил в партию большевиков летом 1917 года, а я осенью, 2 октября. Поручился за нас обоих Кирилл Иванович Плаксин. Поздравляя меня, он сказал:

— Был Дымок, да весь вышел. Заруби это себе на носу. Никаких скидок на молодость! Понятно, товарищ Дымов?

Гавро обычно бывал в Саратове наездами: партийная работа требовала его присутствия в Вольске. Но с начала сентября он перебрался в Саратов для организации интернациональных групп из числа военнопленных. Я же несколько месяцев находился в заводском отряде Красной гвардии. Рекомендовали меня туда М. К. Савельев, старый партиец, председатель завкома нашего завода и К. И. Плаксин.

— Характер у тебя есть,— сказал мне тогда Кирилл Иванович.— Да и парень ты не из робких.

Эти слова я услышал от Плаксина во второй раз. А впервые они были сказаны вот по какому случаю.

Лютовал у нас в цехе мастер по прозвищу Живоглот — родственник хозяина: подзатыльники и зуботычины раздавал направо и налево.

У меня сызмальства к металлу, как говорят, руки лежали,— видимо, от отца, большого умельца, погибшего на германском фронте. Слесарное дело постигал я легко, с желанием. Но в этот день ошибся, запорол деталь. Стал прикидывать, как выправить изъян. А тут, как назло, Живоглот подскочил ко мне — и сразу бац в зубы. Я аж отлетел в сторону.

— Ах ты гад!— вскочил я и дал сдачи.

Живоглот остолбенел от неожиданности, но быстро пришел в себя, схватил с верстака напильник и пошел на меня.

Ребята растерялись. Я пячусь к стене. Опомнившись, товарищи подняли тревогу в соседнем, механическом цехе, и на помощь мне прибежал мастер дядя Игнат. Вытолкал Живоглота из цеха. Вот в тот день Кирилл Иванович и сказал, что у меня есть характер...

Став красногвардейцем, я по-прежнему часто встречался с Лайошем Гавро — в штабе Красной гвардии и на военных учениях. Он охотно помогал мне: знакомил с тактикой оборонительных и наступательных боев, учил топографии, ориентировке на местности с компасом и картой. Даже редкие свободные часы, которые нам выпадали, мы заполняли военной подготовкой.

Однажды осенью ходили мы по полям за Волгой. Лайош достал браунинг и, почти не целясь, выстрелил в пенек, видневшийся шагах в двадцати пяти,— пуля угодила точно в цель.

Я вынул из кармана наган, прицелился и... промазал. Пуля высекла искру из камня, лежащего за пеньком.

— Целишься долго,— огорченно проговорил Гавро.— Враг бы тебя уже убил, Захар.

Лайош тут же принялся учить, как надо держать руку, чтобы крепче был упор, как быстро поймать цель на мушку.

На другой день Гавро встретил меня в штабе.

— Покажи-ка свое оружие, Захар,— протянул он руку за наганом.

Молча вынул барабан, заглянул в ствол.

— Плохо почистил, дружище!

— Поздно было, керосина нет,— начал оправдываться я.

— Ну, а во время боевых действий тоже будешь на керосин сваливать?

Частенько я получал от него справедливые выговоры, иной раз и на людях, но тянулся к нему еще больше. А потом, в годы гражданской войны, сколько раз мысленно благодарил его за науку.

Гавро поручили проводить занятия по тактике с командирами красногвардейских отрядов. В Саратове к осени 1917 года в их составе было около двух с половиной тысяч человек.

Октябрьские события большевики нашей губернии встретили в боевой готовности. Этим и можно объяснить, что сравнительно легко красногвардейцы взяли городскую думу, а позже, весной 1918 года, ликвидировали в самом зародыше восстание частей, которым руководил так называемый «Союз фронтовиков».

Меня направили с отрядом на ликвидацию белогвардейских банд, действовавших в Поволжье. А когда была создана губернская ЧК, я перешел в ее подчинение уже как командир отряда особого назначения по борьбе с бандитизмом.

Однажды подняли нас по тревоге, приказав срочно прибыть в штаб Красной гвардии.

Там узнаю, что бандиты угнали со станции эшелон с мукой и обмундированием. Нужно догнать их, отбить состав.

— Сколько у тебя в строю? — спросил меня начштаба А. А. Федоров.

— Пятьдесят сабель!

— Поступишь в распоряжение Гавро.

А за окном уже слышится стук копыт. Выбегаю из штаба. Приказ Лайош получил, не слезая с коня. Через несколько минут галопом вылетаем в заснеженную степь. Дело под вечер, мороз — градусов двадцать пять. Дорога, по которой мчится наш отряд, рядом с железнодорожной насыпью. Разведку мы выслали вперед, понимая, что необходимо выиграть время, не дать бандитам разгрузить вагоны. Растащат мешки с мукой и тюки с обмундированием по заснеженным перелескам, а потом по деревням, ищи тогда!

Километрах в двенадцати от города встречаем связного, посланного командиром нашей разведки. Эшелон обнаружен у разъезда, бандиты, по-видимому, разгружают вагоны.

Повернули к разъезду. У крутого увала Гавро приказывает всем спешиться, а мне, наоборот, дает знак оставаться в седле. Пришпорив коня, он одним махом выскакивает на увал. Я следую за ним.

У Лайоша в голове уже созрел план. Перед нами в широкой лощине — эшелон. В вечерних сумерках копошатся возле него люди.

— Они ждут обоз вон оттуда! — показывает Лайош нагайкой в хвост эшелона.— Там дорога и переезд. Ударим с трех сторон,— решает Гавро.— Я обогну разъезд справа и выйду к паровозу, ты бей по хвосту эшелона и перекрой дорогу, а разведчики будут атаковать в лоб. Пока мы с тобой будем занимать позиции, разведчики завяжут перестрелку, отвлекут бандитов...

Удар наш был столь неожиданным, что почти не встретил противодействия. Видя, что их окружают, бандиты в панике бросились врассыпную.

Во многих боевых операциях принимал я участие вместе с Гавро, и это было для меня хорошей школой. Лайош быстро принимал решения. Поражало, насколько правиль-

но оценивал он обстановку и выбирал единственно нужный ход.

В марте восемнадцатого я расстался с Гавро: по поручению Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов он сформировал новый отряд из интернационалистов и должен был выступить с ним на помощь астраханским товарищам.

Утром он зашел в губчека попрощаться.

Заместитель председателя губчека М. С. Венгеров отпустил меня, я сел на коня, и мы с Лайошем поскакали к казармам. Его отряд ждал команды выступить.

Выехали за город. Пропустив бойцов вперед, Гавро спешился. Я тоже спрыгнул с коня.

— Ну, Захарушка, не поминай лихом! — звонко шлепнул он ладонью по моей руке.— Как знать, доведется ли встретиться?

Астрахань — крупный купеческий город и центр астраханского казачества — в весну восемнадцатого была наводнена белогвардейцами, бежавшими отовсюду фабрикантами и заводчиками, купцами, крупными петербургскими и московскими чиновниками. Контрреволюционеры пытались протащить на руководящие посты в губернии своих людей, разрабатывали планы свержения Советской власти.

Военное и экономическое значение этого города было в то время исключительно велико, и не случайно на протяжении двух лет белогвардейцы много раз пытались захватить Астрахань. Уже в январе 1918 года был подавлен вооруженный контрреволюционный мятеж.

Большевики призывали трудящихся Астрахани отстоять город от контрреволюции.

В одной из листовок говорилось:

«Революция в опасности! Тысячи гадов со всех сторон выползают из своих темных нор и хотят задушить нашу русскую революцию... Действительность указывает вам:

враг у ворот Астраханского края. Петровск, дававший нам хлеб, пропускавший керосин, мазут для фабрик, заводов и пароходов, захвачен бандами...»

Обращение заканчивалось словами: «К оружию, сыны революции!»

В Астрахани Гавро сразу же отправился в Военно-революционный комитет города. Там шло заседание под председательством Михаила Аристова, одного из руководителей астраханских большевиков. Гавро прошел через весь зал к столу президиума, отдал честь, достал из полевой сумки пакет и положил его перед Аристовым.

— Вы очень и очень кстати, товарищ Гавро,— сказал Аристов, пробежав глазами бумагу.

— Товарищи,— обратился он к залу,— саратовцы прислали нам на помощь интернациональный отряд. Перед вами его командир, член большевистской партии товарищ Лайош Гавро.

В зале собрались рабочие, рыбаки, крестьяне, матросы, представители военнопленных разных национальностей, сочувствующих Советской власти. Обсуждался один вопрос: как отстоять Астрахань. На этом заседании Лайош познакомился с соотечественниками — Шандором Сабо, Йожефом Дёмеком, братьями Енё и Бела Шугар.

А вечером в казармы на Козьей горе, где расположились прибывшие из Саратова интернационалисты, пришел друг детских лет Гавро — Иштван Вантуш. Пришел поискать земляков, узнать, что делается в других городах России, и столкнулся в дверях с Гавро.

— Вантуш! Вантуш из Трансильвании! Вот это встреча! — закричал Лайош.

Иштван Вантуш стал ординарцем Гавро.

Через некоторое время, оценив по достоинству организаторские способности Лайоша Гавро, астраханские большевики назначили его начальником формирования интернациональных частей в Астраханском крае, а венг-

ры-коммунисты доверили ему возглавлять их партийную организацию в городе.

Такие группы создавались тогда в Саратове, Орле, Перми, Курске, Царицыне и других городах. В. И. Ленин в марте 1918 года беседовал с венгерскими товарищами об организации Венгерской группы РКП(б), издания газеты на родном языке. Газета стала выходить с апреля. Вместе с ней начали поступать в Астрахань и брошюры на венгерском языке, написанные Бела Куном и Тибором Самуэли. Даже по названиям заголовков можно судить, на какие злободневные вопросы давали они ответ: «Кто платит за войну?», «Кому принадлежит земля?», «Что такое Республика Советов?», «Почему пала царская корона?», «Чего хотят коммунисты?»

«Мы все, командиры и рядовые красноармейцы, видели, как нужен каждый из нас революционной России,— написал потом об этой поре Лайош Гавро в своих воспоминаниях.— На Астрахань точат зубы белогвардейцы-деникинцы и всякая другая контра, в том числе английские империалисты, привлеченные на Каспий жаждой наживы — запахом нефти, который сводит их всех с ума...»

Часто Лайошу приходилось поднимать своих боевых товарищей по тревоге днем и ночью, чтобы седлать коней и мчаться на подавление белогвардейских мятежей и ликвидацию кулацких банд. Положение на юге России оставалось напряженным.

Весной 1918 года Гавро во главе Астраханского летучего отряда был направлен на помощь частям, освобождавшим Дагестан. Обстановка на Северном Кавказе в ту весну была очень сложная. Крупнейший помещик Нажмутдин Гоцинский, объявивший себя имамом, стремился к захвату власти. Религиозные фанатики под его предводительством собирались напасть на Порт-Петровск.

Чтобы предупредить бесчинства и грабежи банд, Петровский военно-революционный комитет послал в Темир-

Хан-Шуру вооруженный отряд. Во главе его стали большевик Уллубий Буйнакский и солдат Петровского гарнизона З. С. Захарочкин. Но до вооруженных стычек на этот раз не дошло. Большевики развернули агитационную работу среди горцев. На городском митинге они разоблачили политику буржуазных националистов, раскрыли подлинные цели самозваного имама. Нажмутдин Гоцинский, видя, что население города не на его стороне, вернулся в горы. Но вскоре контрреволюция подняла голову и в самом Порт-Петровске. Гоцинский решил этим воспользоваться. Через своих сторонников он стал распускать провокационные слухи, разжигать национальную рознь и начал готовиться к походу на Петровск.

Обстановка в городе накалилась до предела. За короткий срок ревком сформировал полк, который вместе с другими красногвардейскими отрядами вступил в бой с бандами имама. Врагов удалось потеснить, но силы были неравны. Чтобы сохранить Красную гвардию, было принято решение временно отойти в Астрахань и Баку.

В Астрахани Уллубий Буйнакский обратился за помощью к местным большевикам. Ведь от того, чьим будет Порт-Петровск, в немалой степени зависело снабжение не только Астрахани, но и Баку северокавказским хлебом. А центральные промышленные районы России через Петровск и Астрахань могли получать нефтепродукты.

Оказать братскую помощь Дагестану в восстановлении Советской власти было решено объединенными силами красногвардейских отрядов Баку и Астрахани, в числе которых были и бойцы из отряда Гавро. В апреле интернационалисты высадились с пароходов южнее и севернее Порт-Петровска. Начались бои. Сторонники имама с большими потерями бежали в горы. Власть перешла в руки ревкома. В сложных условиях классовой борьбы Гавро сумел наладить взаимоотношения своих бойцов с местным населением и вовлечь его в борьбу за Советскую власть.

Интернационалисты вернулись в Астрахань. Но это была всего лишь передышка. Вспоминая о тех днях, Гавро рассказывал мне о том, как однажды осенью его полк ночью был поднят по тревоге. В Терской области против Советов выступил ярый националист Георгий Бичерахов. Вновь подняла голову банда Нажмутдина Гоцинского. Города Грозный и Кизляр окружили белоказаки, пала Советская власть в Баку.

Астраханский экспедиционный отряд, в который влился интернациональный полк Лайоша Гавро, направляется на помощь Кизляру. Белые три месяца осаждали город, но не смогли его взять. Кизляр стойко защищали рабочие. Когда же противник получил подкрепление, атаки возобновились, и вскоре бои завязались уже на окраинах города.

На выручку кизлярцам пришли астраханцы. Двинувшись в сторону Кизляра, они вступили в бой с белоказаками. С правого фланга, форсировав Терек, развернул наступление латышский батальон.

Две недели жестоких боев, нехватка продовольствия, воды, боеприпасов. И наконец, Кизляр свободен. За личную храбрость, проявленную в боях за освобождение Кизляра, Лайош Гавро был награжден шашкой и серебряным портсигаром с надписью: «Освободителю кизлярских рабочих».

Астраханский экспедиционный отряд не сразу вернулся в Астрахань. Ему еще предстояло освобождать Моздок. Здесь Гавро был ранен, и его переправили в Астрахань.

Обо всем этом Гавро рассказал мне много позже, а тогда, весной 1918 года, проводив его в Астрахань, я тоже вскоре покинул Саратов. Губернская ЧК откомандировала меня в Москву, в распоряжение ВЧК. Там я получил назначение в Витебск начальником следственной комиссии губчека. Время было сложное. В белорусских лесах скрывались банды. Отдыха чекисты не знали. Не было особого деления на начальников и подчиненных: все, кто был не

на задании, выезжали на места происшествия. Порой сутками не спали, не жалея себя, выполняли мы свой чекистский долг, помогая органам Советской власти.

Изредка до меня доходили вести, как воюет Лайош. Он был заместителем председателя штаба обороны Дагестанской области. За храбрость и умелое руководство воинскими частями ему торжественно, перед строем интернационального полка вручили именное Почетное оружие.

Летом 1918 года Гавро приезжал в Москву. Я тоже в это время был вызван в ВЧК. Встретились случайно, на улице. Гавро был с друзьями-венграми. Все куда-то спешили, я присоединился к ним, и, пока шли мы по Тверской, обменялись новостями. Лайош рассказал мне, что 6 июля участвовал в подавлении левоэсеровского мятежа. Ирина Кун, жена Бела Куна, в своих воспоминаниях пишет: «...Советское правительство обратилось к руководителю Московской мадьярской группы, к товарищу Бела Куну, с тем чтобы слушатели школы агитаторов и группа, работавшая в Кремле, запаслись оружием, боеприпасами и немедленно, но тихо вышли во двор Кремля, где уже выстроился взвод латышских стрелков, объединились с ними и направились на захват... почтамта».

Интернациональным коммунистическим отрядом руководил Бела Кун. А операцию по захвату почтамта возглавил Тибор Самуэли.

Очистив почтамт от мятежников, интернационалисты отправились в район Покровских казарм. Там они разгромили большую группу эсеров. В числе 78 бойцов отряда были Тибор Самуэли, Лайош Гавро, Эрнё Пор, Янош Ковач и другие.

По поручению Бела Куна всего за две недели Гавро сформировал в Москве новый интеротряд и во главе его вновь отбыл в Астрахань. Спешка была вызвана осложнившейся обстановкой в Заволжье: уральские белоказачьи части, овладев Новоузенском, продвигались к Царицыну.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Около трех лет прошло с того мартовского дня, когда я на окраине Саратова расстался с Лайошем Гавро. Узнаем ли мы друг друга? Знаю, пришлось ему хватить лиха сполна. Три раза ранен, тяжело контужен.

На маленьком полустанке под Брянском наш эшелон простоял дольше обычного: брали дрова для паровоза. Красноармейцы, выстроившись цепочкой, кидали друг другу мерзлые березовые кругляки. На глаза мне попался плакат:

Паровоз кричит слова:
«Ем чужие я дрова!
Уголька подбрось, Донбасс,
Выручай, рабочий класс».

В Донбассе восстанавливались разрушенные белыми шахты, и первые тонны угля, как подарок Стране Советов, уже выдавались на-гора...

Мы с Поляковым вышли размяться. На перроне было многолюдно. Днем потеплело, и пассажиры высыпали из зала ожидания. В те годы на станциях было многолюдно: крестьяне ехали в города менять продукты на одежду, а горожане, наоборот, в села за продуктами. Мое внимание привлек разбитной парень в новеньком полушубке. Он вертелся среди мешочников и, как мне показалось, то и дело шарил глазами по нашим теплушкам, двери которых были распахнуты настежь. На плече у парня котомка и гармонь-трехрядка. Наверное, купил гармонь и домой катит.

Я стал наблюдать за ним. Лицо парня тронуто слегка оспой, нос велик, мясистые губы, цепкие глаза...

Не сенинский ли это лазутчик? Едва ли, очень уж приметный.

Однако подозрение зародилось не только у меня.

— Проверить бы его,— шепнул мне Поляков, когда мы подошли к своей теплушке.— Людей нужда гонит хлеб добывать, а этот гармонью обзавелся. Не бедствует, видать...

Но раздумывать было некогда — наш паровоз дал сигнал к отправлению.

Заскочили мы с Поляковым в теплушку, и когда она поравнялась с парнем в полушубке, тот вдруг озорно подмигнул, развернул гармонь и спел частушку, в которой нам послышалось слово «чека». Меня как кипятком обожгло. Частушка адресовалась явно нам. Но откуда знать этому носатому, что мы чекисты? А может, случайно слово на язык попало?..

— Ошиблись мы, Захар! — сердито сказал Василий.

— Ерунда! — успокаиваю сам себя. Какой из него разведчик? Очень уж он приметный. Один раз увидишь — и запомнишь на всю жизнь.

Но в поезде меня почему-то все больше угнетала мысль — нет, неспроста он проявил такой интерес к нашему эшелону. Пулеметы считал, прикидывал численность отряда... И настроение от этого испортилось вконец.

В Брянск прибыли утром. Губернские чекисты встретили нас на вокзале, проводили в теплые казармы, где мы с удовольствием подкрепились горячей перловой кашей, которую испокон веков солдаты зовут «шрапнелью».

После завтрака я отправился в губчека.

Город напомнил мне наш Саратов: дома в большинстве деревянные, лишь кое-где проглядывают сквозь облетающую листву каменные. Эти, купеческие, под железом, с высокими заборами и монументальными воротами.

Иду вдоль забора городского сада. Он весь обклеен плакатами, лозунгами, афишами, объявлениями и распоряжениями. На одном из плакатов усатый плечистый кузнец в фартуке замахнулся огромным молотом, готовясь размозжить драконью голову «гидры контрреволюции». На другом — изображен черный пузатый кулак с головой-тыковкой. Кулак ухватил мешок с мукой и тужится изо всех сил, опуская его в глубокую яму...

Пробегаю глазами объявление: «Товарищи коммунисты и беспартийные! Все как один на воскресник по пилению и подвозу дров детским домам и школам. Коммунистам явка строго обязательна!»

Брянск живет такой же жизнью, как и другие города Республики: в холоде и голоде...

И еще один листок, прилепленный почему-то отдельно, в сторонке. Серая рыхлая бумага. Под лиловыми буквами — подтеки. Текст антисоветский. Я сдираю его с забора, сворачиваю и кладу в полевую сумку. Надо показать брянским чекистам: свежий, сегодня ночью наклеен.

Губчека помещается в купеческом особняке. Дом обнесен высокой оградой, закрепленной на массивных каменных столбах. Чугунные створчатые ворота в частую решетку, а рядом за столбом крохотная калитка. Появляется красноармеец в стареньком тулупе и, добросовестно изучив мой мандат, бросает коротко: «Проходи!»

Председателя губчека Алексея Терентьевича Стельмаховича Ксенофонтов характеризовал мне как человека смелого, выдержанного, хорошо знающего свои края.

Захожу в кабинет председателя. Алексей Терентьевич громко говорит по телефону. Продолговатый деревянный ящик телефонного аппарата висит в простенке между окнами. Пользоваться им можно только стоя.

— Глядите, чтобы они арестованными себя у вас не чувствовали,— почти кричит Стельмахович.— Не разбегутся, если вам поверят! Не разбегутся, говорю! В бане

всех помойте сегодня же. Обязательно! Я к вечеру сам зайду, проверю.

Я догадался, что речь идет о беспризорниках. Стельмахович закончил разговор, резко крутнул два раза ручку телефонного аппарата; дал сигнал телефонистке, что можно разъединять, и повесил трубку. Потом улыбнулся мне и вытер пот со лба.

— Из-за этого проклятого ящика кричу все время, аж голос сорвал.

Мы пожали друг другу руки.

— Из какого сословия будешь? — спросил Алексей Терентьевич.

— Слесарил до революции па заводе в Саратове,— ответил я.

— Вот как! Я тоже слесарь, с Бежецкого машиностроительного...

Он высок, голубоглаз. Густые темные волосы падают на широкий лоб. Лицо интеллигентное, с твердым, чуть выпирающим вперед подбородком. Алексей Терентьевич достал из шкафа свернутую трубкой карту губернии, расстелил перед собой.

— Атаман Сенин жмется сейчас к лесам. Вот здесь,— показал он кончиком карандаша.— Частенько наведывается в деревни, но очень осторожен, выставляет надежные заслоны, долго па месте не задерживается. Лагерь свой в лесах меняет иной раз без особых на то причин, заметая следы. Заглядывает время от времени и в родную деревню Новая Погощь. Летом он там даже свадьбу свою сыграл. Жену зовут Анной Ивановной. Она у него теперь и адъютант, и начальник контрразведки. Раньше у него контрразведкой ведал жандармский офицер Сыромятников, а теперь он советник Анны Ивановны. Красивая, говорят, стерва, а злобствует похлеще самого атамана. Дочь заводчика, а завод в революцию реквизировали. Вот и зла па весь мир...

— В банду к Сенину еще летом пробрался наш человек,— продолжал Алексей Терентьевич.— Но, к сожалению, он не может войти в доверие к сенинскому окружению. Не просто это. Сколько я ни ломал голову, ничего путного придумать не мог. Очень уж осторожна и хитра атаманша.

— Связь со своим человеком поддерживаете регулярно? — поинтересовался я.

— Даже встречаемся иногда. В этом отношении нам повезло: он в интендантах ходит.

Алексей Терентьевич еще что-то хотел добавить, но я вскочил и кинулся к окну. По просторному двору к лабазам, приспособленным под тюрьму, красноармеец вел того самого гармониста, которого увидели мы на полустанке под Брянском!

— Он! — выдохнул я.

— Кто? — спросил Стельмахович.

Я рассказал ему все, а потом и о снятом с забора листке. Достал его из полевой сумки.

— Сенинская работа,— убежденно произнес Алексей Терентьевич.— А гармонист — разведчик атаманши. Приехал вслед за вашим эшелоном. Опознал его наш чекист, который был осенью в банде под видом коновала.

«Здорово же ты промахнулся!» — укорил я себя.

— Допрашивали? — киваю на окно.

— Ничего не сказал,— нахмурился Стельмахович.— Ярый враг Советской власти. Может, слыхал про соколовскую крупчатку — с мельниц его родителя шла. Мужики со всего уезда в должниках у него ходят. Он первым примкнул к Сенину, а сынок весь в отца. На снисхождение не надеется. Об одном просит: дать ему перед смертью на гармони досыта наиграться...

Я, собственно, только что познакомился со Стельмаховичем, но у меня возникло такое чувство, словно мы давным-давно знаем друг друга.

— Догадывается Сенин о прибытии нашего отряда, как ты думаешь? — спросил я. Мы сразу перешли на «ты», как это часто бывало в те годы.

— Вне всякого сомнения, таких агентов, как этот гармонист, у него много. По сообщениям наших разведчиков, Сенина очень беспокоит появление кавалеристов Людвига Гавро. Атаман конечно же сообразил, что за его банду берутся основательно.

Стельмахович рассказал мне, что уже побывал в бригаде Гавро. По словам Алексея Терентьевича, он удачно расположил бригаду, и теперь атаману Сенину будет непросто удрать к махновцам: дороги, которые ведут на юг, перекрыты красноармейцами.

Пришел Василий Поляков, доложил, что бойцы помылись в бане и он разрешил всем, за исключением дневальных, отдохнуть с дороги. Услышав о гармонисте, Василий заметил, что ничего иного и не ожидал. И тут у меня появилась мысль: а что, если попробовать пробраться к атаману через этого гармониста? Но как это сделать? Надо думать... А пока я посоветовал исполнить просьбу бандита — дать ему в камеру гармонь.

Замысел мой был далеко не оригинален, но если его умело осуществить, то вполне можно рассчитывать на успех. Гармонист — не простой агент, его, как стало известно, жалует сама Анна Ивановна, а это уже что-то значит. Мы подсадим к гармонисту нашего человека, умного и ловкого парня, и дадим им обоим возможность убежать. Побег должен выглядеть так, чтобы ни у кого из бандитов не возникло подозрение, что он подстроен.

— Гармонист один сидит? — сразу загорелся Василий Поляков.

— Нет,— сказал Стельмахович.— Но второй — спекулянт. Награбленное добро у бандитов на самогон выменивал, полный сарай тряпьем набил.

Я понял, что Поляков хоть сию минуту готов отправиться в лабаз знакомиться с гармонистом. Да, лучшей кандидатуры, чем Василий, для этого дела не найти. Парень он умный, находчивый, отчаянный. К тому же артистическая натура.

На фронте был такой курьезный случай. Во время яростной атаки белогвардейцев у нас вдруг замолчал станковый пулемет. К нему тотчас бросился Поляков, решив, что пулеметчик убит или ранен. Но тот был жив, просто заело пулемет. Боец суетился, пытаясь вытащить перекошенную гильзу. Василий помог ему устранить задержку, продернул ленту. Вдвоем они подняли «максим» со дна окопа на бруствер. Густая цепь белых была уже совсем близко. Впереди бежал толстомордый фельдфебель, отчетливо были видны его рыжие усы. В поднятой руке зажата граната. Еще миг — и она полетит на головы пулеметчиков...

— Отставить! — вдруг свирепо рявкнул Поляков.

Фельдфебель вздрогнул, остановился и беспомощно закрутился на одном месте: он услышал голос своего полкового командира, погибшего в бою!..

Нескольких секунд замешательства было достаточно, чтобы пулемет ударил длинной очередью в упор по вражеской цепи. Белогвардейцы дрогнули и стали отходить назад. Усатый фельдфебель оказался в числе пленных. Когда я стал его допрашивать, он заикался, глаза ошалело бегали по сторонам. Оказывается, — бывает же такое! — на германском фронте Василий Поляков служил с этим рыжеусым фельдфебелем в одном батальоне!..

Так кого же послать к Сенину? Василий подобное задание уже выполнял, в Белоруссии он «гостил» в банде Степаненко, куда мы его послали под видом полкового казначея, прокутившего всю казну и едва унесшего ноги от чекистов. Благодаря сообщениям Полякова удалось во-

время разминировать железную дорогу, по которой следовали на фронт воинские эшелоны, а потом и банду разгромить.

Василий вдруг встрепенулся, подмигнул мне лукаво и рывком вскочил с дивана. Сдвинул на затылок фуражку, растрепал волосы, собрал впереди складки гимнастерки под ремнем и сразу вдруг размяк весь: ни дать ни взять дезертир, изрядно хвативший сивухи. Сам черт ему не брат! Высокомерно поглядел на нас с Алексеем Терентьевичем, затем прошелся по кабинету — ноги заплетаются.

Стельмахович расхохотался, но тут же покачал головой:

— Не годится. Сенин дезертиров не переваривает, хотя сам бегал и от белых и от красных. Взять, конечно, он тебя возьмет, но веры тебе не будет. Приставят к тебе соглядатая, который начнет ходить по пятам.

— А что мешает мне стать белым офицером? — передернул плечами Поляков.— Ведь мы с Сениным однокашники по юнкерскому училищу. Потом он поступил в академию, отслужив сколько-то в казачьих частях на Урале... Учились, правда, в разное время, он старше меня, но у одних преподавателей. Между прочим, тактику нам преподавал сам Дутов, будущий атаман войска Оренбургского. Найдется о чем поговорить и что вспомнить, когда встречусь с полковником Сениным.

— Но ведь твои однополчане знали, что ты симпатизировал красным,— предостерег я Василия.— Вдруг кто-нибудь из них в сенинской банде.

— Да и в ВЧК наверняка приходилось иметь дело с белогвардейскими офицерами, а многие из них отщепенцы,— напомнил Алексей Терентьевич.— Где гарантия, что хоть один из них не окажется в банде?

— Волков бояться — в лес не ходить! — стоял на своем Поляков.

Где-то в глубине души я уже согласился с Василием, окончательно убедил он меня этим юнкерским училищем. Своего однокашника полковник Сенин обязательно должен приголубить. Но поверит ли он ему, вот вопрос! А надо, чтобы поверил. Надо все продумать и взвесить, по месяцам расписать, где и под чьим командованием мог Поляков служить у белых в гражданскую, как очутился на Брянщине. Стельмахович говорит, что Анна Ивановна хитра. Да еще рядом с ней профессионал по части проверки и дознаний — жандармский офицер...

— Сыромятников Илья Евгеньевич,— Стельмахович открыл ящик своего стола и достал нужную бумагу.— Звание — капитан. Перед войной служил в житомирском жандармском управлении...

Алексей Терентьевич охарактеризовал всех офицеров, находившихся в банде, подробно рассказал о порядках, которые завел полковник Сенин.

— Заманчиво, весьма заманчиво подкатиться к атаману,— подытожил он.— Однокашник... А ведь это хорошая зацепка, товарищи.

Но как организовать побег?

Стельмахович вызвал «коновала», который был у Сенина в начале осени. Проговорили до поздней ночи. А утром приехал Ференц Патаки. План наш он в основе одобрил, но нашел в нем столько недоработок, что Василий приуныл.

— Готовить тебя буду я сам,— сказал Ференц Владиславович.— Как-никак жандармов знаю...

На следующий день я с отрядом выехал в деревни, куда чаще всего заглядывали бандиты. Мы развернули агитационную работу среди крестьян, рассказывали им о целях и задачах Советской власти. Слова Дзержинского не выходили у меня из головы: «Не забывайте, что основное ваше оружие — большевистское слово!» В одной из деревень связной от Стельмаховича уведомил меня, что

тщательно подготовленный, снабженный соответствующими сведениями Поляков отправлен в купеческий лабаз, где ждет своей участи сенинский лазутчик.

Тревожно было у меня на душе: как оно там все повернется у Полякова? Не приметил ли его носатый гармонист, когда мы с Василием прохаживались по перрону?..

Тем временем вместе с кавалеристами бригады Лайоша Гавро мы, стараясь не спугнуть банду, обкладывали ее со всех сторон. Медленно, но неотвратимо сжималось наше кольцо.

Правда, в отряде были и такие, которые рвались одним ударом прихлопнуть банду. Приходилось и им разъяснять, что наша задача — избежать лишнего кровопролития, открыть глаза неграмотным крестьянам, запутавшимся и отчаявшимся.

Поубавили мы прыти атаману Сенину, взяли под свою защиту население деревень. И страх перед бандитами постепенно сменялся ненавистью к ним. Верных помощников прибавлялось у нас каждый день, стали приходить с повинной разведчики и осведомители Сенина. Тех, кому мы особенно верили, просили вернуться в банду, чтобы действовать изнутри. Свой уход из деревни они у Сенина мотивировали по-разному: заподозрили чекисты, донес кто-то, нет возможности жить рядом с красноармейцами или что-нибудь в этом же роде.

В селах создавались отряды самообороны, которые мы снабжали оружием. Теперь каждый мешок муки, каждую свинью или овцу сенинским «интендантам» приходилось брать с боем, демаскируя себя.

Мы с Ференцем Патаки поддерживали постоянную связь с Москвой. Ксенофонтов сообщал нам, что Феликс Эдмундович доволен общим планом операции, который мы представили ВЧК, но предостерегает от поспешности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

А Василий Поляков был уже у Сенина. В банду он попал под именем белого офицера Цветкова. «Побег» его прошел удачно. Мудрили мы долго, и трудно сказать, на чем бы остановились, если бы не помог случай. А было все так...

По городу пополз слух: свои именины полковник Сенин решил пышно отпраздновать в родном селе.

Проверить эту информацию поручили нашим разведчикам. В Новую Погощь, взвалив на плечи точильный станок, отправился один из брянских чекистов. Вскоре мы получили от него сообщение: «В домах богатеев жарят и парят. Ходят разговоры, что посулился Сенин приехать со своей свитой».

Но почему же так откровенно ведется об этом разговор? Раньше атаман был куда осторожнее...

— Что-то тут не так,— сделал вывод Ференц Патаки.

— Нас просто дурачат,— согласился с ним Стельмахович.— Но у атамана действительно скоро день рождения. Я проверил.

Долго размышлять не пришлось. Брянские чекисты заметили, что в город зачастили мужики из дальних деревень: кто на базар, кто навестить родственников. Но те и другие не очень торопятся домой. Алексей Терентьевич сам прошелся по базару в воскресный день.

— Да, гостей со всех волостей! — озадаченно протянул он.

Не успели мы переговорить и сделать какие-то предположения, как влетел взволнованный Слабуха, помощник Стельмаховича.

— Я чуть не столкнулся на улице с Митькой Кряком из нашей деревни! — торопливо доложил он. — Митька-то в банде.

Чекистам был дан приказ: никого из приезжих пока не трогать.

На другой день этот самый Митька дважды проехал на санях мимо губчека.

— А не хотят ли они выручить своего гармониста? — вдруг осенило Ференца Владиславовича. — Алексей Терентьевич, ты мне говорил, что атаманша — большая любительница поплясать? А какие же именины без гармониста? А он ведь не только гармонист, но еще и хороший разведчик.

— Тогда именины в Новой Погощи — это удочка: мы клюнем на наживку, кинемся атамана ловить, а бандиты тем временем нападут на лабазы и освободят своих.

Порешили — будем делать вид, что слухам поверили и хотим накрыть атамана в Новой Погощи. Ночью из города вышел отряд чекистов в направлении села. В здании губчека, как обычно, располагался один караульный взвод, но на всякий случай поблизости мы разместили в домах еще бойцов. Караулу было приказано арестованных в случае побега не трогать, стрелять только в бандитов.

Все прошло как нельзя лучше. В ночной суматохе, правда, пулей задели гармонисту плечо, Поляков, убегая от «погони», за городом свалился в овраг и при падении повредил ногу, но не сильно, потому что через несколько дней, как нам стало известно, он уже отплясывал «барыню» вместе с Анной Ивановной.

— Теперь ты можешь навестить своего друга Гавро, — сказал мне Ференц Владиславович, когда мы получили вести от Полякова.

Сопровождал меня небольшой отряд, ехали мы на конях, и был еще с нами пулемет.

Под вечер показалось большое село, вытянувшееся вдоль речки. Встретивший нас у околицы патруль проверил документы и показал, как проехать к штабу бригады.

— Но командира сейчас нет,— сказал один из красноармейцев.— Еще утром уехали вместе с начальником штаба.

На взгорке, у белой церквушки, топтался высокий костлявый дед в тулупе до пят. Я натянул поводья:

— Папаша, где тут у вас командир квартирует?

Дед с интересом оглядел меня.

— Это который?

— Главный.

— Комбриг, стало быть?

Я кивнул, удивляясь осведомленности моего собеседника. Оказывается, Лайош Гавро как раз у него в доме и остановился. Дед же был в гостях у кума и теперь направлялся домой.

Он проворно забрался в кошевку к пулеметчикам и прикрыл ноги полами тулупа.

— Комбриг-то — цыган чистых кровей,— сообщил он нам при этом.— Герой! Орден имеет.

Разместили по домам моих красноармейцев, а я стал дожидаться Гавро там, где он жил. Встретил меня ординарец комбрига Иштван Вантуш.

А дед явно заискивал.

— Спроворь-ка нам без промедленья на стол,— велел он жене.

Тихая и покорная старушка все делала молча. Однако нет-нет да и зыркнет на меня острым неприязненным взглядом.

Не зная, чем занять себя, я подошел к простенку, стал разглядывать фотографии, висевшие в большой общей раме. Внимание мое привлекли два дюжих молодца: сидят в одинаковых позах, положив ногу на ногу. Один зажал зубами папиросу, другой пробует улыбнуться.

— Сыновья? — спрашиваю у деда.

— Они самые, холера их забери,— насупился дед.

— Живы?

— Живые-то живые, да только совестно мне за них. Один с Сениным спознался, а другого, говорят, у Махно видели.

Так вот в чем тут дело!

После еды меня сморило. «Сосни в боковушке»,— предложил дед, поднимаясь из-за стола.

В маленькой комнате с одним окошком во двор было тепло и тихо. Я уснул, едва коснувшись головой подушки. Сколько проспал — не знаю, но проснулся, услышав знакомый голос: «А где Дымов?» И бормотание деда в ответ.

— Дымушка! — Дверь в мою комнатку резко распахнулась.

— Лайош! — Я вскочил с кровати и бросился к нему.

— Живой, дружище! — крепко обнял меня Гавро.

От него пахнет снегом. Шапка и воротник короткой шубы-венгерки покрыты белым инеем. На ремне сабля и револьвер.

Идем в горницу.

— Ну что, Захарушка, наша взяла! — Лайош вынимает газету из полевой сумки.— На, читай!

Я разворачиваю газету. В ней напечатана речь Ленина, произнесенная 6 ноября 1920 года на торжественном заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП(б) и МГСПС, посвященном третьей годовщине Октябрьской революции. Почта до нас идет долго.

«Сегодня мы можем праздновать нашу победу,— читаю я.— При неслыханных трудностях жизни, при неслыханных усилиях наших врагов, мы все же победили. Мы побеждаем в течение трех лет. Это является гигантской победой, в которую раньше никто бы из нас не поверил».

И такая радость вдруг охватила меня. Ведь это и ко мне, к моему другу Гавро, к нашим бойцам обращается Владимир Ильич...

Мы не виделись с Лайошем почти три года. Три долгих, тяжелых военных года...

Он немного раздался в плечах, возмужал. Но все тот же юношеский румянец на смуглых щеках, и все так же, как и тогда в Саратове, притаилась в глазах хитринка. А волосы, кажется, стали еще гуще, непокорно вьются над широким лбом. Поблескивает на гимнастерке орден Красного Знамени...

В ту ночь мы с Гавро не сомкнули глаз. Все говорили и говорили. О наших победах и погибших товарищах, о том, какую прекрасную жизнь мы построим.

— Как жаль, что у нас в прошлом году руки были связаны,— тяжело вздохнув, проговорил Гавро.— Мы, интернационалисты, при содействии Красной Армии уже создали экспедиционный корпус для помощи венгерской революции, а вот перебросить его к нам, в Венгрию, не успели...

Гавро ждали неотложные дела в штабе бригады, и завтракать мы сели очень рано. Но хозяева были уже на ногах, собирались в церковь. Как и накануне, дед не умолкал ни на минуту.

Языкастый дедок! И умен и хитер: понял, что мы чекисты. Должно быть, вчера вечером на кухне уловил что-то из разговора пулеметчиков.

— Чека у телеги, чтобы колеса держать,— рассуждал он за чаем.— Выходит, что и Советской властью дадено ей такое назначение? — И по-свойски подмигнул при этом мне.— Государственные колеса поддерживать. Особливо, если когда под уклон или на крутом повороте?..

— А у нас дорога прямая,— ответил ему Лайош.— Сворачивать с нее не собираемся. Да и под горку тоже не покатимся, если уж Антанту одолели.

— Оно так,— поддакнул дед.

— А ЧК наша камни с дороги убирает,— заключил я.— Такие, как Сенин, например, Махно...

Дед многозначительно взглянул на меня, но промолчал.

Я понял в эту минуту: не любит он нас, видимо, за сыновей боится.

Справный, видать, был хозяин, этот дед. Просторный дом, крытый железом, добротные кадворные постройки — амбары, коровник, конюшня, овчарня. Все прочно, на многие годы.

— Горбом, горбом все нажито,— уверял он вчера, когда я разглядывал его двор.— Все жилы вытянул, пока на ноги встал.

Когда хозяева ушли в церковь, Лайош улыбнулся мне и сказал что-то Иштвану по-венгерски. Ординарец почему-то подчеркнуто официально ответил: «Слушаюсь!» — и поспешно удалился.

— Одну любопытную бумаженцию тебе покажу! — ответил на мой недоуменный взгляд Лайош.

Через несколько минут вернулся Иштван и положил перед нами серый помятый лист бумаги. «Такая же желтая, с крупной остью»,— отметил я про себя, вспомнив сенинскую «агитку» в Брянске.

— Читай вслух! — протянул мне бумагу Иштван.

— «Мужики! Три пуда соли и три пуда сала дает батько Сенин за голову чекиста Дымова».

— Вон как высоко тебя оценили! Гордись, гордись, Захарушка! — залился смехом Лайош.

Я бы и не упомянул об этой истории, не завершись она неожиданно в тот же день.

Закончив в штабе все наши дела, мы вернулись домой пообедать. Дед и бабка были еще в церкви, у печки на скамеечке сидел Иштван и читал какую-то книгу.

Я опасался, что дед скоро заявится и не даст нам побыть наедине. Сели за карту, и тут у меня выпал карандаш из гнезда полевой сумки. Я полез под стол. Нет нигде. Заглянул под стоявшую рядом кровать. Тоже не видно. А в те годы карандаш был большой ценностью. На химический, как тогда говорили «чернильный», у крестьян поросенка можно было выменять. В заднем углу комнаты стоял домашний ткацкий станок. Я потянул прикрывавшую его рогожку и увидел на полу сложенные пирамидкой тугие рулоны бумаги. Она оказалась такой же, на какой было написано объявление бандитов.

— Гляди! — показываю ее Гавро.

— Это еще ни о чем не говорит,— отвечает он.— Такая бумага не редкость теперь.

Конечно, это не доказательство, такая бумага тогда была в ходу, да и мало ли зачем она могла понадобиться хозяйственному деду. Но я уже не мог успокоиться, начал искать, а что именно, и сам не знал. Обшарил всю комнатенку. Гавро посмеивался, а вот Иштван был на моей стороне. Поднял он клеенку со столешницы, и я ахнул: вся столешница в лиловых разводах. Уж не здесь ли стряпаются бандитские листовки? Но и это еще не доказательство...

— Он грамотный? — спросил я у Иштвана.

Тот кивнул.

— Сынки в бандитах ходят,— произнес Гавро.

Ничего мы больше не нашли, а Лайоша вскоре вызвали в штаб бригады. Тут и дед с бабкой из церкви вернулись. Я прекратил поиски. Но у меня мелькнула одна идея...

Перемыв посуду, Иштван прилег отдохнуть на лежанку у русской печки.

Только задремал — стук в дверь.

— Комбриг дома? — слышится из сеней.

— В штабе! — недовольно отвечает ординарец.

— Нет его там!

— Значит, уехал куда-то...

Через несколько минут опять кто-то спрашивает.

— Нет его! — в сердцах кричит Иштван.— Ни днем ни ночью покоя не дают.

После третьего стука, не выдержав, ординарец вырвал из школьной тетради двойной лист и пошел к деду в горницу.

— Пиши, пожалуйста! Большими буквами пиши: «Командира нет!»

А тут как раз еще кого-то принесла нелегкая, колотит об стенку валенками, снег сбивает...

Людей из штаба посылал я.

А слова на листовке и на тетрадном листе оказались написаны одной и той же рукой... Хитрый дед состоял в сенинской агентуре.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Три дня пробыл я в бригаде Гавро. О многом мы переговорили с ним.

Лайоша тревожила судьба отца и матери в Венгрии, родных и друзей.

— Отец мой наверняка участвовал в революционных событиях,— говорил Лайош.— Он шахтер, старый член социал-демократической партии. Ты вот что, Захар, как вернешься в Москву, сходи в Коминтерн. Может, через наших товарищей что-нибудь и про моих стариков узнаешь. Боюсь я за них. Хортистам, конечно, известно, что я командир Красной Армии.

Эта наша встреча с Гавро запомнилась мне хорошо. Может, потому, что мы впоследствии часто возвращались к этой операции по разгрому банды Сенина.

Гавро очень волновался за Василия Полякова.

— Любая случайность может оказаться для него роковой,— говорил Лайош.— Ты посмотри, что получается. Не напиши бандиты про тебя в своем объявлении, я бы тебе этой бумажонки не показал. Случайность? Попал на постой именно к деду, который стряпал бандитские листовки. Тоже случайность? И карандаш упал на пол как раз в той комнате, где была спрятана бумага. Опять случайность?

— Нет, уже цепь случайностей...

— Как бы там ни было, но Поляков у бандитов ходит по острию ножа.

— Мы это прекрасно понимаем и готовы в любую минуту прийти ему на помощь. В банде есть наши люди,

с которыми поддерживается постоянная связь. Думаю, и сам Василий в случае чего не растеряется: чекист он опытный.

Однако и у меня на душе было неспокойно.

Договорились мы с Лайошем, что у него наготове будет усиленный пулеметами конный отряд, чтобы оперативно выступить по первому нашему сигналу.

Возвращаюсь в Брянск. Стельмахович встречает меня сногсшибательной новостью:

— Ты знаешь, что отчебучил твой Цветков-Поляков? — сообщил он, едва переступил я порог кабинета.— Жениться надумал!

Не могу понять, шутит он или говорит серьезно. Однако подтверждает это и присутствующий здесь Ференц Патаки и при этом смотрит лукаво.

— На поповой дочке! — продолжает Стельмахович.— Красавица, говорят, писаная.

— Но это еще полбеды,— Ференц уже не таит улыбку.— Василий при всех залепил пощечину атаманше. А это уже посерьезнее женитьбы... И представь себе, обошлось!

Как это все произошло, мы узнали немного позже.

На одной из гулянок атаман, опьянев, уснул за столом, а веселье продолжалось. Поляков твердо держался на ногах, хотя и пил, не отставая от других. А атаманша, Анна Ивановна, до того разошлась, что, куражась, опрокинула ему на голову кружку пенистой медовухи. Все захохотали. Цветков побледнел. Он понимал, что от того, как он сейчас поступит, будет в немалой степени зависеть успех его задания.

Жестом остановив гармониста, поручик Цветков вытер платком лицо и шагнул к Анне Ивановне. Атаманша смеялась, небрежно поигрывая маленьким браунингом. Рядом с ней два дюжих бандита из личной охраны атамана. Цветков безоружен.

— На мне мундир русского офицера, и чтобы какая-то...

Не закончив фразы, поручик залепил Анне Ивановне пощечину. Разом все стихло. Телохранители кинулись к Цветкову, заломили ему руки за спину. Анна Ивановна не тронулась с места. Подбросив на ладони браунинг, сняла его с предохранителя, подняла руку и стала прицеливаться...

— Коротенькое слово «извините»,— сказала атаманша,— и в награду — жизнь!..

Цветков молчал.

— До трех считаю,— нетерпеливо бросила Анна Ивановна.— Раз!..

— Отставить! Извольте извиниться перед поручиком! — неожиданно раздался сердитый голос Сенина.

Проснувшись, атаман видел все, что произошло, и, к удивлению бандитов, остался доволен поведением своего однокашника.

На другой день об этом случае знала вся банда.

Поручик Цветков возвысился в глазах сенинской верхушки, а атаман назначил его командиром взвода конной разведки, к тому же Василий стал пользоваться расположением и своего непосредственного начальника, командира разведки банды, ненавидевшего Анну Ивановну.

В глазах же Сенина Цветков вырос еще и потому, что стал основным добытчиком продовольствия. Папаша атамана «занемог» — не просто теперь стало грабить крестьян. Помощники его особой ретивостью по заготовительной части не отличались. Тут и взялся за дело поручик Цветков. В сенинском штабе только удивлялись, когда сопровождавшие поручика бандиты выкладывали на стол круги колбас, бутылки спирта.

Анна Ивановна притихла и стала вести себя с поручиком так, словно между ними ничего не произошло.

В один из дней Цветков вернулся с новым запасом продовольствия. В горнице собрались самые близкие атаману люди. На составленных впритык один к другому столах красовались нарядные бутылки. По правую руку от Сенина восседал тучный поп, рядом — его молоденькая дочка. По левую сторону, как всегда, Анна Ивановна в накинутой на плечи кашемировой шали. Цветкова усадили рядом с поповной.

— Чем же мне тебя отблагодарить, поручик? — расправил усы Сенин.

Цветков не успел открыть рта, как его опередила Анна Ивановна.

— Может, женить его, атаман?

— Женить! — дружно поддержали за столом.

Зарделась миловидная поповна. Наступила тишина. Все в ожидании замерли, глядя на поручика и поповну.

— Вы холосты, поручик? — осведомился атаман.

— Некогда было жениться,— ответил Цветков.— Получил чин поручика — и на германскую...

— Кто от такой красавицы откажется? — проговорил кто-то.

— Верно! — подхватили сразу несколько человек.— Женить поручика!

Узнав об этом, мы задумались.

— Хитрая эта Анна Ивановна,— раздумывал вслух Ференц Патаки.— Она явно рассчитывала, что поручик откажется от женитьбы. Не такова атаманша, чтобы простить оскорбление.

В банду Сенина пробралось еще несколько наших чекистов. Патаки держал надежную связь с этими людьми. Можно было начинать решительные действия. А для этого надо было выдвинуть поближе к банде наши ударные группы. Но разместить по деревням такое множество людей непросто: там каждый незнакомый в глаза бросается.

— Мы тут с Алексеем Терентьевичем кое-что придумали,— Ференц жестом пригласил меня к карте.

— Ты слышал что-нибудь об атамане Мордалевиче?

— Бандит с буржуазно-националистическим уклоном,— сказал я.— Действует на Украине.

— Верно, он наш сосед,— кивнул головой Стельмахович.— Мы получили известие от киевских товарищей, что этот тип поскандалил со своим дружком и заместителем... Как его?

— Бородулей,— подсказал Ференц Владиславович.

— И что из этого?

— Бородуля откололся от него и увел с собой около сотни бандитов.— Патаки пометил на карте кружком район южнее Полтавы.— Где-то здесь теперь обитает.

— И вы хотите передислоцировать Бородулю на Брянщину? Хорошо придумали!

— Не только придумали, но об этом уже Сенину доложили,— продолжал Ференц Владиславович.— Сегодня утром он получил донесения трех агентов из разных мест о том, что Бородуля держит путь на Брянщину, много наслышан об атамане Сенине и хотел бы с ним встретиться.

— А вдруг к Сенину поступят сведения, что Бородуля на самом-то деле орудует в районе Полтавы?

— Риск, конечно, есть, но будем надеяться, что за несколько дней вести к Сенину не дойдут,— раздумывал вслух Алексей Терентьевич.— Если он все же узнает о чем-либо и насторожится, наши товарищи немедленно предупредят.

— Главная задача сейчас — обеспечить маскировку,— подытожил Ференц Владиславович.— Придется нашим ребятам предстать перед жителями деревень под видом бандитов. Так нам удастся ближе подтянуть к Сенину отряд конников Лайоша Гавро. А потом выберем момент и прихлопнем...

А в банде тем временем шла деятельная подготовка к свадьбе. Анна Ивановна пустила слух, что поп большими деньгами ворочал. Перед войной перевел их во французский банк. Вот поэтому, дескать, и клюнул на его дочку поручик Цветков.

Надо сказать, что офицеры из сенинского окружения понимали, что игра атамана проиграна. Участились случаи дезертирства из банды. В ее расположении все чаще стали появляться листовки чекистов, и это бесило атамана.

Многие офицеры ждали весны, чтобы покинуть банду и уйти за границу. Но как быть без денег?

Атаманша знала, что делала,— офицеры стали поглядывать на Цветкова косо. Он вызывал откровенную зависть. Выяснилось вдруг, что в женихи к поповой дочке некоторые метили давно. Положение Цветкова осложнилось.

А Сенина порадовало известие: есаул Бородуля со своей сотней ищет встречи с ним. Судя по всему, он не прочь влиться в «корпус», как именовал Сенин свою банду. Это было как нельзя кстати. Нужно возместить потери, поднять боевой дух и во что бы то ни стало дотянуть до весны. А когда сойдет снег, можно будет взять отцовские ценности, спрятанные в лесу, и удрать за кордон.

Знала о кладе и атаманша. Она-то и предложила захватить кого-нибудь из чекистов и продержать его до весны. А потом предъявить ультиматум: получите своего человека, если дадите нам беспрепятственно уйти.

Разведка банды доносила — чекисты чувствуют себя уверенно, разъезжают по губернии небольшими отрядами.

Поначалу идея атаманши показалась Сенину сумасбродной, но, подумав, он согласился. После этого явился к нему поручик Цветков, которому стало известно о разговорах в штабе.

— Дозвольте встряхнуться? Засиделся...

— В районе Зерново Дымов с небольшим отрядом,— напомнила Анна Ивановна.— Сведения у меня точные.

— Численность отряда? — поинтересовался деловито Цветков.

— Около взвода и пулемет...

— Но взять чекиста надо только живым,— наставлял Сенин.— Действуйте, господа!

Атаман лично проверил готовность разведчиков к рейду, благословил их, и конники во главе с поручиком ускакали по зимней дороге в сторону Зерново.

Рассчитывали, что вся операция займет дня три-четыре, но, видимо, что-то не ладилось у Цветкова. Прошла неделя в томительном ожидании — нет вестей от разведчиков. Наконец из Зерново пришел агент атаманши, человек верный. Доложили Сенину, провели в штаб.

— Вот! — агент положил на стол перед атаманом полевую сумку.— Комиссарская! Велено вручить лично.

— Что там у поручика? — не выдержала Анна Ивановна.

— Трое наших убиты, пятеро ранены.

— А Дымов?

— Скрутили. Заманили в глухую деревушку, живым взяли. Везут его окольными путями. Завтра в эту пору будут.

Наутро прискакал вестовой поручика — отряд уже в двадцати верстах, но снегу навалило много, дорога тяжелая.

Спешно начали готовить встречу.

А накануне вечером прибыли к Сенину «посланцы» казачьего есаула Бородули для переговоров о слиянии отрядов. Доложили, что есаул со своей сотней остановился в соседнем селе,— лошадям требовался отдых после дальнего перехода, да и людям тоже. Приводят себя в

порядок после дороги, чтобы появиться перед атаманом в должном виде.

— Погуляем сегодня славно,— порадовал «посланцев» атаман.— А переговоры завтра...

После полудня атаманская свита, деревенские богатеи и гости собрались в просторном поповском доме. Для такого случая батюшка не пожалел выпивки и закуски.

Сенин произнес застольную речь, поздравил всех собравшихся с победой над чекистами и с присоединением к банде бородулинской сотни.

Выпили и совсем расчувствовались.

— Едут! Едут! — донеслось из прихожей.

Это прибежал посыльный от начальника караула. А вскоре появился в дверях и сам Цветков. Атаман вскочил с бокалом вина.

— Чарку поручику!

Несколько человек сразу потянулись к Цветкову со стаканами. Шум, толкотня, неразбериха. И в суматохе как-то не обратили внимания, что в доме появились незнакомые люди.

— Что за народ? — первой спохватилась атаманша.

— Мои,— бросил Цветков, которого перестали наконец тормошить и потащили к поповне.

— А где Дымов? — спросил охмелевший Сенин.

Пришлось мне отозваться и выйти вперед. В одной руке у меня маузер, в другой — граната.

Бойцы, проникшие в дом вместе с Цветковым-Поляковым, выхватили револьверы. Атамана взяли в кольцо «посланцы» есаула Бородули — чекисты во главе с Ференцем Патаки.

— Оружие на стол! — вскинул руку с гранатой Цветков-Поляков.— Вы окружены!

— Сопротивление бесполезно! — громко говорю я.— Мы заняли всю деревню.

Внезапность ошеломила бандитов.

Обезглавленная банда была разгромлена чекистами и бригадой Лайоша Гавро в течение нескольких дней. Вся операция свелась к поимке разбегавшихся бандитов, которые пытались пробиться на юг, где действовал Махно. В перестрелках несколько наших было ранено, но домой вернулись все живыми. Штаб банды вместе с атаманом был доставлен в Москву и сдан в ВЧК.

Всем участникам ликвидации банды была объявлена благодарность, а Василия Полякова наградили Почетным именным оружием.

И. К. Ксенофонтов был доволен нашей работой, доволен Поляковым. Мы еще находились в Брянске, когда из ВЧК поступила телеграмма: срочно командировать Полякова в распоряжение железнодорожной чрезвычайной комиссии. Ему предстояло выполнить новое задание. Как мы вскоре узнали, речь шла о борьбе с хищениями на железнодорожном транспорте.

Лайош Гавро со своей бригадой вернулся в Киев. В 1921 году его назначили комендантом Киевского укрепрайона, а через год — губернским военным комиссаром. Гавро было поручено возглавить борьбу с недобитыми бандами буржуазных националистов.

В 30-е годы Алексей Максимович Горький обратился к участникам отгремевших боев с просьбой написать свои воспоминания для «Истории гражданской войны». Мы, друзья Лайоша, упрашивали его рассказать о своей столь богатой волнующими событиями жизни, о боях и походах, в которых ему довелось участвовать.

— Это твой долг перед боевыми друзьями-интернационалистами, сложившими голову за Советскую власть,— горячо убеждал Гавро венгерский писатель, интернационалист Антал Гидаш.

Гавро всегда был очень занят. Да и не любил писать. Его письма друзьям по своей краткости напоминали депеши. Однако под нашим дружным нажимом Лайош все-таки взялся за перо. Не все записи, к сожалению, сохранились, да и не довел он свою работу до конца. Но кое-что из написанного удалось разыскать. Большая заслуга в этом Надежды Павловны Ровенской, которая старательно собирала и бережно хранила все, что связано с именем Гавро.

Лайош много рассказывал мне о событиях в Астрахани в августе 1918 года. Но сохранились и его записки об этом времени. И, пожалуй, они самый достоверный источник о той горячей поре. Давайте и мы обратимся к этим волнующим строкам:

«...Ударили в колокол крепостного собора, из крепости послышались отдельные выстрелы, потом там началась беспорядочная пальба, истошные крики. Моя осед-

ланная лошадь стояла у коновязи, тут же была лошадь ординарца Иштвана Вантуша.

— За мной! — крикнул я ему, выбежав из казармы, двери и окна которой по случаю жары были распахнуты настежь.

Мы вскочили на коней. «Сначала в военкомат», — решил я.

Военком что-то писал за столом. Стараясь быть спокойным, я сказал ему, что в крепости неладное творится, оттуда доносятся крики и стрельба.

Военком выслушал меня и усмехнулся:

— У страха глаза всегда велики!

Звоню из его кабинета в губком партии. Никто мне не отвечает. Выбегаю из военкомата — нет наших лошадей, и ординарца тоже нигде не вижу. «Куда же он мог пропасть?» — досадую я, оглядываясь вокруг.

Подходит легковая машина. Я бросаюсь к ней, сажусь рядом с шофером и приказываю ему немедленно везти меня в казармы интерполка. «В крепости восстание, товарищ!» — сообщаю ему взволнованно. Я уже принял решение поднять по тревоге полк, вести его к крепости и действовать самостоятельно.

Шофер по моему виду понял, что я не шучу, развернулся безо всяких разговоров, и мы поехали. На Полицейской улице дорогу нам преградила большая группа людей, одетых кто во что горазд: тут и гимнастерки, и френчи, и рубашки, и национальные одежды горцев... Кричат во все горло: «Бей комиссаров!..» Выстрелы раздались, шофер ойкнул и схватился за шею. На пальцах — кровь. Меня выдернули из машины, разоружили и повели в казармы, где располагался эскадрон мятежников. Сюда же через несколько минут привели Иштвана Вантуша и губернского военкома. Я не удержался, напомнил ему про страх, у которого глаза велики. Он промолчал, отведя глаза...

Все трое мы оказались в одной комнате под охраной пожилого рослого чеченца в потертом бешмете. Вот он покрутился у порога и отлучился. Я подмигнул Иштвану, указав кивком на раскрытую дверь. Тот подошел на цыпочках, выглянул осторожно в коридор и махнул нам рукой. Стараясь ступать бесшумно, мы с военкомом вслед за Вантушем выскользнули в коридор, в котором не было ни души, пробежали по нему в дальний конец и оказались на черной лестнице, которая вывела нас во двор, заросший бурьяном. Перемахнуть через забор было делом нескольких секунд. Попали мы на людную улицу, но никто на нас не обращает внимания. Спешим затеряться в толпе.

Иштван следует за мной по пятам.

Едва успели мы отдышаться, как наткнулись на офицеров. Их много, человек двадцать. Все в новеньких светлых френчах, бриджах и хромовых сапогах. На плечах поблескивают золотом погоны. Военком сумел скрыться, а меня с Иштваном офицеры задержали и повели в городскую думу. Там я весной разоружал эсеров, один из них меня узнал.

— Мадьярский большевик! — злобно сказал он своим друзьям.— Для такого гада не жалко и пули.

Но пули, на мое счастье, у него не оказалось, офицеры, по-видимому, еще не успели получить оружие. Сбор у них, как я понял, был назначен в думе.

Там шла ругань, неразбериха. Все кричат, распоряжаются, руками размахивают, и никто никого не хочет слушать. Нас оставляют без надзора, чем мы не преминули воспользоваться и снова оказались на свободе. Но в толпе у думы я потерял Вантуша и, как оказалось, только к счастью: у большого моста подле крепости меня опять схватили. Дорогу мне преградил своей мощной фигурой штабс-капитан. С ним было еще два офицера — поручик и подпоручик. Все в нарядных кавказских беш-

метах и, несмотря на жару, в высоких белых папахах.

— Я вынужден вас задержать, господин...— начал штабс-капитан.

— Ротмистр,— подсказал я.

— Насколько мне известно, господин ротмистр, вы охотно служили большевикам,— объявил штабс-капитан причину моего ареста.— Следуйте за нами.

Они привели меня в крепость и доложили начальнику штаба мятежников, что задержан красный командир из военнопленных.

— Расстрелять! — отмахнулся начальник штаба, едва взглянув в мою сторону.

Самим офицерам выполнять этот приказ не хочется, они сдают меня начальнику караула, казачьему офицеру, тот вызывает из караульного помещения двух солдат.

— В расход!

Солдаты молодые, недавнего призыва. Винтовки держат так, будто боятся, что они сами начнут у них стрелять. Пробираемся мы через площадь, и меня окликает знакомый рыбак, который привозил рыбу к нам в интерполк.

— Куда? — удивленно поглядывает он на охрану.

— На охоту! — отвечаю ему горькой шуткой.

— Приказано в расход,— объясняет один из солдат.

— Чего? — берет его за плечо рыбак и поворачивает к себе лицом.— Кто приказал?

— Офицер...

— А вы и рады стараться!

У них завязывается разговор. К нам подходят еще несколько рыбаков, а с ними матрос. Все они, как видно, давно знакомы. Матрос начинает сердито рассказывать, что делается в городе: меньшевики и эсеры, мол, открыто поддерживают белогвардейцев и всякую контрреволюционную сволочь. «Ваши благородия» разоружают красноармейцев, арестовывают большевиков...

Тут и я помаленьку начинаю голос подавать.

— Вы же вместе с буржуями и их пособниками Советскую власть свергаете, темнота!

Я объясняю им, что мы зажаты со всех сторон врагами, и этот белогвардейский мятеж — удар в спину Советской власти. Меня поддерживает матрос, рыбаки тоже за красных, и наш маленький и короткий митинг заканчивается тем, что я не только оказываюсь на свободе, но у меня к тому же появляются еще помощники, которые сами предлагают свои услуги. Это рыбаки и матрос. Я прошу их скорее пойти в казармы интерполка и передать командирам мой приказ: немедленно привести полк в боевую готовность, никого к своему расположению не подпускать, ждать моих дальнейших распоряжений. Сам я пока выйти из крепости не могу — задержат солдаты, охраняющие ворота... Только они ушли, как меня опять «опознали» и задержали. Командир красных мадьяр был на виду в городе. И тут у меня вдруг родился очень рискованный, я бы даже сказал, авантюрный план.

— Иду с предложением к его превосходительству! — объяснил я конвойным. Те немного поотстали, однако глаз с меня не сводят.

Бодрым шагом уверенного в себе человека, тихонько насвистывая бравурный марш себе под нос, поднимаюсь на крыльцо штаба и направляюсь прямо к самому полковнику Маркевичу, главарю мятежников, который повысил сегодня всех офицеров в звании на одну ступень, не обойдя, разумеется, и себя. Новоиспеченный генерал восседал в мягком кресле за большим столом, заваленным бумагами и картами. Я звякнул шпорами, вытянулся перед ним и представился:

— Командир иностранного полка ротмистр австровенгерской армии Лайош Гавро.

Окинув меня изучающим взглядом, генерал остался доволен и дружелюбно улыбнулся:

— Я слушаю вас, господин ротмистр.

Стараюсь выложить ему по-военному все четко и коротко: так и так, дескать, ваше превосходительство, всем моим офицерам и солдатам осточертело мотаться на чужбине. Красные предложили нам нести гарнизонную службу в городе, пообещав вскорости отправить па родину, но слово свое не держат, кормят скверно, одной рыбой, не обмундировывают...

Маркевич внимательно выслушал меня, поинтересовался, из какой я семьи, где служил и где воевал до плена. Потом поднялся и предложил мне пройти с пим в строевой отдел.

Там меня стали расспрашивать, что за люди в полку, можно ли на них положиться. Можно, отвечаю, по только в том случае, если всех одеть и хорошо или хотя бы сносно кормить.

— За этим дело не станет,— торжественно заверил меня Маркевич».

И все же белый генерал не доверял мадьярскому офицеру. В казармы Гавро сопровождал взвод казаков, которым надлежало присматривать за действиями командира интерполка.

Скороговоркой, по-венгерски Гавро сумел предупредить интернационалистов, что он вынужден был так поступить и что нужно следить за его действиями. В подходящую минуту даст сигнал, как поступить. А пока все должны быть настороже и слушать его команду, которую он будет отдавать по-русски.

Тогда Лайош Гавро блестяще провел белогвардейцев. Опи одели полк, обули. На радостях рыбопромышленники и купцы открыли для них свои тайные склады с продовольствием, обмундированием, предназначавшимися еще для царской армии. Бойцы получили офицерское обмундирование, добротные сапоги с высокими голенищами, шерстяные одеяла и по 250 патронов на каждого.

В городе в это время шли бои, мятежникам не удалось одним махом, как они рассчитывали, выбить большевиков и стать хозяевами положения. На защиту Советской власти выступили военные моряки во главе с П. В. Коптеевым, к ним примкнули рабочие-металлисты, которых привел председатель их союза слесарь Ф. А. Трофимов, активный участник революции 1905 года.

Гавро повел свой полк в сопровождении группы белогвардейцев на штурм рабочей окраины, которую мятежники не могли занять. В решительный момент неподалеку от Астрахани-Товарной интернационалисты повернули штыки против белогвардейцев и соединились с рабочим отрядом. К ночи основные силы белогвардейцев были подавлены, мятежники хозяйничали только в крепости, ожидая подмогу, обещанную Деникиным.

На штурм кремля повел объединенные отряды интернационалист Гавро. Его интерполк действовал с моряками и красноармейцами, вместе с отрядом, который организовал Сергей Миронович Киров, прибывший в Астрахань из Царицына. Важная роль в подавлении мятежа принадлежала венграм-интернационалистам, которые находились в кремле и во время штурма ударили в тыл мятежникам.

Конец белого «генерала» Маркевича Гавро потом так опишет в своих воспоминаниях:

«...Я знал о том, что «генерал» назначил совещание на 11.30 вечера, потому что еще днем тоже был приглашен на него. Совещание должно было проходить в крепости, а мы, интернационалисты, якобы «перешедшие» на сторону мятежников, получили право беспрепятственно бывать в штабе Маркевича... Полной картины того, что происходит в городе, в штабе мятежников, очевидно, не было, поэтому совещание не отменили...

Без двадцати одиннадцать тихо снимаем караул у главных ворот и тут же отделываемся от приставленного

к нам поручика Гончарова. Мне доставляют записку товарища, командовавшего флотилией. Он сообщает, что триста матросов готовы выступить по моему сигналу. Вместе с запиской прибыл небольшой отряд, человек в пятьдесят. Он якобы тоже на стороне мятежников.

Я, не медля, провожу матросов по галерее на верхние балконы большого зала, оставляю у лестницы небольшую группу интернационалистов, а несколько бойцов потихоньку пробираются к окнам...

По моему сигналу открывают двери большого зала. Я врываюсь в зал с группой интернационалистов.

— Ни с места! Руки вверх! — кричат они».

«15 августа 1918 года, во время белогвардейского мятежа генерала Маркевича,— пишет в своей автобиографии Гавро,— я с частью третьего интернационального полка ночью ворвался в крепость, где мною был арестован штаб Маркевича, что явилось основным ударом при подавлении белогвардейского восстания. После этого были ликвидированы отдельные мелкие отряды в городе, и 16 августа 1918 года Советская власть была восстановлена. В это время я был комендантом города и крепости Астрахани и членом пятерки ревкома, созданного тут же после подавления восстания Маркевича. В этом бою я был ранен и за подавление восстания награжден золотыми часами».

События той памятной августовской ночи Гавро вспоминал часто и рассказывал о них нам, своим друзьям.

На следующий день в городе еще гремели выстрелы, а в сквере на городской площади в братской могиле хоронили тех, кто пал в ночном бою. Русских и венгров, вместе защищавших революцию в России.

Ревкомовцы собрались в крепости лишь вечером, чтобы обсудить создавшееся положение. Пришел на совещание и Гавро, сильно припадая на раненую ногу. Лечь в госпиталь он категорически отказался: «Заживет!»

И все же он попал в госпиталь, получив второе, более серьезное ранение. Но это случилось значительно позднее. Там его застало известие о революции в Венгрии. В своих воспоминаниях Гавро пишет:

«Ко мне в комнату, где нас, венгров, было пятеро, даже не вбежал, а ворвался, чуть не сбив с ног выходившего из палаты санитара, мой верный друг и боевой соратник Иштван Вантуш. С лица его катился пот градом, глаза горели, губы расплылись в широкой улыбке.

— В Венгрии советская власть! — крикнул он, распахнув дверь.

Мы повскакали со своих кроватей:

— Революция победила!

Дослушать Иштвана нам не удалось: разгневанный санитар доложил о беспорядке начальнику госпиталя хирургу Василию Парфентьевичу Симарову. Он был у нас очень строг, но мы все его любили и уважали как старого солдата, побывавшего на русско-японской войне и тянувшего нелегкую лямку в эвакогоспиталях от начала до конца германской войны.

— Что тут у вас стряслось? — произнес с укором и раздражением наш начальник.

— Милый вы наш Василий Парфентьевич, в Венгрии провозглашена советская власть! — продекламировал я радостно.

Я упросил начальника госпиталя отпустить меня на митинг. В городе по такому случаю обязательно будет митинг».

Доклад на митинге сделал Сергей Миронович Киров, один из организаторов и руководителей обороны Астрахани.

Гавро было поручено зачитать письмо Астраханской интернациональной группы РКП(б) В. И. Ленину, в котором венгерские коммунисты выражали свою готовность прийти на помощь революционной Венгрии.

Венгры-интернационалисты стремились на родину, чтобы помочь своей революции с оружием в руках, но Советскую Россию плотным кольцом сжимали враги. Белогвардейцы и интервенты наступали на всех фронтах.

Федерация иностранных коммунистических групп при РКП(б) разработала план создания экспедиционного корпуса. Лайоша Гавро срочно вызвали в Москву, откуда он немедленно выехал в Киев. Он вез мандат, в котором говорилось, что Гавро уполномочен формировать 3-й Киевский стрелковый интернациональный полк. Этот полк должен был стать ядром экспедиционного корпуса, который с боями прорвется в Карпаты.

К тому времени в Киеве уже собралось четыре с лишним тысячи человек разных национальностей, пожелавших сражаться за советскую власть в Венгрии. В очень короткое время были созданы три интернациональных полка в Киеве, по одному в Житомире, Одессе, Харькове и несколько отдельных батальонов в других городах.

В Киеве стала выходить на венгерском языке газета «Вёреш уйшаг» («Красная газета»). С большой радостью сообщала она своим читателям, что Красная армия Венгерской Советской республики начала наступление против интервентов, чтобы соединиться с Красной Армией Советской России. Весной 1919 года братские армии разделяли уже только двести километров. Советская Россия делала все, чтобы состоялась их встреча. В двадцатых числах апреля 1919 года Владимир Ильич Ленин телеграфировал главкому И. И. Вацетису и члену Реввоенсовета Республики С. И. Аралову: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией».

Но обстановка сложилась так, что эти задачи выполнить не удалось.

Феликс Эдмундович Дзержинский. 1923 г.

Дмитрий Фурманов.
1923 г.

Лайош Гавро,
командир
интернациональных отрядов
Красной Армии.

В. В. Попов,
начальник штаба
58-й дивизии.

З. А. Дымов (слева)
и Л. М. Гавро.
Москва, 1923 г.

А. Т. Стельмахович,
председатель
Брянской губчека.

Н. М. Хлебников,
начальник артиллерии
25-й Чапаевской дивизии,
впоследствии
генерал-полковник
артиллерии,
Герой Советского
Союза.

И. И. Шецко,
один из организаторов
комсомола
на курской земле.

Г. Г. Петров,
участник
гражданской войны,
командир отряда
особого назначения.

Мате Залка
перед отъездом
в Испанию.
1936 г.

Ференц Патаки.
В 1983 г. за мужество и героизм, проявленные в борьбе за установление Советской власти в Сибири и при выполнении задания советского командования в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР Ф. В. Патаки посмертно награжден орденом Красного Знамени.

• • •

В. Б. Юстус, участник борьбы за Советскую власть в Венгрии, выступает на митинге в Будапеште. 1919 г.

Слева направо:
Г. Я. Лозгачев-Елизаров,
Л. В. Юстус
и А. В. Юстус.
Москва, 1962 г.

Н. Ф. Зайцев,
комиссар батальона,
героически сражался
с гитлеровцами
на подступах к Москве
в 1941 г.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В Управлении по формированию интернациональных частей Гавро сказали, что его вызывает член Реввоенсовета 12-й армии С. И. Аралов на станцию Боярка, под Киевом. Там должно состояться совещание командного состава.

Гавро сразу же выехал, но опоздал к началу совещания. Когда он вошел, разговор шел о том, что армия должна временно оставить Киев. Положение было очень серьезное. Гавро получил приказ выдвинуться со своим полком к реке Тетерев и занять там оборону.

«Когда заседание окончилось,— рассказывал он впоследствии,— и все стали расходиться, меня задержал Семен Иванович Аралов. Положил мне руку на плечо и сообщил, что Венгерская Советская республика пала. Я не мог сразу сказать это своим бойцам. Уже на марше, когда мы подошли к реке Тетерев и остановились в большом украинском селе, я сообщил эту печальную весть своим товарищам. Выстроил полк и обратился к бойцам:

— Товарищи красноармейцы! Я не буду вас утешать. Нет у меня таких слов, чтобы утешать вас. Есть такие слова только у ваших винтовок, которые вы сжимаете в своих руках. Пока вы вместе, пока у вас есть оружие — вы сила, перед которой трепещут наши враги. Вырвали они у нас братскую Венгрию. Но есть еще Советская Россия, которую им не сломить. А будет жива она — победит рабочий народ и в других странах...» [1].

[1] На митинге была принята резолюция, в которой говорилось: «Российская революция по существу своему есть революция рабочих и крестьян, она является борьбой народов против гнета

Сбылись эти слова.

Нашлись силы у венгерских интернационалистов пережить крушение заветных надежд. Они не могли вернуться на родину, но бесстрашно сражались в рядах защитников русской революции.

Военный талант Лайоша Гавро по-настоящему раскрылся в боях за Киев и был по достоинству оценен высшим командованием Красной Армии. В Центральном музее Вооруженных Сил СССР хранится приказ Реввоенсовета Республики. В нем сказано, что командир 3-го интернационального полка Л. М. Гавро «постоянно находился в самых опасных местах боя и своей личной храбростью неоднократно спасал положение».

А вот что писал об этих боях сам Лайош Гавро:

«...Я оказался отрезанным от всех частей Красной Армии. Принимаю решение: сосредоточиться в районе Бородянка — Коростень — Радомышль и попытаться захватить железную дорогу, чтобы погрузить в вагоны наше тяжелое вооружение и спасти от белых. Но для этого сил у меня было мало. Надо было собрать отступающие мелкие отряды и группы красноармейцев, отбившиеся от своих частей, слить их воедино и держаться изо всех сил, не дать возможности Деникину соединиться с белополяками...

Я со своим интернациональным полком двинулся к линии железной дороги и в течение пяти-шести дней, пока в Киеве оставались деникинцы и шла драка между ними и петлюровцами за власть, укрепил так называемый Северный участок фронта, который теперь уже стало оборонять около десяти тысяч человек. Удалось слить отступающие части и отдельные группы красно-

---

капитала, борьбой за освобождение от заклятого врага, поэтому мы будем защищать ее до конца. Мы будем защищать ее, ибо с гибелью русской революции погибло бы навсегда дело освобождения человечества».

армейцев. Так под Киевом появился новый фронт. Мы решили самостоятельно продолжать борьбу с деникинцами до прихода Красной Армии.

Большую работу вели в частях коммунисты, сплачивая вокруг себя красноармейские массы, вселяя уверенность в победе нашего дела. Полтора месяца, отрезанные от Красной Армии, боролись мы с деникинцами, не отдавая им наш район и не допуская их к белополякам. Белогвардейцы решили в начале сентября ликвидировать во что бы то ни стало наш Северный участок фронта...

Бои были частые, одна схватка перерастала в другую. Очень хорошо помогали нам киевские товарищи, оставшиеся в городе для подпольной работы, они своевременно предупреждали нас о намерениях противника. Мы всегда знали, когда и откуда именно грозит нам опасность, кто и с какими силами пойдет на нас. Население снабжало нас транспортом, продуктами питания. Но главным образом кормили наши части сами деникинцы, боеприпасами снабжали тоже они. Были случаи, когда их обозы попадали к нам, иной раз даже по желанию самих же ездовых, которые не хотели служить белым и выжидали удобный момент, чтобы перейти на сторону Красной Армии.

Запомнился мне один сентябрьский день 1919 года.

Деникинцы наседают превосходящими силами, наши части измотаны непрерывными боями, у нас патроны кончаются и снарядов почти нет. Только бы не дать дрогнуть передовым частям — сейчас они в очень тяжелом положении. Посылаю туда единственный взвод, находящийся еще в моем личном резерве, и прошу командира передать, что через несколько минут прибуду сам.

Немедленно поскакать туда не могу: подошел бронепоезд белых. Мы его давно ждем. Наш стоит замаскированный на путях. Он встречает беляков прицельным огнем... Снаряды рвутся прямо под колесами паровоза

белогвардейского бронепоезда. Он попятился назад, отстреливаясь изо всех орудий и пулеметов. Успеют ли мои разведчики подложить под рельсы толовые шашки? Как мне кажется, очень уж быстро побежал беляк, а разведчикам к линии железной дороги надо пробиться сквозь фланговый огонь наступающих деникинцев. Там голая степь — продвигаться они смогут лишь по-пластунски... Почти одновременно со взрывом на линии железной дороги я услышал на левом фланге в тылу у деникинцев яростную стрельбу и крики. Что это может значить? Там нет и не может быть наших частей...

Иштван подвел коней, я вскочил в седло и увидел красное знамя за позициями белогвардейцев.

— За мной! — командую ординарцу и мчусь туда, где развевается на ветру знамя.

На позициях у белых все смешалось. Я отчетливо вижу знаменосца на белом коне. Его охраняют человек десять — двенадцать. К ним во весь опор мчатся наши разведчики. До меня долетают радостные крики:

— Ура-а! Ура-а! Наши-и...

Да откуда же здесь нашим взяться? Скачу, пришпоривая коня, а на глазах у меня слезы. Чуть приотстав, летит за мной Иштван. Он что-то кричит мне, но я не могу разобрать. Там, впереди, где вьется знамя, бойцы обнимаются, целуются, бросают вверх фуражки, вскинули винтовки над головами...

Так под Бородянкой в тылу у отступающих деникинцев мы встретились с Южной группой наших войск, прорвавшихся из-под Одессы через весь тыл белых и часть фронта петлюровцев. Возглавляли эту группу товарищи И. Якир, И. Федько, Я. Гамарник, В. Затонский, Л. Картвелишвили — видные командиры и комиссары Красной Армии».

3-й интернациональный стрелковый полк влился в 58-ю стрелковую дивизию, которой командовал герой

гражданской войны И. Ф. Федько. Гавро был рад, что попал в подчинение к такому опытному полководцу, каким был Иван Федорович.

Начались затяжные бои за Киев. Деникинцы то и дело бросались в контратаки. Полк Гавро по нескольку суток не выходил из боя.

Собирая материалы о моем друге Л. М. Гавро, я нашел немало документов, подтверждающих его личную храбрость, самоотверженность.

«...Командир 519-го (бывшего 3-го) интернационального полка тов. Гавро Людвиг Матвеевич, командуя 3-м интернациональным полком, 18 октября 1919 года во время спешного оставления нашими войсками г. Киева, будучи окружен противником со всех сторон в районе пригорода Куреневка и Приорка, умелым маневром и храбростью, без потерь прорвался из кольца».

«...15 октября 1919 года на Куреневке умелым маневром и храбростью захватил у противника одно орудие... 14 октября 1919 года под с. Вышгородом, несмотря на ураганный огонь противника, воодушевляя вверенный ему полк, захватил у противника два орудия — одно трехдюймовое и одно шестидюймовое.

Подтверждая все вышеизложенное, командир и комиссар 2-й бригады находят необходимым за описанные подвиги представить тов. Гавро к награждению орденом Красного Знамени, что своими подписями удостоверяем.

Командир 2-й бригады 58-й стрелковой дивизии Васильев».

Орден Красного Знамени был тогда высшей боевой наградой.

В Центральном музее Вооруженных Сил СССР хранится отзыв о Лайоше Гавро, написанный Иваном Федоровичем Федько:

«Товарищ Гавро в 1919 году, в мою бытность начальником 58-й стрелковой дивизии, командовал 3-м интер-

национальным стрелковым полком, входившим в состав 58-й дивизии, одновременно состоял на должности начальника Северного боевого участка. За период своего командования товарищ Гавро проявил себя храбрым, умелым командиром, неоднократно наносил тяжелые поражения белым частям, занимавшим г. Киев. Товарищ Гавро еще в тогдашний период выделялся среди начсостава дивизии своей военной культурностью, опытом и знанием военного дела».

Начальником штаба 58-й стрелковой дивизии был бывший капитан царской армии Владимир Васильевич Попов, служивший в Красной Армии в качестве военного специалиста. Февральская революция застала Попова в Петрограде. Он учился в Академии Генерального штаба, а жил по-прежнему в казармах со своими однополчанами. В феврале 1917 года учебная команда волынцев в полном составе вышла поддержать революционный порядок в столице.

К этому времени Владимир Васильевич блестяще закончил академию, и ему предложили поехать в Мадрид военным атташе.

— В такое время я предпочел бы остаться на родине,— заявил Попов.

Вместо Мадрида он поехал на фронт, в Пинские болота. На фронте встретил Октябрьскую революцию. Перешел на сторону большевиков. Гражданскую войну заканчивал на польском фронте — командовал знаменитой 25-й Чапаевской дивизией. Бригада интернационалистов Лайоша Гавро была у него в подчинении.

— Лайоша Гавро мы знали как мыслящего командира,— рассказывал Попов.— Он не терпел шаблона в военном оперативном искусстве. Любил рисковать, но всегда опирался на трезвый расчет.

Горячий, темпераментный, он увлекался и в азарте сам водил передовые цепи в штыковую атаку.

— Ты мне эти гусарские замашки брось! — не один раз строго выговаривал Лайошу Иван Федорович Федько.

— А я ведь и на самом деле гусар, да еще гвардейский! — отшучивался Гавро.

И резковат он был порой, и характер имел крутой, однако бойцы любили Лайоша беззаветно. За прямоту, за храбрость, за душевность, за преданность революции.

Как-то встретившись с Гавро уже после гражданской, Иван Федорович Федько попросил Лайоша рассказать о том, как он деникинские танки в силки ловил.

— Было дело,— отозвался Гавро,— но заслуги в этом, Иван Федорович, моей нет. Бойцы сами придумали. Давил на нас со своей армией деникинский генерал Бредов. Да еще мы у Бредова офицерский полк разбили, так он и вовсе озверел. Пустил на нас танки. У реки Тетерев, неподалеку от Киева, многие наши бойцы первый раз их увидели. Лезет на тебя этакая железная громадина, грохочет, скрежещет, из пулемета бьет. А перед тобой голая степь. Кажется, нет спасения. Одна наша рота бросила позиции и кинулась в степную балку. Только темнота ее и спасла.

Был у меня в разведке один сибиряк — жилистый, верткий. Никто во всем полку побороть его не мог.

Он и предложил:

— Товарищ командир, а давайте ловушки на танки понаставим?

Всю ночь мы ямы копали у наших позиций. Не очень глубокие, метра в полтора. А ширину так рассчитывали, чтобы танк весь туда влетел. Ямы сверху плетнями укрыли и на них аккуратненько дерн настелили.

И вот поутру слышим у противника шум — моторы пробуют.

Началась танковая атака. Прячась за громады машин, бегут пехотинцы. Я велю не стрелять, пусть подойдут поближе...

Наконец первый танк залетел в ловушку и застыл в ней. За ним второй упал в яму, третий... Два уцелевших повернули назад...

Осенью 1919 года интерполк Гавро ворвался в Киев, но удержать его не смог. Не сосчитать, сколько раз отдельные районы города переходили из рук в руки. И все же пришлось отойти. Освобождена была столица Украины уже зимой, в декабре. В своих воспоминаниях Лайош Гавро писал:

«Целый день мы пытались сбить противника с занимаемых позиций в районе Пуще-Водица, но все наши атаки успеха не имели и заканчивались с большими для нас потерями. Деникинцы зарылись в землю, пулеметов у них было много, патронов они не жалели, орудийные расчеты хорошо пристреляли всю местность, по которой нам приходилось наступать. В резерве у меня был один батальон. Боевой батальон, сплоченный. Я вечером перегруппировал свои подразделения, подготовил еще одну атаку. Чувствую, что если и на этот раз не выбьем беляков, то утром и совсем ничего нам с ними не удастся сделать: за ночь подправят окопы и ходы сообщения, наскребут солдат в тылах для пополнения, артиллеристы сменят огневые позиции...

Перед атакой выдвинулся я поближе к вражеским позициям, где на поле под реденькими кустиками залегли бойцы, сосредоточившись для решительного броска. Тут на маленьком пятачке огонь был такой плотный, что стоило мне чуть приподняться, как фуражку будто ветром сдуло. Понял я — атака захлебнется. Надо искать обходной маневр. Приказал бойцам отползти в степную балку — она пролегала левее наших позиций. Так мы пробрались в тыл к белым.

Вскочили мы — и вперед... Все ближе окопы. В ход пошли уже гранаты. Деникинцы бегут. На плечах отступающего противника врываемся в Пуще-Водицу...

По той стороне Днепра в районе Дарницы тоже гремел бой. 58-я ворвалась на улицы города.

На другой день по решению Реввоенсовета все войска Киевского гарнизона были выстроены, нашему интернациональному полку вручили почетное Красное знамя. Весь гарнизон продефилировал перед нашим полком, отдавая ему почести за героизм, проявленный в боях. Трудно описать словами радость, охватившую нас».

В связи с этим важным событием в жизни бойцов-интернационалистов командир полка Гавро издал приказ:

«Товарищи красные командиры и красноармейцы 3-го интернационального стрелкового полка!

С чувством глубокой радости и восхищения перед совершенными вами подвигами я поздравляю вас, дорогие товарищи по полку, с торжеством принятия Красного знамени.

Вашей беззаветной храбростью на полях сражений, ценою тяжких лишений и крови вы заслужили для полка эту высокую боевую награду. Непрерывным рядом побед и преданностью революции вы прославили имя 3-го интернационального полка.

Голодные и оборванные, не теряя бодрости, вы крепко держали в руках оружие рабоче-крестьянской власти.

Я уверен, что под Красным знаменем, которое наш славный полк получает ныне, вы и впредь пойдете по славному пути революционной борьбы за власть трудового народа...

Вперед же, товарищи, за правое дело. Мы наше Красное знамя и имя 3-го стрелкового интернационального полка покроем славою новых побед!»

Гавро рассказывал, что в тот вечер боевые друзья-интернационалисты собрались у него, вспоминали земляков, сложивших головы на других фронтах. Не было в живых братьев Енё и Бела Шугар. Один был убит

на Кизлярском фронте, другой пал в бою с контрреволюционерами в Астрахани. Погиб Лайош Винерман, командир полка Чапаевской дивизии. С Винерманом Гавро служил в одном полку в Венгрии, затем встречался в Москве. Имя героя-интернационалиста после его смерти стал носить один из полков 25-й Чапаевской дивизии. Погиб Карой Лигети, мечтавший написать, вернувшись на свободную родину, книгу стихов о своих друзьях. В ночь перед расстрелом Карой передал из колчаковской тюрьмы последнее письмо и стихи, посвященные своим товарищам. Их знал каждый венгр в полку Лайоша Гавро:

Вас ждут объятья в красном Будапеште,
Вас ждут улыбки, песни и цветы,
Прославит вас Восток, где шли вы прежде,
Весь мир людской вселенской теплоты.
Мы все, мы все в последней битве будем,
Мы — воины, что живы и мертвы.
Мы гибли, зная, что свободу людям
Сквозь все сраженья пронесете вы!

Вспоминали подробности боев и походов. Полк Гавро особенно отличился при форсировании Днепра, захватив важный плацдарм на его правом берегу. Деникинцы уничтожили все лодки и баржи или угнали их на свой берег. Переправлялись, по выражению военных, на «подручных средствах». В дело пошло все, что может держаться на воде: бревна, снятые с петель ворота, маленькие плотики, связанные в кучу снопы соломы... Под яростным пулеметным, винтовочным и артиллерийским огнем врага вся эта «флотилия» двинулась через Днепр. Гавро был в числе первых, ступивших на занятый деникинцами берег. Когда белые были отброшены, к интернационалистам прискакал на своем гнедом коне, которого знали едва ли не во всех частях армии, командарм Якир. Поблагодарив бойцов и командиров за геройскую переправу, Якир расцеловал Лайоша.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Наступил новый, 1921 год. Год, когда впервые после трехлетней гражданской войны и интервенции наш народ мог воспользоваться относительным миром и заняться восстановлением страны. В столицах стран Антанты наконец поняли, что ни силой оружия, ни экономической блокадой не сломить, не задушить Республику Советов. В 1921 году был подписан ряд торговых соглашений с капиталистическими странами Европы.

Теперь, писал В. И. Ленин, «мы имеем новую полосу, когда наше основное международное существование в сети капиталистических государств отвоевано». Но наша победа, отмечал Ленин,— это еще не полная победа. Чтобы довести дело революции до конца, надо решить вторую, большую по трудности половину задачи. Эта вторая задача — строительная, созидательная.

Страна находилась в бедственном положении, хозяйственная жизнь была нарушена. Нет топлива и сырья, из-за этого бездействует большинство предприятий. Разорено и сельское хозяйство страны.

Но люди новой России полны трудового энтузиазма, решимости добиться всего, что они начертали на своих знаменах еще в октябре семнадцатого.

Возвращались домой демобилизованные красноармейцы, истосковавшиеся по мирному труду, принимались за дело. Помню фотографию в газете: пожилой боец в изношенной шинели и солдатских обмотках обнимает за шею лошадь на своем дворе... Это им, отстоявшим с оружием в руках завоевания революции, предстояло вдох-

путь жизнь в мертвые заводы и фабрики, восстановить транспорт, растить хлеб на свободной земле.

Начинался новый этап борьбы за социализм. Партия выводила страну на новый исторический рубеж.

Я получил письмо из Саратова от своего друга Коли Хованского. Он писал, что на нашем заводе теперь все по-новому. Над воротами висит лозунг: «Владыкой мира будет труд!» А начальником механического цеха, где мы работали вместе с Колей, стал старый мастер Игнатий Васильевич Широков, тот - самый, который прибежал спасать меня от Живоглота. Коля сообщал, что поступил учиться, да и многие из тех, кого я знал, тоже сели за парты.

И еще одну радостную весть узнал я из письма — дядя Кирилл (Кирилл Иванович Плаксин) стал работать теперь в Совдепе.

Где бы ни довелось бывать в годы гражданской войны, узнав, что я из Москвы, частенько подсаживались ко мне мужики, и разговор начинался с вопроса:

— А ты, парень, Ленина видел?

Имя Ленина было у всех на устах, люди ловили каждое его слово и каждое слово о нем. Всем хотелось знать, какой он, как держится с народом, как живет.

— Значит, не видел? — вздыхали мужики.— Жалко.

А потом, когда мне посчастливилось не только слушать Владимира Ильича, но и разговаривать с ним, выполнять его поручения, с какой радостью я рассказывал об этом людям, переживая все заново! Вот почему события тех дней сохранились в моей памяти до мельчайших подробностей. И до сих пор как дорогую реликвию храню я пропуск в Кремль и здание ВЦИК за № 333, выданный мне в 1921 году и подписанный секретарем ВЦИК А. Енукидзе.

Весной того года по предложению Дзержинского коллегия ВЧК направила в секретариат ЦК РКП(б) группу

чекистов во главе с Иваном Ксенофонтовичем Ксенофонтовым. В нее вошли мои товарищи по работе в ВЧК В. Я. Долгов, С. А. Бирюков и другие. Я тоже был среди них. Нас назначили ответственными дежурными по секретариату ЦК РКП(б).

Работая в секретариате ЦК, я все время чувствовал, что нахожусь в самой гуще событий, знал, чем живет вся страна: постоянно приезжали люди из самых отдаленных мест, рассказывали, что делается у них.

Однажды, в солнечное майское утро, когда сидели мы в приемной, сотрудник секретариата ЦК РКП(б) А. М. Назаретян глянул в окно и воскликнул:

— Ленин!

Он увидел в окно идущего в здание ЦК Владимира Ильича.

Мы вскочили. Дверь распахнулась, стремительно вошел Ленин. Пальто внакидку. Одной рукой он придерживал его за борт, в другой кепка.

— Здравствуйте, товарищи.

Владимир Ильич на минуту остановился, оглядывая нас.

Мы дружно ответили на приветствие. И, должно быть, в моем голосе проскочили петушиные нотки, потому что стоявший рядом Семен Бирюков незаметно толкнул меня в бок. Я смутился. Меня даже в жар бросило. Смотрю на Ленина, улыбаюсь, а на лбу пот выступил от волнения. И показалось вдруг, что Владимир Ильич задержал на мне взгляд и улыбнулся в ответ. Одними глазами. «Орел, дескать, парень!» Я весь в ремнях, в малиновых галифе с хромовыми нашлепками, в кожаной куртке, с маузером. И совсем некстати висят на кончике носа в тонкой оправе очки — после контузии резко ухудшилось зрение.

Ленин прошел, а я все продолжал улыбаться. И конечно, весь вечер мы с Семеном Бирюковым были

в центре внимания в общежитии на Лубянке. Едва ли не все ребята перебывали у нас в комнате.

Началось лето. Заступил я вечером на дежурство, как обычно, проверил работу дежурных, охрану, затем пошел на телеграф полевого штаба Реввоенсовета и Наркоминдела. Туда поступали все сообщения из губкомов — телефонной связи с многими городами еще не было.

К тому времени по совместительству меня назначили заместителем начальника отделения телеграфной связи оперативного отдела ВЧК. Телеграфные ленты тревожно рассказывали о событиях, происходящих в разных краях страны. На Тамбовщине вспыхнул мятеж Антонова, в Сибири, на Урале и в Поволжье поднимало голову кулачье. Губернские организации ставили ЦК в известность обо всем, что у них происходит, просили совета, помощи.

Однако в тот вечер ничего срочного не оказалось, и я решил отдохнуть.

Раздался звонок.

— Кто у аппарата? — послышалось из трубки.

Ленин! Я сразу узнал его по голосу.

— Ответственный дежурный по секретариату ЦК Дымов! — доложил я.

Владимир Ильич, должно быть, почувствовал, что я волнуюсь.

— Здравствуйте, товарищ Дымов,— сказал он мягко и попросил разыскать Куйбышева Валерьяна Владимировича.

— Найду, Владимир Ильич! — заверил я.

Я позвонил домой работникам секретариата, но никто из них не знал, где может быть Куйбышев.

Наконец один из сотрудников припомнил, что видел Куйбышева поздно вечером со старым большевиком Самсоновым. Куйбышев в то время занимался делами электрификации России, а Самсонов ему помогал.

Еду к Самсонову. А время идет, нервничаю. Мое состояние передается шоферу. По ночной Москве он жмет «на всю железку» — я ему сказал, что Владимир Ильич ждет Куйбышева.

Бегом на четвертый этаж, и вот Самсонов открывает дверь. Рядом с ним стоит одетый Куйбышев. У меня гора с плеч.

— Товарищ Куйбышев, вас вызывает Ленин!

К воротам Кремля подъехали за полночь...

Ленин сидел за столом и что-то быстро писал.

— Нашли все-таки? — Владимир Ильич слегка отодвинул бумаги, встал из-за стола, вышел к нам.— Вот и отлично.

Уже у порога я услышал его слова, сказанные Куйбышеву:

— Валерьян Владимирович, извините, дело безотлагательное...

Вскоре мне дали еще одно постоянное поручение: вести переговоры с Чрезвычайными жилищными тройками Москвы по вопросу о предоставлении комнат партработникам.

С жильем в Москве было очень тяжело, а из губерний постоянно вызывали многих партийных и советских работников на работу или учебу. В отведенной мне комнате на столе почти всегда лежала кипа бумаг: докладные, заявления, жалобы, распоряжения. И все с грифами «Срочно», «Без промедления», «Доложить об исполнении немедленно», «В обязательном порядке», «Вне всякой очереди», «Под вашу личную ответственность...».

Иногда по принятым мерам приходилось докладывать непосредственно Владимиру Ильичу. Он требовал тщательного и немедленного разбора каждого заявления и обязывал сообщать о принятых мерах. Не терпел ни малейшей волокиты и строго выговаривал тем, кто был повинен в ней.

Однажды, прочитав принесенные мною бумаги, Владимир Ильич вскинул голову и спросил, учусь ли я.

Вопрос для меня был неожиданным, я смешался, покраснел.

— Пока нет. Вот мировую революцию совершим, тогда...— начал я и осекся, увидев, как слова мои огорчили Владимира Ильича.

Мы понимали всю важность происходивших событий, видели ломку старого мира и рождение нового, многие, как и я, считали, что в такое горячее время не до учебы. К тому же у меня и свободного времени совершенно не было — за день так набегаешься, что вечером придешь в общежитие, напьешься чаю — и спать. А ночные дежурства и вовсе изматывали.

Владимир Ильич помолчал, поглядел на меня и сказал, что надо учиться: Республике крайне нужны образованные люди... Время дорого, нельзя его терять.

Вскоре я стал слушателем рабфака при Московском межевом институте имени М. И. Калинина.

Поначалу с учебой у меня не ладилось. Был я малограмотным и те немногие знания, которыми обладал, порастерял за годы революции и гражданской войны. Пришлось начинать все заново. Набросился на учебники, но мало что понимал. Занятия проходили по вечерам, а я, когда выпадали ночные дежурства, невольно в те дни прогуливал. Начались осложнения. Трудно было объяснить руководству рабфака, что невозможно так составить график работы ответственных дежурных по секретариату ЦК РКП(б), чтобы я дежурил только днем. Конечно, я старался самостоятельно осваивать пропущенный материал, но это не всегда у меня получалось.

О моей беде узнал Ксенофонтов и попросил своего заместителя Н. Мещерякова уведомить отдел рабочих факультетов Главпрофобра, что расписание работы изменить нельзя и потому в дни моих ночных дежурств я

лишен всякой возможности регулярно посещать занятия на рабфаке. Бумага возымела действие. Ко мне прикрепили сильных рабфаковцев, которые по очереди занимались со мной дополнительно.

После первого занятия пришел я в общежитие, а Ференц Патаки и Семен Бирюков играют в шахматы.

— Прошу меня поздравить, друзья, рабфаковец Захар Дымов!

Зашел серьезный разговор об учебе. Мы с Семеном вспоминали свое детство, скупое на радости. Я — годы, проведенные в Саратове, а он — родное украинское село Великая Знаменка. У отца Семена был небольшой надел земли, который не мог прокормить всю семью. Двенадцатилетнего Семена отвезли на другой берег Днепра — в город Никополь на заработки. Поступил он разнорабочим на завод, где вскоре стал посещать организованный большевиками кружок, в котором не только учили грамоте, но и «науке жизни».

— Значит, ты так и заявил, что учиться будешь после мировой революции?! — смеялся надо мной Бирюков.

— А что Владимир Ильич сказал молодежи на III съезде комсомола? — наступал Семен.

— Знаю! «Задача состоит в том, чтобы учиться». Но ведь работы столько, заматываемся, устаем...

— Ты молодой коммунист, и тебя эти слова В. И. Ленина касаются в первую очередь,— продолжал Бирюков.— Организуй свое время так, чтобы и на учебу хватало.

На другой день Семен подошел ко мне на работе и протянул стопку брошюр.

— Читай и на ус мотай,— сказал он с напускной строгостью.— А то придется краснеть за тебя — как-никак другом приходишься.

Многие места в этих книжках, как я понял, были подчеркнуты специально для меня. Я удивился, когда же это Семен успел?

...Задача состоит в том, чтобы учиться. Учиться, хотя многие школы закрыты и не хватает учителей, учебников, тетрадей. Нет дров, чтобы натопить печи в школах. Речь Владимира Ильича на комсомольском съезде заставила нас, молодых тогда людей, глубоко задуматься о путях строительства новой жизни.

Мы радовались каждой, даже самой маленькой, победе на трудовом фронте. Газеты сообщали, что заработало еще несколько заводов и фабрик, дала чугун еще одна домна, шахтеры Донбасса уже выдают на-гора уголь, из Мурманска отошел пароход, груженный ящиками спичек, которые мы отправили на экспорт... Наша республика строилась и крепла, вставала прочно на ноги.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Летом 1921 года была создана Центральная комиссия по проверке, пересмотру и чистке рядов партии. На местах тоже начали работать такие комиссии. Местным партийным органам они не подчинялись, назначались Центральной комиссией и ей были подотчетны.

В письме ЦК РКП(б) «Об очистке партии», обращенном ко всем партийным организациям и напечатанном в газетах, было сказано: «Нет звания выше, чем звание революционера-коммуниста, члена Российской Коммунистической партии. Добьемся того, чтобы это звание носили лишь те, кто его действительно заслужил».

Центральный Комитет партии, В. И. Ленин придавали исключительно важное значение этому событию в жизни коммунистов, предостерегали от перегибов, требовали от местных комиссий объективности и настоящей партийности в подходе к каждому коммунисту.

В ночь перед собранием я долго не мог заснуть. Задавал себе вопрос: так ли жил, как требует партия? Перед глазами прошла вся моя жизнь, такая похожая на судьбы многих моих сверстников, с оружием в руках защищавших революцию.

Собрание проходило 19 ноября 1921 года. После работы в красном уголке собрались сотрудники комендатуры и бойцы отряда особого назначения при ЦК РКП(б). Присутствует вся партийная ячейка — 65 человек, и беспартийных пришло не меньше. Обстановка строгая, торжественная: все сознают ответственность происходящего.

Каждый коммунист встает и отчитывается перед присутствующими. Им решать, достоин ли ты состоять в рядах ленинской партии. Расскажет коммунист о себе, ответит на вопросы членов партии и беспартийных, и председательствующий предлагает ему на время покинуть зал. Обсуждение идет уже без него.

— Дымов Захар Александрович, прошу к столу...

Биография моя заняла три минуты. Осталась в памяти одна фраза: «Революцию встретил всей душой».

— Ну, а кроме души, чем ты ей помог? — спросил, как мне тогда показалось, очень сурово пожилой курьер из беспартийных, участник революции 1905 года.

— С 1917 года служу революции с оружием в руках...

Сейчас трудно сказать, сколько времени шло обсуждение, мне оно показалось вечностью. А когда позвали в зал, председатель объявил:

— Собрание постановило: утвердить Дымова Захара Александровича в рядах партии.— И добавил: — Единогласно.

Сколько лет минуло с тех пор, а не забыть тот день.

Первым поздравил меня с радостным событием Ференц Патаки. Домой я вернулся поздно, а он ждал меня в нашей комнате. Обнялись мы, расцеловались. Вдруг у меня за спиной раздался голос Семена Бирюкова. Он только что пришел с дежурства и уже сбегал за кипятком. Мы сели чаевничать. На блюдечке — три кусочка сахара, чайник заварен плиточным чаем, его где-то раздобыл Семен. Я достал из тумбочки банку варенья и твердые, как гальки, домашние пряники на патоке: получил с оказией из Саратова посылку с письмом от сестер и матери. Мать делилась радостью, что семья перебралась из подвальной комнаты в светлую и просторную, на втором этаже. Жильем обеспечил завод.

Ференца мы не видели месяца два, он уезжал в пограничные районы страны. По представлению Дзержин-

ского его назначили начальником управления пограничных войск ВЧК. В Киеве он встречался с Лайошем Гавро и привез мне от него письмо, в котором тот сообщал, что собирается приехать в Москву по служебным делам.

За чаем конечно же зашел разговор о сегодняшнем собрании. Ференц рассказал нам, что в одном небольшом украинском городке на собрании, где шла партийная чистка, был выявлен петлюровец, а в другом — с партбилетом оказался бывший белогвардеец, отличавшийся особой жестокостью в расправе с пленными красноармейцами.

Чистка вымела из рядов партии немало вражеских элементов. Но разве только в этом ее значение? Каждый из нас, пройдя суровую проверку, глубоко прочувствовал, сколь высоко звание коммуниста. Укрепился авторитет партии среди трудящихся, выросло к ней доверие народа.

Вскоре на собрании в ВЧК обсуждали Ференца. С гордостью за друга слушал я, как говорили о нем товарищи.

— Он принял нашу пролетарскую революцию, как свою, полюбил наш народ, как свой, и в смертный бой пошел за нашу страну,— сказал о Патаки И. К. Ксенофонтов.

Много доброго сказано было и о моем друге Семене Бирюкове. Он работал на заводе в Никополе. Позже штурмовал Зимний, громил контрреволюционеров в Поволжье, где мы и познакомились в 1918 году. В Казани Бирюков возглавлял интернациональный батальон имени Карла Маркса, в состав которого входили бойцы более двадцати национальностей. Вспоминается эпизод, связанный с ликвидацией контрреволюционеров в Казани.

Весной 1918 года в казанскую губчека пришла шифровка из Москвы: раскрыта белогвардейская организация, так называемый «Союз защиты родины и свободы». Обнаружены явки в Казани. Выяснилось, что мятеж решено

начать именно с этого волжского города, куда уже перебралось около пятисот кадровых офицеров. Сигналом к мятежу должно послужить ожидавшееся выступление английских и французских войск против Советской России. Казань привлекала белогвардейцев тем, что в ее сейфах хранился золотой запас Советского государства.

Казанские чекисты установили, что один из организаторов заговора офицер Сергей Сердобольский скрывается в Раифском монастыре. Здесь получили пристанище многие заговорщики. Настоятель монастыря Варсонофий был ярым врагом Советской власти.

Семен Бирюков послал туда небольшую группу своих бойцов во главе с комсомольцем, сотрудником губчека Дмитрием Копко. Они должны были произвести разведку и арестовать заговорщиков.

Монастырь находился в верстах тридцати от Казани. Добрались до него поздно. Красноармейцев радушно встретили монахи, накормили. А когда они уснули, их связали и отдали озверевшей толпе кулаков. Те сбежались из окрестных деревень по призыву монахов, объявивших, что приехали безбожники грабить монастырь и глумиться над его святынями. Красноармейцев убили, а Дмитрия Копко и бойца Лавриновича сожгли заживо.

На другой день Семена разыскал знакомый деревенский активист, все видевший своими глазами.

Около полуночи в Раифу вновь выехал сводный отряд чекистов, рабочих порохового завода, бойцов интернационального батальона численностью двести человек. Ехали степью, затем углубились в лес. Деревни объезжали стороной, сворачивая с дороги. На рассвете, когда лес наполнился голосами птиц, спешились. Коней повели под уздцы. Отряд, возглавляемый Бирюковым, у стен монастыря столкнулся с вооруженной толпой кулаков, подкулачников и религиозно-фанатичных крестьян.

Заговорщики сложили оружие лишь после ожесточенного сопротивления, а главари мятежников — князь Ухтомский и поручик Сердобольский — сбежали. Чекисты обезвредили их позже.

Встретились мы с Семеном уже в Москве, куда он прибыл по вызову ВЧК. Наше знакомство переросло в дружбу.

Был Бирюков человек спокойный, рассудительный, физически крепкий, настоящий богатырь — почти два метра ростом и в плечах косая сажень. И, как многие сильные, мужественные люди, отличался он добродушием, любил шутку и сам за словом в карман не лез. Привыкший к труду с малолетства, он ни минуты не мог пробыть без дела. Была в характере Семена какая-то основательность, надежность. На него всегда можно было положиться: не подведет, поможет, выручит...

23 декабря 1921 года в Большом театре открылся IX Всероссийский съезд Советов, на первых заседаниях которого мне довелось присутствовать. Я понимал всю грандиозность событий, свидетелем которых был, и старался глядеть во все глаза, слушать, не проронив ни единого слова.

Со всех концов страны съехались в Москву делегаты. По одежде, по лицам людей можно было определить, кто они, какую жизнь прожили. Тут и деревенские кожушки, и рабочие полупальто, комиссарские кожанки и шинели и на их фоне — добротные костюмы зарубежных дипломатов, сотрудников торговых миссий, корреспондентов буржуазных газет... В зале холодно, гардеробы пусты.

— Слово по первому пункту повестки дня имеет товарищ Ленин! — объявил Михаил Иванович Калинин, председательствовавший на этом заседании.

Зал на какие-то секунды замер. И в этой тишине откуда-то из первых рядов послышалось изумленно и радостно:

— Ленин!

— Ленин! — вырвалось у тех, кто первым увидел Владимира Ильича.

Встал президиум.

Я взглянул на ложи, заполненные иностранцами. Там тоже все встали и аплодируют. Одни сдержанно, как бы по обязанности, чтобы хозяев не обидеть, другие в знак вежливости, а третьи — от души.

Был среди них и журналист из Германии, сумевший здраво разобраться в наших делах. В отчете о работе этого съезда в газете «Франкфуртер цейтунг» он писал: «Небольшого роста человек в темном пиджачном костюме с мягким воротником короткими шагами быстро подходит к самой рампе. Его встречает буря рукоплесканий, и в этом слышится, сколь велик авторитет Ленина... Просто, естественно говорит Ленин, обращаясь к многолюдной аудитории. Так говорят, когда знаешь, чего хочешь, и когда чувствуешь, что ведешь за собой массу. Ленин располагает всеми данными и пускает в ход и статистические аргументы, и смелую убежденность свою, и тонкую иронию... Он совершенно спокоен. Только изредка замечаешь нервное движение пальцев, когда перелистывает немногие заметки, куда занесены его цифры. Вообще же он говорит вольно, шагает взад и вперед вдоль рампы... Ленин — оратор, который внутренне потрясает аудиторию. Он доминирует над ней авторитетом, корни и истоки которого находятся вне зала».

На этом съезде Владимир Ильич с удовлетворением констатировал в своей речи: «Первый раз приходится мне давать такой отчет в обстановке, когда прошел целый год, и ни одного, по крайней мере крупного, нашествия на нашу Советскую власть со стороны русских и иностранных капиталистов не было».

Ленин с благодарностью говорил о поддержке трудящихся многих стран, солидарности, которая помогла нам

одержать победу. Говоря о миролюбивой политике нашего государства, Владимир Ильич предостерег тех, кто уже вынашивал новые планы интервенции. «Мы не допустим этого ни в коем случае,— сказал он,— и станем, как один человек, чтобы отстоять свое существование».

Как ни пытались буржуазные правительства многих стран оставить нас в изоляции, этого им не удалось добиться, говорил Ленин. У нас уже сложились и складываются известные отношения с капиталистическим миром.

Буржуазная Европа уже торгует с нами. Мы получили первые пятьдесят шведских и немецких паровозов из тысяч заказанных. Буржуазные правительства вынуждены торговать с нами, так как «есть сила бо́льшая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения...».

Тяжелое экономическое положение страны, трудности перехода к мирному строительству были использованы оппозиционерами, чтобы вызвать в партии разногласия и, навязав дискуссию, отвлечь ее от решения насущных задач. Это проявилось прежде всего в вопросе о роли профсоюзов в построении социалистического общества. За время гражданской войны профсоюзы значительно ослабели. Партия поставила вопрос об отказе от военных методов работы в профсоюзах и переводе их на широкую демократическую основу.

Оппозиционеры постоянно выступали против линии партии, вели дело к расколу партийных рядов.

В эти напряженные дни Ксенофонтов наказывал нам, ответственным дежурным по секретариату ЦК партии, быть особенно бдительными. «Чека, будь начеку!» — часто повторял он нам.

Война отгремела, но только не для чекистов. Во многих районах страны еще действовали недобитые, ушедшие в подполье остатки белогвардейских банд, не сложи-

ли оружия анархисты и эсеры. Нет-нет да и вспыхивали контрреволюционные мятежи. Мы все еще были на линии огня, где требовались бдительность, мужество, смекалка.

В те месяцы я редко виделся с Ференцем Патаки. Начальник отдела ВЧК по борьбе с бандитизмом был загружен до предела, постоянно выезжал в губернии. Особенно часто он бывал на Украине, где немало еще гуляло по полям всяких «батек», а южные города кишели уголовниками.

Совнарком Украины в 1921 году принял постановление: «Объявить фронт борьбы с бандитизмом делом такой же государственной важности, каким был фронт борьбы с белогвардейскими генералами и каким является борьба с хозяйственной разрухой».

В Харьков приехали Феликс Эдмундович Дзержинский и Ференц Патаки с группой чекистов. При их непосредственном участии украинские чекисты создали Особую ударную группу по борьбе с бандитизмом, которую поручено было возглавить Федору Яковлевичу Мартынову. У нас в ВЧК все знали Мартынова как человека редкой храбрости. Он участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Москве, был награжден за боевые заслуги Почетным оружием и орденом Красного Знамени. Ксенофонтов часто ставил нам в пример Федора Яковлевича, когда хотел сказать о качествах, необходимых каждому из нас,— бдительности, находчивости, бесстрашии.

Ф. Я. Мартынов был талантливым организатором, воспитал не один десяток преданных революции чекистов, обезвредивших немало заговорщиков и бандитов. Федор Яковлевич гордился своими сотрудниками и заботился о них, осуждая ненужный риск. Так, два его сотрудника в Одессе, обнаружив сборище заговорщиков — не меньше тридцати человек,— сумели разоружить и арестовать всю группу. Мартынов вынес благодарность участникам опе-

рации, но в то же время строго выговорил им за то, что они не связались с ЧК, прежде чем войти в дом заговорщиков. Кроме храбрости, говорил Федор Яковлевич, нужны и предусмотрительность и осторожность.

Познакомил меня с Мартыновым Ференц Патаки в конце 1921 года, когда Федор Яковлевич приезжал в Москву по его вызову.

Поздно вечером я сидел за книгами. Вошел Патаки, а с ним плечистый, чуть повыше среднего роста мужчина.

— Мартынов,— представился он.— Федор Яковлевич.

— Устрой-ка ты его, пожалуйста, переночевать,— попросил Патаки.

Ференц Владиславович попрощался и ушел. Мы с Федором Яковлевичем разговорились. Выяснилось, что он знаком с Лайошем Гавро.

Встречались мы с Мартыновым и после, когда я переехал из общежития в Брюсовский переулок. Он бывал у меня, когда приезжал в Москву, а я как-то гостил у него в Одессе. Федор Яковлевич много рассказывал мне о своей работе. Собирая материал для этой книги, я обратился к архивам, чтобы восстановить в памяти некоторые имена и фамилии. И нашел записи, сделанные в те годы самим Мартыновым. Они вновь вернули меня к тревожной молодости...

Федор Яковлевич участвовал в Великой Отечественной войне, командовал особым отрядом в тылу врага. Партизаны знали его под именем Старик. В 1942 году, в одном из боев Мартынов был тяжело ранен. С Большой земли за ним прислали самолет, вывезли в Москву, но врачи уже ничем не могли помочь этому бесстрашному и мужественному человеку.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1921 год Ленин назвал годом неслыханной тяжести. Беспощадный зной спалил хлеба на больших площадях, голод охватил 34 губернии. Крестьяне не собрали даже того, что посеяли. Партия и правительство делали все возможное, чтобы купить хлеб за границей, но империалистические круги стран Запада старались использовать это бедствие для новых попыток свержения Советской власти. Подняли голову недобитые контрреволюционеры, участились диверсии на заводах и фабриках, на транспорте, грязным потоком хлынула антисоветская литература.

...Зимой был у нас такой случай. Я заступил на очередное дежурство. Сделав все, что положено, сел за учебники. Вдруг слышу — по коридору кто-то бежит. Кинулся к дверям и столкнулся с дежурным комендантом Шигаевым.

— Пожар! Типография горит! — выпалил он, тяжело дыша.

Первыми почувствовали запах гари постовые красноармейцы. Они сразу связались с дежурным комендантом. Я позвонил в ближайшую пожарную часть, затем начальнику отряда особого назначения Г. Петрову и комиссару Е. Рябову. Через несколько минут отряд был на месте происшествия.

Огонь нам удалось погасить быстро, пожар только начался. По «горячим следам» пытаемся установить, как все произошло. Тщательно осматриваем обгорелые рулоны бумаги, заглядываем под печатные машины и набор-

ные кассы... Ничего подозрительного. Кто-то бросил недокуренную папиросу? Но ведь работа в типографии давно уже закончилась. Может быть, короткое замыкание вызвало пожар? Включили все лампочки. Горят. Проводка цела... Тут меня позвал Рябов. Черный от сажи и копоти, он вынул из-под стола и протянул мне жестянку, в которых продают леденцы:

— Керосином пахнет!

Я запаха керосина не почувствовал. В помещении задохнуться можно было от дыма.

— Керосин! — подтвердил Рябов, обнаружив в банке жирную сажу.

Банка найдена в одном из очагов пожара. Я бегу к другому месту загорания, ворошу мокрый пепел на полках, где складывали отпечатанные брошюры, и нахожу точно такую же банку. Она вся обгорела, даже распаялась.

— Ясно, кто-то специально принес эти банки,— сказал командир отряда особого назначения Петров.

— Поджог! — подытожил Рябов.— И тот, кто его совершил, работает в типографии или имеет возможность свободно входить в это помещение...

Преступник был пойман на другой же день.

Однажды ко мне подошел Семен Бирюков.

— Ты погляди, на какой бумаге напечатано! — сказал он и, по-мальчишески прищелкнув языком, протянул мне белую, на хрустящей бумаге листовку.— Эксперты установили — работа французская.

Листовка была напечатана на отличной бумаге и, судя по всему, в первоклассной типографии. А вот как она попала в Москву? Выяснением этого и поручили заняться Бирюкову. Обратиться ко мне Семену посоветовал Ксенофонтов. Как раз в это время я занимался одним человеком, который часто бывал во Франции. Иван Ксенофонтович хотел выяснить, не связаны ли каким-то образом

эти два «дела». Как часто уже бывало, проницательность нашего наставника и на этот раз оправдалась. Но вначале нам с Семеном нужно было распутать оба «клубка», а точнее, связать их концы в один узел.

По каким каналам из-за границы листовки проникают в Москву и другие города, кто доставляет их? Усилили таможенный досмотр на железных дорогах и в портах, однако никого с такими листовками задержать не удалось. Было над чем поломать голову.

И вот наконец взяли сразу двоих с поличным. Одного арестовали московские чекисты, другой был задержан в Ярославле. Но допросы их мало что дали: оба утверждали, что людей, от которых получили листовки, не знают, а на связь вышли по шифрованным письмам, полученным из-за рубежа.

Один из арестованных — при Керенском служил в министерстве иностранных дел, имел на юге несколько тысяч десятин земли под виноградниками и мечтал о том, чтобы в России вернулись прежние порядки. Действия его можно было понять — враг. Второй — семинарист, сын священника, пошел на фронт вольноопределяющимся, дослужился до унтер-офицера. В составе русского экспедиционного корпуса был отправлен во Францию. После Октябрьской революции в России там и остался, сблизился с эсерами, которые убедили его, что большевики не в состоянии наладить хозяйство в стране — голод и разруху им не преодолеть — и самое время начать против них борьбу. Он рассказал, что, приехав в Россию с поручением контрреволюционного центра на Западе, увидел совсем другую картину и понял, что его умышленно дезинформировали.

Уже на втором допросе бывший унтер-офицер решил рассказать все как было. «Я убедился, что народ пошел за большевиками,— сказал он.— Повернуть его в другую сторону невозможно. Во всяком случае, сейчас это сделать

никому не удастся, а через пять-шесть лет тем более. Вы покончите с разрухой...» Далее он сообщил, что первый чемодан с листовками получил в Москве в условленном месте у вокзала от высокого респектабельного мужчины в пенсне, хорошо и со вкусом одетого,— по всем статьям иностранца. Во второй и третий раз встречался уже с другими людьми, но на том же самом месте. Они сами подходили к нему, потому что в письме было сказано, как он должен одеться для этой встречи. Оба «экспедитора», судя по манере держаться и выправке,— бывшие офицеры. Особенно запомнился сухопарый мужчина с коротенькой, тронутой сединой бородкой.

— Расскажите подробнее, как он выглядит? — попросил Бирюков Ивана Ксенофонтовича, когда тот знакомил нас с новыми данными, появившимися в следственном отделе по делу о «французских» листовках.

Просмотрев протоколы допросов, Ксенофонтов отыскал нужное место и сказал:

— Лицо чуть удлиненное, бледное, как это бывает у людей после длительного пребывания в госпитале. Прихрамывает, опираясь на тросточку с золотым набалдашником...

— Внизу в передних зубах заметна щербинка? — спросил вдруг Бирюков.

— А вот про щербинку ничего не сказано.— Иван Ксенофонтович снял телефонную трубку и позвонил следователю.

Тот оказался на месте и как раз беседовал с задержанным.

— Верно, редкозуб, но, вверху щербинка или внизу, арестованный затрудняется сказать.

— Я видел этого человека! — воскликнул Бирюков.

— Где? — нисколько не удивился Иван Ксенофонтович.

— На Тверской, в бывшем Елисеевском магазине.

— Когда?
— В начале этой недели.
— А вы в этом уверены?
— Все сходится, Иван Ксенофонтович,— горячо убеждал Семен.— Бородка аккуратная, волосок к волоску, лицо длинное, бледное, щеки запали... В руке тросточка. А вот с каким набалдашником, утверждать не берусь. Мы вместе с ним вышли из магазина и некоторое время в одном направлении шли по тротуару.
— Куда?
— Вниз. В сторону Охотного ряда. Я еще подумал: видать, из «бывших».
— В какое это было время?
— Под вечер. Я шел домой со службы.
Встретился с седобородым один из чекистов. Случайно он увидел его в Брюсовском переулке (теперь — улица Неждановой) и тут же упустил: подкатил извозчик, тот сел в пролетку и уехал. В руках у него был саквояж из желтой кожи.
А «француз», которым поручили заниматься мне, жил тоже в Брюсовском переулке. Вот я и задумался. Сопоставив эти факты, понял, почему Ивана Ксенофонтовича насторожило, что седобородый «вынырнул» именно здесь: ведь после этого сообщения он и велел Семену Бирюкову обстоятельно информировать меня обо всем и поддерживать со мной постоянную связь.
Теперь расскажу о том, чем же я тогда занимался.
После раскрытия «заговора послов» освободился особняк по Брюсовскому переулку, где размещался французский посол Нуланс. Неприглядная роль его выяснилась, когда ВЧК ликвидировала террористическую организацию «Союз защиты родины и свободы», возглавляемую Борисом Савинковым. На содержание организации французское посольство передало два с половиной миллиона рублей. После провала «Союза» Нуланс потребовал от

укрывшегося в английской миссии Савинкова немедленно организовать через своих связных ряд вооруженных выступлений на Верхней Волге. И это было раскрыто чекистами. Более того, стала очевидной подстрекательская, подрывная деятельность французских дипломатов.

Особняк в Брюсовском переулке был предоставлен нашим правительством группе французских коммунистов и социалистов, временно проживавших в Москве. Среди них был Анри Гильбо, участвовавший в I и II конгрессах Коминтерна.

По соседству жил работник Наркомата внешней торговли Богданов (фамилия изменена). Семья у него была невелика — жена и дочь школьного возраста. Но он ждал приезда многочисленных родственников, и квартира из пяти комнат показалась ему мала. Богданов предложил Гильбо за приличное вознаграждение поменяться домами. Не дослушав Богданова, Гильбо указал ему на дверь.

К этому времени большинство французских товарищей уже разъехалось. В особняке остались только Анри Гильбо с женой Генриеттой и переводчица мадам Кубе, у которой был ребенок, мальчик лет семи. Богданов рассорился с соседями.

Деликатный и стеснительный Гильбо долго не решался пожаловаться, надеясь, что конфликт уладится сам по себе. Но однажды, будучи по делам Коминтерна на приеме у Владимира Ильича, Анри Гильбо все-таки обмолвился об одной «маленькой неприятности», которая мешает жить и работать. А поводом послужил последний «визит» Богданова с новыми предложениями.

Я в тот день дежурил по секретариату ЦК. Меня вызвал Ксенофонтов. У него в кабинете я увидел худощавого мужчину среднего роста, в очках, с зачесанными назад редкими волосами.

— Познакомься! Наш французский товарищ Анри Гильбо,— представил мне его Иван Ксенофонтович.

Гильбо встал, поклонился, пожал мне руку. Мне о нем приходилось слышать: Гильбо был известным журналистом, выступал против интервенции Антанты.

Иван Ксенофонтович сказал, что Владимир Ильич просил его помочь Анри Гильбо. Вот он и поручает мне разобраться со странным соседом французского товарища и завтра же доложить. «Завтра же»,— повторил он.

Я начал с того, что навел справки о Богданове. В Наркомате отозвались о нем весьма похвально: ценный работник, эрудированный человек. «По всей вероятности, мне аттестуют другого,— подумал я.— Тут какая-то ошибка».

Еду в Брюсовский. Все верно, к сожалению. Соседствует с французами именно Богданов. Но сейчас его в Москве нет, два дня назад он уехал в Париж и вернется не раньше чем через две недели.

Доложил Ивану Ксенофонтовичу. Он сказал задумчиво:

— Подождем его приезда... А к Гильбо ты, пожалуйста, в эти дни еще разок наведайся. Свой номер телефона ему оставил? Ну и хорошо.

В том году Богданов в заграничных командировках бывал только во Франции. Четырежды. Эта поездка пятая. Бирюков уточнил дни его возвращения в Москву, и они совпали с появлением тех самых антисоветских листовок на превосходной белой бумаге! Что это — простая случайность? Или?..

И я пошел к Дзержинскому.

Рассказал Феликсу Эдмундовичу об «удивительном совпадении» и попросил разрешение произвести обыск на квартире у Богданова.

— А вы все взвесьте и подумайте, есть ли у вас основания для такого шага,— сказал Дзержинский.— Я считаю, что таких оснований пока еще нет. Продолжайте наблюдение, а в случае необходимости действуйте так, как подскажет ваша революционная совесть.

В ходе следствия были получены данные, уличающие Богданова в провозе и распространении антисоветских листовок.

На следующий день после приезда Богданова из Франции я пошел к нему. Хозяин был в кабинете, разговаривал по телефону. В столовой сидели гости, которых мое появление почему-то не удивило. Их было пятеро — двое роскошно одетых женщин, двое солидных мужчин и молодой, но уже начинающий полнеть человек. Рядом с ним место за столом было свободно. Видимо, ждали шестого гостя и меня приняли за него.

Стол был богато сервирован и заставлен всевозможными яствами. Пестрой шеренгой выстроились нарядные бутылки с коньяками и винами. Мне стало не по себе. Трудовая Москва живет на скудном пайке, в провинции пухнут от голода. Ведавший вопросами продовольствия товарищ Цюрупа от систематического недоедания терял сознание в своем кабинете, заботясь о пострадавших в Поволжье от жестокой засухи людях. Категорически отказывался от малейшей прибавки к своему пайку В. И. Ленин. Красноармейцы треть своего довольствия отдают детям... А здесь!..

Меня усадили за стол, никто не спросил, кто я и зачем пришел. Из разговора я понял, что ужин устроен в честь возвращения хозяина. На столе против меня оказался зажаренный целиком молочный поросенок, украшенный зеленью, и аккуратно уложенные в серебряной ладье ломтики копченого сига. И тут я не выдержал.

— А ну встать! — крикнул громко, хотя и сознавал, что не так нужно действовать.

Женщины испуганно ахнули, мужчины молча продолжали сидеть. Подбежала хозяйка, попыталась усадить меня, успокоить, спросила, уж не выпил ли я лишнего. Прервав телефонный разговор, на шум прибежал Богданов.

— Кто вы такой? Как сюда попали?

Извинившись перед гостями, Богданов развел руками и продолжал наседать на меня:

— Сотрудник ВЧК? Ну так что же из этого? По всей вероятности, вы ошиблись адресом, товарищ... Кто вам нужен?

— Вы гражданин Богданов?

— Прошу ко мне в кабинет!

Но я отказался пойти в кабинет: пока я буду разговаривать с хозяином, гости разойдутся, а надо проверить, что это за люди. А они тем временем успокоились и выжидательно смотрели на нас. Хозяйка скорбно поджала губы, дожидаясь, когда я покину дом. Меня уже подташнивает от голода. Богданов перехватил мой взгляд, невольно брошенный на аппетитные блюда.

— Я бываю в заграничных командировках, а там все это есть. Европа, знаете, не бедствует. Часть зарплаты я получаю в иностранной валюте и иногда делаю родным и близким такие сюрпризы. Нам это разрешается...

— Я пришел к вам не по этому делу,— сказал я, взяв себя в руки.— Ваши соседи, французские товарищи...

— Ах, вот оно что! — не дал мне договорить Богданов.

— Нажаловались! — в тон ему подхватила хозяйка и не могла скрыть вздоха облегчения.

— Жалобы моих соседей не имеют оснований, товарищ чекист,— продолжал Богданов.— Я считаю, что мы договоримся обо всем по-хорошему...

В прихожей раздался звонок, это пришли, как я и условился с ними, Бирюков и Мартынов. Я попросил Мартынова пригласить понятых, и он ушел. Мы же с Семеном предложили гостям предъявить документы, а хозяйке и домработнице — все собрать со стола и унести на кухню.

— Утром отправим в детский дом,— пояснил Бирюков.

— Конфискуете? — насмешливо спросил хозяин квартиры.— А по какому праву?

— Революционному! — бросает ему Бирюков.— И обыск у вас будем делать по этому же праву. Вот ордер...

— Вы за это ответите! Я сейчас же позвоню...

Богданов метнулся в кабинет, но я попридержал его, опасаясь, что он предупредит сообщников по телефону.

Мартынов привел троих соседей — мужа с женой, по виду рабочих, и дворника. Соблюдая все формальности, мы объявили им, что будем производить обыск, и пояснили, какая роль при этом отводится по закону понятым. Мартынов остался с гостями, а мы с Бирюковым приступили к делу.

В первые минуты встречи с Богдановым мне подумалось: а не он ли сам вручил унтер-офицеру чемодан с листовками? Я еще раз окинул его взглядом, вспоминая протокол допроса: хорошо одетый, респектабельный мужчина, судя по всему иностранец, говорит с легким акцентом... Все это вполне может быть отнесено и к Богданову.

Обыск пока ничего не дал. Обшарили, казалось, каждый метр в квартире: ничего подозрительного! Зато на кухне обнаружили настоящий продуктовый склад: можно было прокормить в течение месяца — по тем временам — целое учреждение. Не за продукты ли скупает Богданов у голодающих произведения искусства? Уж очень много их в квартире. Но к этому мы еще вернемся. Сейчас нас больше всего интересуют листовки, к которым он мог иметь прямое отношение. Странно, почему так обрадовалась жена Богданова, когда узнала, что причиной моего визита является жалоба Гильбо. Может, знает, что у хозяина куда серьезнее грех на душе...

Осталось осмотреть кабинет. Безучастный ко всему Богданов делает вид, что дремлет, развалившись в кресле. За все время обыска он обронил лишь несколько слов, когда мы снимали с простенка картину в золоченой раме.

— Осторожнее, прошу вас! Это очень редкое полотно, ранний Дега.

Большие старинные часы звонко пробили два часа ночи. Слипаются глаза у понятых. Ко всему привыкший дворник начинает тихонько посапывать носом.

Неожиданно в прихожей раздался короткий резкий звонок. Я побежал к входной двери, успев заметить, что Богданов вздрогнул. Звонили явно свои: после короткого звонка раздался длинный и снова два коротких. Открываю дверь — передо мной седобородый господин с тросточкой...

Увидев мою кожаную куртку, ночной гость отпрянул назад, но я успел схватить его за руку. На помощь подоспел Мартынов. Мы втащили посетителя в квартиру, обыскали. В кармане пиджака нашли браунинг...

Вот, значит, кому предназначалось место за столом, на которое усадили меня.

Продолжили обыск. Я обратил внимание, что в одном месте чуть-чуть прорвались обои. Я осторожно поддел перочинным ножичком бумагу.

— Нашел! — радостно бросаю больше Богданову, чем Семену и понятым, а сам еще не знаю, что я нашел: из гнездышка в стене выглядывает металлическая петелька. Я подцепил ее кончиком ножа и потянул. Показалась цепочка. Под потолком что-то скрипнуло.

К цепочке был привязан прочный шелковый шнур. Слышу, как он скользит по вделанным в стену блокам и затем у самого потолка, открывается дверца тайника — массивная, как у несгораемого шкафа...

Богданов оказался махровым врагом Советской власти. Следствие установило, что он был связан с белогвардейскими и шпионскими центрами на Западе. С его помощью, а часто и при прямом содействии к нам было переправлено из-за рубежа огромное количество листовок.

— Роковая случайность,— тихо проговорил Богданов, когда мы закончили переписывать содержимое тайника.— Этот ящик я получил в наследство от прежнего хозяина квартиры. Хотел все убрать из него, когда просил соседей поменяться.

— А эта встреча тоже роковая случайность? — спросил я у него на другой день во время очной ставки с унтер-офицером, который по фотографии узнал Богданова.

В Брюсовском переулке я стал бывать часто. Ксенофонтов и после ареста Богданова просил меня наведываться к французам. Встречали они меня приветливо. Анри Гильбо расспрашивал о Ленине. Его интересовали взаимоотношения сотрудников Совнаркома и Секретариата ЦК партии с Владимиром Ильичем, что говорят о нем в народе. Гильбо собирался писать книгу о Ленине, и все, что касалось вождя революции, даже самые мелкие детали, заносил в свои блокноты.

— Что вам прежде всего запомнилось во внешности Владимира Ильича? — спросил меня однажды Гильбо.

— Лоб и глаза,— ответил я.— И улыбка.

— Да, глаза! — воскликнул Анри.— Очень проницательные! Они излучают доброту, притягивают людей!..

Генриетта Гильбо уже бывала у нас в России, она легко и быстро усваивала чужой язык, вскоре мы с ней уже стали разговаривать без переводчицы. Я узнал, что с Владимиром Ильичем супруги Гильбо познакомились еще до революции. В 1916 году они эмигрировали в Женеву, так как во Франции Анри Гильбо преследовался за выступления против войны. Ленин и Крупская тоже в это время жили в Швейцарии. Гильбо встречался и переписывался с Владимиром Ильичем. После Февральской революции он принял активное участие в подготовке переезда русских политэмигрантов в Россию, был одним из одиннадцати видных деятелей международного рабо-

чего движения, подписавших известный в истории протокол о проезде русских политэмигрантов через Германию, воевавшую тогда с Россией.

Находясь в Москве, Гильбо довольно часто бывал в Кремле у Владимира Ильича.

О ленинском внимании и чуткости к людям написано много. Но мне все-таки хочется рассказать о том, чему я сам был свидетелем,— об отношении Ленина к Анри Гильбо, интернационалисту, приехавшему в революционную Россию по делам Коминтерна.

Гильбо нередко обращался к Ленину, и Владимир Ильич немедленно отзывался на его просьбы. В этом можно убедиться по одиннадцатому тому «Биографической хроники» В. И. Ленина, охватывающему период жизни вождя с 12 июля по 30 ноября 1921 года. В письмах и записках Владимира Ильича, заметках на листках настольного календаря этого периода более десяти раз упоминается имя Анри Гильбо.

Однажды, только принял я дежурство по секретариату ЦК, комендант Шигаев говорит мне: «Звонил Анри Гильбо, просил обязательно зайти к нему вечером. Он уезжает».

После работы я отправился в Брюсовский переулок.

— Наш поезд уходит сегодня,— сказал Гильбо.— Вот вам ключи от дома.

Я удивился. Меня же, говорю, никто не уполномочивал. Как я могу взять эти ключи? Гильбо показал на телефон:

— Свяжитесь с вашим начальником. С ним уже все согласовано.

Ксенофонтов был еще на работе. Оказывается, он забыл предупредить меня. Иван Ксенофонтович велел мне проводить Гильбо на вокзал, взять ключи и вселиться в особняк. Поживешь, дескать, на правах коменданта.

Проводил я супругов Гильбо. Тепло попрощались. Больше я их никогда не видел. Рассказал же я о Гильбо сейчас потому, что судьба свела меня с ним на какое-то время по делам моей службы, а главное — потому, что связано это было с одним из примеров необыкновенно чуткого и внимательного отношения Владимира Ильича Ленина к людям. Среди огромного количества вопросов государственной важности, которые ему приходилось каждодневно решать, он находил время для отдельного человека, принимал близко к сердцу нужды и заботы многих людей.

С вокзала я вернулся в общежитие. С непроницаемым видом укладываю свои пожитки. Половину мешка заняли разбитые сапоги. Пора бы их уже выбросить, но прикинул, что могут еще пригодиться. Товарищи мои в недоумении: куда это я переселяюсь? Неужели комнату снял? Да ведь не по карману. Значит, получил? Но в те годы это было почти невозможно.

— Комнату? — говорю я. — Девять комнат! Целый особняк!

И в доказательство подбрасываю на ладони связку ключей, нанизанных на металлическое кольцо. Мне верят и не верят.

Я рассказал им, почему должен перебраться в особняк, назвал товарищам адрес, пригласил навещать меня. И вот шагаю я с Лубянки вниз к Большому театру на Брюсовский. Улицы светятся рекламными огнями: «Лучшее сахарное пирожное только у Каде!», «Ежедневно свежие конфеты из Петрограда. Принимаются заказы с доставкой на дом», «Элегантное платье для дам».

Это нэп. Самое сильное воспоминание у меня от него — обилие продуктов в магазинах и постоянное чувство голода. Витрины и прилавки ломятся от всевозмож-

ных товаров, а купить не на что. Все очень дорого. Но денежные люди в Москве есть. Появились коммерсанты, дельцы. Они открыли магазины, рестораны, кондитерские фабрики и даже заводы. Как грибы после теплого дождя, стали вырастать акционерные общества, фирмы, тресты... Идет бойкая торговля. Фунт окорока стоит триста тысяч, курица — четыреста. Деньги пачками переходят из рук в руки...

Это в то время, когда коммунисты, и рядовые, и руководители делили с народом все тяготы и лишения. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин писал в начале нэпа: «С 1 августа наши сотрудники не получают ничего... Живут тем, что продают старые вещи... Сейчас у меня в канцелярии журналистка упала в обморок...»

Обозреватели буржуазных газет на Западе с удовлетворением сообщали своим читателям, что новая экономическая политика большевиков — это пересмотр их первоначальных концепций в области иностранной, торговой, финансовой и социальной политики. Что все, дескать, возвращается к старому. Никуда, как видно, от частного капитала не денешься.

Должно было пройти время, чтобы враги осознали: новая экономическая политика — это лишь этап при переходе от капитализма к социализму, вслед за которым последует реорганизация и подъем советской экономики.

...Пересек Тверскую, привычно свернул в переулок. Вот он, знакомый особняк. Думал ли я еще совсем недавно, да и в тот вечер тоже, что он на долгое время станет для меня домом и местом встреч со многими замечательными людьми, моими дорогими друзьями.

Как живые, стоят они у меня перед глазами и сейчас...

День был выходной, но я встал рано, раздвинул тяжелые шторы, открыл высокое окно. В гостиную потоком хлынул солнечный свет.

Ночью прошел небольшой дождь, меня обдало утренней свежестью, запахом листвы. С Бульварного кольца долетала резкая трель трамвайного звонка, под окном шаркал метлой дворник...

Показалась извозчичья пролетка и остановилась напротив. Вижу — приехал Патаки, а с ним какой-то военный.

Я решил разыграть гостей: сел в кресло, достал из коробки на шкафу сигару, зажег ее и затянулся. Войду, думаю, в роль.

— Захар, сигары не курят взатяг! — раздалось у меня за спиной. Значит, опять я забыл закрыть входную дверь на ключ. Не могу к этому привыкнуть. В общежитии у нас не то что замка — даже защелки или крючка не было.

От неожиданности втягиваю в себя дым, вскакиваю и захожусь в надрывном кашле.

— Мате, чем не нэпман? — спрашивает Ференц у своего спутника.

Гости смеются, а мне не до смеха — кашляю. Розыгрыш не удался.

— Мате Залка,— протягивает мне руку военный, все еще улыбаясь.

У него черные широкие усы, румянец на щеках, в глазах лукавые искорки. На новой гимнастерке — орден Красного Знамени.

— Я тебе говорил про него,— присаживается Ференц.— Познакомились мы с ним в Красноярской тюрьме. А потом воевали немного вместе... Ну вот что, мы прямо с вокзала. Устали и чертовски голодны.

Я отвечаю, что у нэпманов можно купить все, что угодно, даже в такой ранний час, но цены...

— Ради встречи и знакомства можно раскошелиться,— шутит Ференц.— Мате сегодня приснилось, что сидел он в своей деревенской харчевне и ел курицу прямо из жаровни. А я ему сказал, что это вещий сон и он обязательно исполнится сегодня до обеда...

Ференц Патаки, возвращаясь из очередной командировки на Украину, встретился там с земляком. Мате Залка как раз демобилизовался из армии, и вместе они приехали в Москву.

Остановился Залка у меня, обосновавшись в бывшем кабинете посла, на огромном кожаном диване, который, вероятно, за его величину окрестил «дредноутом». Обложившись книгами, большинство из которых было на французском и немецком языках, он действительно «плавал» на нем по всем эпохам и векам.

Больше месяца прожил тогда Залка у меня. Ференц все эти дни был очень занят и заходил к нам редко. Он работал над докладом о реорганизации пограничной службы. Все его последние поездки были связаны с этим заданием.

Иногда мы не виделись с Мате по нескольку дней — то я был на дежурстве, то он уходил по делам или, уединившись в кабинете, сидел над рукописями. Часто, обычно вечерами, писал письма «своей Верочке». Залка очень скучал по семье, оставшейся где-то на юге, звал жену с дочкой в Москву. А когда они наконец приехали, Мате весь светился от радости.

Я старался не беспокоить Мате. Если он не выходил к ужину, оставлял еду на кухне. Настойчивым гостям,

забредавшим к нам «на огонек», я объяснял, что Мате очень занят, и уводил их в другую комнату.

А перед Новым годом нагрянул Лайош Гавро. Он приехал из Киева по служебным делам. Веселый, энергичный Гавро сразу заполнил собой весь особняк. По вечерам у нас теперь было шумно. Приходили сослуживцы Гавро, мои товарищи по работе, наши общие друзья. Бывали у нас Иона Якир, Ян Гамарник, Иван Федько, Лаврентий Картвелишвили, Ференц Патаки, герои гражданской войны, известные военачальники и комиссары.

Однажды в субботу Мате привел Дмитрия Фурманова. Оба они изрядно промерзли, прогуливаясь по Тверской. Фурманов уже в то время был известным литератором, мы все читали его очерки и статьи о гражданской войне.

Сели за стол. В квартире остался пузатый электрический самовар, подаренный Гильбо, и я очень гордился этой редкостью.

За круглым дубовым столом было тесно в тот вечер. За ним собрались Алексей Стельмахович, Семен Дубов, тоже чекист, бывший начальник особого отдела Западного фронта (я подружился с ним в Витебске), и, конечно, Лайош Гавро, Семен Бирюков, Ференц Патаки, Василий Поляков. Мате Залка со всеми был знаком.

— Красные командиры! — представил он нас Фурманову.— Прошли огонь и воду. Удивительно тонко чувствуют, когда что-нибудь не так о войне напишешь.

От похвалы нам всем стало как-то не по себе: ведь перед нами был комиссар легендарного Чапаева, писатель. Залка тут же ввернул какую-то шутку, вызвав дружный смех. Однако разговор поначалу не клеился.

— Прочитал бы ты нам что-нибудь,— предложил Фурманову Мате.

— Да нет у меня ничего своего с собой,— сказал тот.

— Тогда придется мне за тебя отдуваться! — Залка полез в карман френча.

Писал он по-венгерски, а потом обычно сам же переводил на русский и часто бился над переводом больше, чем над рассказом, переживал, что не все удается передать точно.

Мате развернул перед собой машинописные листки.

Это был рассказ «На могиле» — о гибели бойца интернационального батальона австрийца Карлуши. Он пал в бою за маленький украинский городок.

Мате читал с большим чувством, будто делился самым сокровенным с близкими ему людьми. Голос у него был протяжный, музыкальный. А когда Залка волновался, у него резче обозначался акцент, и это придавало его речи особую выразительность.

Вот и сейчас будто наяву вижу этого бедного Карлушу в его потертом, заношенном френче, в порыжевших, со стоптанными каблуками сапогах... Вижу в сырых окопах его товарищей, принявших нашу революцию. Снимают они красные кокарды со своих военных фуражек и пришивают их на солдатские френчи. Красный цвет — цвет пролитой крови рабочих и крестьян, цвет революции, и отныне у кокард иное назначение.

Рассказ заканчивался так: «Я закрыл глаза. Из-под цветов, улыбаясь, встал Карлуша. Красная кокарда горела на его рваной австрийской куртке так ярко, как могла она гореть только в восемнадцатом году».

Залка перевернул последнюю страницу. К нему тотчас потянулся Иван Дубов, пристрастившийся к художественной литературе в царских тюрьмах. За большевистскую агитацию он отбыл двенадцать лет каторги. На фронте в свободные часы я всегда видел его с книгой. Он и красноармейцам часто читал вслух, собирая вечерами всех, кто был свободен от нарядов и караульной службы.

— Дай-ка я взгляну,— взял Дубов у Залки последнюю страницу.

Мы думали, что он хочет сделать автору какое-то замечание, и выжидающе молчали. Дубов прочел про себя несколько строчек и сказал:

— Здорово! Самые простые слова, а прямо за душу берут.— Он положил листок на стол и слово в слово повторил последние фразы рассказа.

— Пиши, Мате, больше пиши. Про войну у тебя здорово получается.— Дубов поглядел на Фурманова, не сказавшего пока ни слова, и тихо добавил: — Если только я что-нибудь смыслю в этом деле.

— Наши сыны и внуки должны знать, как мы боролись за Советскую власть,— сказал Стельмахович.— А вот это самое как раз и есть в рассказе. Мне нравится.

Рассказ одобрили все. Но говорили об этом с некоторой оглядкой на Фурманова, и он это понимал. Нам хотелось послушать его мнение.

Лайош Гавро не выдержал:

— Товарищ Фурманов, а что вы скажете?

— А я хотел вас послушать,— засмеялся Дмитрий,— себя проверить — не ошибся ли?..

И уже другим тоном, серьезно произнес:

— А рассказ замечательный, я уже высказал свое мнение, когда мы с автором мерзли на Тверской. Но могу и повторить. Убежден, что в литературе Мате будет таким же умелым и отважным командиром и комиссаром, каким он был в боях.

— Это для меня самая дорогая тема — интернациональное братство,— смутился от похвалы Залка.— Человек борется и умирает за счастье другого народа. Того народа, против которого он воевал всего лишь год-два тому назад. И вот бывшие враги, поумнев на фронте, бок о бок идут сражаться за первое в мире социалистическое государство, которое создает партия большевиков. Что может быть выше и благороднее такого дела?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Весной 1923 года состояние здоровья Ленина резко ухудшилось. Знакомые и незнакомые люди спрашивали друг у друга на улице: «Бюллетень читали? Как Владимир Ильич себя чувствует?» О ходе болезни сообщалось в специальных бюллетенях. Везде их обсуждали: в цехах заводов и фабрик, в магазинах, на трамвайных остановках, в поездах...

Последний раз я видел Владимира Ильича осенью 1923 года, когда вместе с нарочным отвозил почту в Горки.

Когда кто-нибудь возвращался из Горок, его тотчас окружали сотрудники аппарата ЦК, и начинались расспросы о здоровье Ильича. Так было и на этот раз. Мы едва успевали отвечать. Повторяли, что дело, очевидно, пошло на поправку, выглядит Владимир Ильич хорошо, настроение у него бодрое. Ленин поправится! Мы все твердо верили в это.

В январе 1924 года я побывал у Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Жила она неподалеку от ЦК, на Манежной улице, рядом с Кремлем. Случалось мне и раньше бывать у нее. Анна Ильинична работала в Наркомпросе, и я иногда заносил письма и деловые бумаги, которые ей направляли. В обращении с людьми Анна Ильинична была проста. Каждый, кто к ней обращался впервые, через несколько минут чувствовал себя удивительно легко и свободно. Познакомившись с младшей сестрой Ленина Марией Ильиничной, я понял, что простота, доброжелательность, душевность в обращении с людьми — семейная черта Ульяновых. Всякий раз с радостью шел я на Манежную.

Анна Ильинична любила детей. Общение с ними приносило ей радость, воспитание их было потребностью ее натуры. Она всегда радовалась, когда к ней приходили ребята. Постоянно в ее квартире раздавались звонкие ребячьи голоса. Вместе с Анной Ильиничной жили на Манежной ее многочисленные воспитанники. Это были дети близких друзей, товарищей по партии. Хорошо помню приемного сына Анны Ильиничны Гору Лозгачева, племянника Виктора, дочерей рано умершей известной революционерки Инессы Арманд. А. И. Ульянова-Елизарова тепло заботилась о сиротах — Мите Веретенникове, детях старых большевиков Барамзиных — Диме и Нине. Для каждого находила она ласковое слово, каждому хватало тепла в ее сердце. И ее дети любили.

Часто бывала у сестры Мария Ильинична. Она помогала ей воспитывать детей. Сестры готовили ребят к вступлению во взрослую жизнь, где нужно быть борцом, тружеником, защитником Родины.

Анна Ильинична заведовала тогда отделом охраны детства Народного комиссариата просвещения. Очень занятым человеком была и Мария Ильинична. Все удивлялись, и я в том числе, как удается сестрам отдавать так много времени детям, осуществлять, как тогда говорили, «товарищеское опекунство» над ними.

...В тот январский день в квартире у Анны Ильиничны было многолюдно — мужчины и женщины, работники просвещения из губерний, делегаты проходившего тогда XI Всероссийского съезда Советов. Гости вместе с хозяйкой сидели за столом и пили чай. Анна Ильинична рассказывала о Владимире Ильиче, которого видела день или два назад. Как радовались все, услышав, что Владимир Ильич чувствует себя лучше.

21 января 1924 года я дежурил по секретариату ЦК. День прошел спокойно и, как обычно, в положенное время пришел сменить меня Иван Мартынов. Я стал раскла-

дывать на столе бумаги для передачи ему. Вдруг за дверью послышались торопливые шаги, в комнату вошел заместитель управляющего делами ЦК РКП(б) Николай Мещеряков. На нем лица не было.

— Товарищи... Ленин умер...

И бессильно опустился на стул.

Мы онемели. Этого никто из нас не ожидал. Ведь болезнь отступала!

— Кто сказал?!

— Из Горок сейчас звонили,— с трудом произнес Мещеряков.— Нам велено выехать туда. Собирайте людей, звоните всем дежурным по ЦК.

В одной машине, помню, ехали Ксенофонтов, помощник Куйбышева Самсонов, Мартынов, Долгов и я. Всю дорогу молчали. Смерть Ленина каждый из нас воспринял как тяжкое личное горе.

Владимир Ильич скончался в 6 часов 50 минут вечера, а мы приехали в десятом часу. Возле усадьбы в Горках было людно. Еще подъезжая, мы услышали тревожный гул голосов. Шофер заглушил мотор. Люди плакали. Сжалось сердце, и я с трудом сдерживал слезы.

Нам дали попрощаться с Владимиром Ильичем, и затем каждому в доме нашлось дело. Кто-то сказал, что Феликс Эдмундович назначен председателем комиссии по организации похорон. Поздно, уже под утро, мы выехали в Москву приготовить Колонный зал Дома союзов, где будет стоять гроб с телом Владимира Ильича.

Было опубликовано в газетах обращение ЦК РКП(б) «К партии. Ко всем трудящимся».

Нам было поручено сопровождать траурный поезд в Москву. На станцию Герасимово, что километрах в пяти от Горок, гроб с телом Ленина несли на руках члены ЦК, наркомы, представители рабочих и крестьянских делегаций, меняясь время от времени. Весь этот путь до станции усыпан хвоей.

Поезд уже стоит на путях, паровоз и вагоны увешаны венками и еловыми ветками, побелевшими на морозе. Ни малейшего ветерка. Неподвижно повисли приспущенные траурные знамена. Морозный туман окутал все вокруг. Тридцать с лишним градусов, а на станции множество людей из ближних и дальних деревень. Шапки, шали, воротники заиндевели на морозе. Значит, все давно уже пришли сюда. На лицах горе, слезы...

Медленно движется траурный поезд, непрерывно и скорбно гудит. Он идет по живому коридору: у железной дороги выстроились тысячи людей. Это крестьяне окрестных деревень пришли попрощаться с Лениным.

На Павелецкий вокзал траурный поезд прибывает в час дня. Перрон заполнен до отказа. Над головами людей портреты Владимира Ильича в траурных рамках.

Несмотря на сильный мороз, на улицах не протолкнешься. Горят костры. Всюду траурные знамена. От дома к дому поперек улицы — красное полотнище, и на нем слова: «Ты всегда будешь с нами, родной Ильич!» Во всю стену дома: «Ленин умер, но дело его живет!» Идут к вокзалу колонной рабочие какого-то завода. Над ними транспарант: «Ты начал, мы закончим!»

В дни прощания с Владимиром Ильичем мы были все время в распоряжении Дзержинского, выполняли его поручения, следили за порядком в Колонном зале Дома союзов.

Феликс Эдмундович, как всегда, подтянут и собран, только сейчас он еще бледнее обычного и на щеках проступил нездоровый румянец. Знаю, что это у него бывает в минуты сильнейшего душевного волнения. Софья Сигизмундовна потом напишет в воспоминаниях, что она никогда не видела, чтобы Дзержинский так волновался, как в дни похорон Ленина...

После этих горьких дней свыше 240 тысяч передовых рабочих вступили в ряды Коммунистической партии. Так ответили трудящиеся на смерть своего вождя.

Стала
    величайшим
        коммунистом-организатором
даже
    сама
        Ильичева смерть.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В одну из суббот Фурманов привел ко мне на Брюсовский крепкого, кряжистого военного с чапаевскими усами — Николая Хлебникова. Они дружили еще со школьных времен, вспоминали мальчишеские проказы, общих друзей. Новый товарищ оказался человеком общительным и быстро сошелся со всеми.

Оба друга, несмотря на молодость, как и все мы, успели пройти суровую школу жизни, основными этапами которой стали для них участие в германской войне (так называли тогда в России первую мировую войну), революция и гражданская война. Студентом Николай Хлебников был призван в армию, воевал рядовым, потом прямо с фронта был направлен в Петроградское артиллерийское училище. Окончил его и в чине прапорщика снова попал на передовую. Тяжелая контузия под Тернополем вернула его в родной Иваново-Вознесенск на излечение. Был на исходе семнадцатый год.

Дмитрий Фурманов сразу вовлек друга в бурный водоворот революционных событий. Оказалось, что военные знания прапорщика очень нужны молодой Красной Армии. Хлебников стал работать в оперативном отделе военного округа, которым руководил М. В. Фрунзе.

Тревожное то было время. Колчак объявил себя верховным правителем Сибири и двинулся к Поволжью. Михаила Васильевича назначают командующим 4-й армией Восточного фронта, и он в самом конце восемнадцатого выехал в Поволжье. В Иваново-Вознесенске стал срочно формироваться Особый коммунистический отряд, с кото-

рым Хлебников отправился вслед за Фрунзе. Возглавлял этот отряд Дмитрий Фурманов. В Уральске в марте девятнадцатого была сформирована 25-я стрелковая дивизия, начальником которой назначили Чапаева, а политическим комиссаром — Фурманова. В эту дивизию вошел отряд ивановских ткачей. С помощника командира батареи начал свою службу у Чапаева Н. М. Хлебников. Он хорошо знал артиллерийское дело. Прошло не так уж много времени, и за отвагу, умение разгадывать маневры врага, находить наиболее уязвимые места в его порядках и успешно вести боевые действия Николая Михайловича назначили начальником артиллерии всей дивизии. Это его вывел Фурманов под именем Хребтова в романе «Чапаев».

«Хребтов повел обстрел. Верный глаз, смекалка и мастерство испытанного и закаленного артиллериста сделали чудо: спаряд за снарядом — в самую гущу, в самое сердце вражеских колонн».

Особенно отличился Николай Михайлович в боях с белополяками в июне 1920 года под Киевом. В результате блестяще проведенной операции он уничтожил всю вражескую артиллерию, имевшую двойное превосходство. Когда кончилась гражданская война, Хлебников остался в армии. Во время Великой Отечественной войны он стал командующим артиллерией Калининского и 1-го Прибалтийского фронтов, генерал-полковником артиллерии, Героем Советского Союза. Но всю жизнь он считал себя чапаевцем.

И все его друзья по 25-й стрелковой дивизии называли себя так же. С некоторыми из них я был знаком. Они приходили вместе с Фурмановым, Хлебниковым, Гавро. Хорошо помню Ивана Семеновича Кутякова, ставшего в двадцать два года командиром дивизии после гибели Чапаева. Он был волжанином, из села Красная Речка Саратовской губернии. Унтер-офицера царской армии Кутяко-

ва в Октябрьские дни семнадцатого революционно настроенные солдаты избрали командиром полка.

Как-то в одну из своих служебных командировок в Москву Гавро привел ко мне веселого, обаятельного человека с двумя орденами Красного Знамени на гимнастерке:

— Еще один чапаевец, Иван Бубенец! Знакомься!

Иван Константинович тоже служил унтер-офицером с 1916 года в Петрограде, участвовал там в революционных событиях. В Чапаевской дивизии он храбро воевал, был тяжело ранен на польском фронте. Фурманов мне рассказывал, что не встречал человека, который бы так страстно любил конницу. Недаром вскоре он стал командовать кавалерийской бригадой во 2-й Червонно-казачьей дивизии. Так быстро росли люди в ту пору. Время летело стремительно, и нужно было успевать за ним.

В начале 1921 года Хлебникова перевели в Москву. Он поселился в Большом Афанасьевском переулке. Через три месяца приехал Фурманов и первое время жил у своего друга, пока не получил квартиру в соседнем, Нащекинском, переулке. Этот адрес был хорошо знаком литераторам, боевым соратникам. Дмитрий Андреевич много и напряженно трудился, и все же по вечерам двери его квартиры были открыты для друзей. С приездом жены Фурманова — Анны Никитичны квартира обрела уют и стала еще более гостеприимной. Анну Никитичну многие знали по гражданской войне. Она заведовала культпросветкомиссией в политотделе Чапаевской дивизии, организовала передвижной красноармейский театр, подбирала репертуар, артистов. Дмитрий Андреевич еще со времен мировой войны, где они познакомились в полевом госпитале, звал жену Наей. И некоторые его товарищи тоже к ней так обращались. У Наи был сильный приятный голос, а песен она знала множество, особенно старинных казачьих — родом Анна Никитична была с Кубани.

У Фурманова обычно пели любимые песни Чапаева, особенно ту, которую так задушевно исполнял сам Василий Иванович: «Ты, моряк, красивый сам собою». Говорили, что у него был замечательный голос.

Много народу перебывало и на Брюсовском. Приезжали по служебным делам друзья, случалось — им негде было остановиться. Ночевали, жили неделями. Особенно рад я был двум Иванам — Кутякову и Бубенцу. Светлые души и горячие головы, жили они так же, как и воевали: страстно, азартно, как говорили тогда, «не слезая с боевого коня».

Когда встречались хотя бы двое чапаевцев, разговор непременно заходил о легендарном начдиве. Через всю жизнь пронесли они любовь к своему командиру. Гражданская война отшумела, но все мы жили в том недавнем прошлом, не осознавая еще, что оно стало уже историей. Вряд ли кто из нас задумывался тогда о быстротечности времени, и я не предполагал, что пройдут годы и мои друзья тоже станут частью истории. Их имена останутся в названиях площадей, улиц, школ... Они будут разговаривать со мной со страниц своих книг.

Вот они, стоят рядом: «В восемнадцатом году», «Чапаев» Дм. Фурманова, «Автобиографические записки» и «Легендарная Чапаевская» с дарственными надписями И. Хлебникова, первая книга, подаренная мне Мате Залкой,— «Повесть о вечном мире» и другие его произведения. Листаю страницы и словно слушаю голоса моих друзей, их жаркие споры, что велись в просторной гостиной. Память воскрешает их интонации и жесты.

Фурманов, Залка и Хлебников задавали тон всем нашим разговорам.

Это они создавали на наших «субботах» атмосферу душевной близости, теплоты. Обсуждение прочитанного часто бывало бурным, потому что повести и рассказы Фурманова и Залки посвящались подлинным событиям,

а годы гражданской войны у всех нас были свежи в памяти.

Однажды Гавро при мне рассказывал Я. Б. Гамарнику о своем комиссаре Блау, о боях, в ходе которых возглавляемые им воинские части соединились с группой войск Якира, пробивавшейся из-под Одессы. А через несколько лет я прочел рассказ Залки, в котором комиссар Блау был выведен под своей настоящей фамилией. И ничего не придумано, ничего не прибавлено, но так осмыслено автором, что от рассказа сжималось сердце, и ты начинал думать о многом — о долге и праве, о цели и смысле жизни...

«...Хочется, чтобы наша жизнь не прошла бесследно, чтобы не забыли нас, как стаю перелетных птиц»,— говорит перед решающим боем герой рассказа.

Романтику революции Залка видел в братстве людей, трудящихся разных национальностей и стран, вступивших в бой за установление свободы и справедливости на земле.

Залка любил говорить с интересными людьми. Встреча с бывалым солдатом всегда для него радость. Он мог часами слушать рассказы «о боях, товарищах».

И это Залка, который сам к двадцати восьми годам прошел через две войны, сражался на шести фронтах, одиннадцать раз был ранен, копал себе могилу под наведенными на него дулами винтовок. Залка, который, по собственному признанию, столько всего насмотрелся, что одной жизни не хватит, чтобы рассказать.

Залка был очень общителен. Помню случай — уединившись в кабинете, Мате сказал мне, что он должен срочно закончить рассказ. Все уже в голове, нужно только переложить на бумагу. Просил меня никого к нему не пускать. Так я и сделал. Но часов в десять вечера пришли Фурманов и Хлебников. И Залка сам вышел в гостиную. Объяснил, что услышал знакомые голоса и не смог

усидеть. Если уж Фурманов ходит по гостям, то почему бы и ему не оторваться на часок от письменного стола...

«Часок» превратился в вечер воспоминаний. Фурманов и Залка были в ударе, шутили, смеялись, потом стали говорить о творческих планах. Хлебников спросил у Мате, когда он написал свой первый рассказ.

— Давно это было,— ответил Залка.— Еще до мировой...

И рассказал нам, что в юношеские годы твердо решил стать писателем и готовился к этому. Но отец, разорившийся помещик, на его увлечение литературой смотрел как на блажь. И, чтобы окончательно направить сына на правильный, по его разумению, путь, определил Мате учиться в коммерческую школу в Вене. Хотел видеть его оборотистым коммерсантом или известным адвокатом — тогда можно было бы поправить материальные дела семьи. Но через год или полтора попался отцу на глаза журнал, издававшийся в Вене, а в нем — рассказ сына.

Михай Залка был уважаемым человеком в округе, и когда он попросил власти, чтобы его сына досрочно призвали на военную службу, просьбу удовлетворили. В армии, рассуждал он, парню будет не до писательства. Служба всю дурь выбьет. Но он ошибся.

— Ну и о чем же был тот первый рассказ? — поинтересовался Хлебников.

Залка пренебрежительно махнул рукой:

— Да так, ерунда! Художник, которому страшно не везло, влюбляется в свою натурщицу и на крыльях любви взлетает к всемирной славе. На первом его шедевре изображена, разумеется, она... Страшно подумать, о чем бы я писал сейчас, если бы по-прежнему жил в той среде. И кто бы читал эти книги?

Когда произошла Октябрьская революция, Мате Залка в числе многих своих соотечественников встал на защиту Советской власти — вступил в партизанский отряд,

сражавшийся с белой армией Колчака. Жизнь Залки в этот период полна драматических эпизодов. Несколько раз он подвергался смертельной опасности, и только счастливая случайность и находчивость спасали его.

Однажды партизанский отряд, в котором воевал Залка, наткнулся на неожиданно сильный огонь колчаковцев. Врагов оказалось в несколько раз больше. Колчаковцы стали теснить отряд к Енисею. Мате с группой венгров-интернационалистов прикрывал левый фланг обороны, примыкавший к реке. Целый день длился бой, завершившийся яростной рукопашной схваткой. Сбитый с ног ударом приклада Залка потерял сознание. Белогвардейцы не заметили его в густой чаще. Когда он пришел в себя, была уже ночь и кругом ни души. Несколько суток скитался Мате по глухому таежному урману и наконец наткнулся на лесорубов, заготовлявших дрова для пароходства. Они укрыли его на своей заимке, собираясь переправить к партизанам, но не успели. О раненом чужом человеке лесорубы проговорились в соседнем селе. Слух дошел до местного кулака, и тот донес колчаковцам. Залка оказался в красноярской тюрьме, где и встретился с Ференцем Патаки.

Красного партизана Мате Залку приговорили к расстрелу.

О том, как он вырвался из тюрьмы, Залка не любил говорить — слишком тяжелые воспоминания. Но в тот вечер он нам рассказал:

— Вывели нас ночью на пустырь, откуда часто долетали до наших окон стрельба и крики. Чтобы мы не разбежались, заковали всех парами, рука к руке. Идем и прощаемся друг с другом — это уже конец. Подвыпившим палачам захотелось напоследок еще поизмываться над нами, потешиться от скуки. Офицер скомандовал: «Бегом марш!» Мы побежали трусцой. Я чувствую по хохоту и голосам стражи, что отбежали так примерно метров на

семьдесят. Стража не волнуется — куда мы убежим! И вот залп, второй. Стоны, крики, проклятья... Напарником моим был сибиряк, крепкий мужик. Мы с ним со всех ног бросились в сторону. Споткнулся ли он на бегу, или пуля его сразила, не знаю. Со всего маху он рухнул на землю. От рывка проржавевшая цепь лопнула. Это меня и спасло...

Чудом добрался Залка до лагеря военнопленных на окраине Красноярска, где его укрыли земляки в бараке для тяжелобольных. Он простудился, сильно ослаб, однако, оправившись, снова ушел к партизанам на правый берег Енисея. Видя, что Залка прекрасно разбирается в вопросах тактики, знает военное дело, а главное, бесстрашен в бою и предан революции, командование назначило его сначала взводным, а потом и командиром партизанского отряда в двести штыков.

Я слушал Мате Залку и невольно сравнивал его с Дмитрием Фурмановым, думал о том, что не случайно пересеклись пути этих замечательных людей. Дмитрий всегда был в центре борьбы за рабочее дело. После Февральской революции он в родном городе. Страстно звучит его голос на митингах и собраниях. Он весь в делах, в заботах: участвует в работе Иваново-Вознесенского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зачастую он председательствует на заседаниях Совета и везде проводит большевистскую линию, убеждая рабочих, что в городе истинная власть — это Советы, а не Временное правительство.

Хлебников мне рассказывал, что на всех, кто видел Фурманова в те дни, он производил незабываемое впечатление — стройный, собранный, темные глаза сверкают, у губ твердая складка, жесты скупые, решительные. Это пламенный трибун, которого ничто не может остановить на избранном пути. В здании Совета Фурманов ночевал, принимал делегации, отсюда выезжал на собрания на фабрики и в гарнизон... Все, что он делал, служило од-

ной цели — подготовить трудящихся ко всеобщей стачке, к захвату власти. В ряды ленинской партии Дмитрий Андреевич вступил уже после Октябрьской революции, и рекомендацию ему дал М. В. Фрунзе.

...Мы знали, что день рождения Фурманова 7 ноября (25 октября), и в этом совпадении для него был свой символический смысл.

«Я увидел и почувствовал... что здесь, в Революции,— целый океан поэзии, что здесь и безмерная отвага, и чистота бескорыстия, и нечеловеческое дерзание, что здесь воплощается в самой жизни огромная красота» — так записал Дмитрий Андреевич в своем дневнике в то время.

День 7 ноября 1917 года у Фурманова был заполнен до предела: он выступал перед рабочими, участвовал в диспуте и решал массу неотложных дел в Совете. Кончился день, но Дмитрий оставался в своем кабинете, ждал звонка из Москвы. Он знал, что в центре назначено решительное выступление... Товарищи из Москвы должны подтвердить, но звонка все не было.

Поздно вечером пришла сестра Соня, стала звать домой — там собралась вся семья.

— Митя, ведь сегодня твой день рождения! Ты же обещал... Мама испекла пирог, ждет...— уговаривала Соня.— Неужели ты забыл?

— Понимаешь, Сонечка, я жду звонка из Москвы, очень важного.

— Вызови сам Москву и пойдем домой! — предложила Соня.

Дмитрий попросил телефонистку соединить его с Москвой и услышал на другом конце провода радостный голос:

— Революция свершилась! Временное правительство низвергнуто! Ленин в Питере руководит восстанием!

Домой Фурманов в этот вечер так и не попал.

Он поднял на ноги весь город. Провели экстренное заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором выступил Дмитрий Андреевич. В эту же ночь создали Временный революционный штаб. Фурманов стал его председателем...

Фурманов и Залка дружили. Они были очень разные по характеру и по манере держаться с людьми и в то же время в чем-то схожи. Сближало их многое: оба прошли жестокую школу войны, оба стали коммунистами и писателями в революцию, оба в полной мере старались передать современникам неповторимую романтику революционной эпохи.

Помню, как собирались друзья поехать летом на Украину, так полюбившуюся Залке. Мате повторял, что полтавские степи напоминают ему родную Трансильванию. Друзья решили снять по комнате в деревенских хатах и поработать в тишине в свое удовольствие. Долго собирались, да так и не собрались: то одного, то другого не отпускали дела. Мате служил в Наркоминделе дипкурьером. Кстати, он мне рассказывал, что, заполняя анкету при поступлении на работу, на вопрос: «Когда были в отпуске?» — ответил так: «В отпуске не был и не пойду до окончательной победы революции».

Всех нас подкупало его бескорыстие, постоянное горячее желание помочь своим друзьям. Однажды я чистил в передней сапоги, в которых топал еще по дорогам гражданской войны.

— Какой размер носишь, Захар? — бросил мимоходом Мате, оторвавшись на минуту от телефонной трубки.

— Сорок второй,— сказал я, не поднимая головы.

Думал, спрашивает он просто так. Но через месяц возвращается Залка из какой-то европейской страны, приходит ко мне: «Получай гостинец!» Я развернул бумагу и ахнул: в свертке были новенькие хромовые сапоги на толстой кожаной подошве. Примерил — будто на меня

сшиты. Мате доволен, что доставил мне радость. И тут взглянул я на старенькие, с облупившимися носками штиблеты Залки, видавшие не одну весну и осень. Он перехватил взгляд и поспешил успокоить меня: мол, у него есть и другие, в них и ездит в командировки.

Недели через две шел я вечером домой с дежурства и у Центрального телеграфа встретил Патаки. Ференц пригласил меня проводить Залку на поезд в очередную загранкомандировку.

Приехали мы на вокзал раньше Залки. Когда дипкурьеры садились в вагон, я увидел на ногах у Мате те же старенькие штиблеты.

— Без сапог не приеду,— заверил он меня.

Однако на этот раз привез Лайошу Гавро бритву, а Дмитрию Фурманову — два больших роскошных блокнота, толстую общую тетрадь и шерстяной свитер.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Захар, тебя вызывает Дзержинский,— сказал мне утром Ксенофонтов, когда я сдавал дежурство по секретариату ЦК.— К двум ты должен быть у него.

— А зачем, Иван Ксенофонтович, не знаете? — спросил я.

— Ну какой же ты чекист, если не умеешь размышлять? — поворачивается он ко мне.— Куда тебе следует явиться? В Совет народного хозяйства? Вот и думай...

В феврале 1924 года первая сессия ЦИК СССР назначила Дзержинского Председателем Высшего Совета народного хозяйства. Но он по-прежнему оставался и председателем коллегии ОГПУ. Все мы видели, как трудно Феликсу Эдмундовичу. Помимо служебных обязанностей он вел большую партийную работу, часто выезжал с докладами о деятельности ЦК в губернии, выступал на партконференциях. Ведь он был членом Центрального Комитета партии и представителем ЦК в Центральной контрольной комиссии. Мы знали Феликса Эдмундовича как человека высокого гражданского мужества и долга. Он чувствовал личную ответственность за все происходящее.

В стране было до четырех миллионов детей-сирот.

— Это же ужасное бедствие! — говорил Дзержинский.— Ведь когда смотришь на детей, не можешь не думать — все для них! Плоды революции — не нам, а им! А между тем, сколько их искалечено борьбой и нуждой... Мы все больше переходим к мирному строительству; я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?

С помощью чекистов начали создаваться трудовые колонии, которые вскоре стали родным домом для сотен тысяч мальчишек и девчонок. Призыв Феликса Эдмундовича «Все на помощь детям!» был горячо принят советскими людьми. Люди помогали нам, чекистам, в этом деле. Самое лучшее отдавалось детям: продукты, особняки и дворцы, загородные дома и дачи, отобранные у буржуев, библиотеки и оборудование для учебных мастерских.

На станции Болшево под Москвой Дзержинский сам принял непосредственное участие в организации коммуны для бывших беспризорников. Мы привезли туда в двух вагонах ребят. Они поначалу перепугались: думали, их повезут в тюрьму. И вот видят светлые комнаты, спальни, классы, учебные мастерские, столовую... Пацаны растерялись. Жмутся друг к дружке, украдкой перешептываются. Дескать, как же все это понимать, а?

— Вот и все, хлопцы, а теперь будем прощаться,— озадачил ребят еще больше Иван Мартынов, возглавлявший нашу группу чекистов.— Мы просим вас беречь все тут и содержать в чистоте. Назначайте дежурных по кухне. Продукты вам будет привозить завхоз, а остальное — ваша забота.

— А как же...— начал было один из ребят и замялся.

— Учителя, мастера? — подсказал я.— Они придут завтра утром.

— Нет,— замотал головой мальчишка.— Кто нас караулить будет? Мы же шпана... Беспризорники!

— Караулить вас никто не собирается,— сказал уже серьезно Мартынов.— Дзержинский вам верит.

— Так это был он? — ахнули мальчишки.

Они видели Феликса Эдмундовича, когда мы рассаживали ребят по вагонам. Дзержинский пришел, чтобы поторопить железнодорожников с отправкой.

— Он,— подтвердил Мартынов и этим окончательно покорил ребят.

Феликс Эдмундович несколько раз приезжал в Болшевскую коммуну. Ребята встречали его радостно и долго не отпускали...

Однажды поздно вечером я сидел в кабинете Ксенофонтова. Вошел радостно возбужденный Дзержинский и, поздоровавшись, стал рассказывать про Болшевскую коммуну.

Сейчас я уже не могу припомнить всего разговора, но осталась в памяти такая деталь: Феликса Эдмундовича очень поразило, что двенадцати- и тринадцатилетние мальчишки здорово разбираются в текущей политике нашего государства, в наших отношениях с другими странами.

— А ведь большинство из них еще не умеют ни читать, ни писать! — воскликнул он.— Представляете, с каким интересом и желанием они взялись за учебу?

Туда, где было особенно тяжело, Центральный Комитет партии направлял Дзержинского. Так было, например, в апреле 1921 года. Железнодорожный транспорт парализован. Две тысячи километров главных дорог выведены из строя, разрушены тысячи больших и малых мостов, большая часть паровозного парка требовала капитального ремонта, в шесть раз возросло количество аварий по сравнению с довоенным годом, бесследно исчезали целые эшелоны с ценными грузами, управленческий аппарат был засорен чуждыми элементами, шел открытый саботаж... За три с половиной года на транспорте сменилось четыре наркома.

«Несмотря на все старания и заботы со стороны Владимира Ильича, несмотря на все совещания и постановления Совнаркома и Совета Труда и Обороны,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— транспорт, то улучшаясь, то ухудшаясь, все-таки все время хромал на обе ноги. Нужны были какие-то чрезвычайные меры для приведения его в полный порядок. Нужен был человек, который обладал бы железной волей, был бы достаточно опытен в админи-

стрировании, авторитетен среди рабочих масс, тверд в проведении всех мер и принятых решений в жизнь, имел бы достаточный опыт в борьбе с саботажем, вредительством и прямым хулиганством, нередко в то время проявлявшимся на линиях железных дорог. Владимир Ильич долго присматривался, кому именно дать особые полномочия по НКПС...

— Немедленно просите Дзержинского приехать ко мне,— сказал Владимир Ильич после одного из очередных скандалов на железных дорогах, когда снова не было выполнено очень важное распоряжение правительства...

Феликс Эдмундович очень быстро приехал из ВЧК.

— Вам придется взяться за наркомство по НКПС,— сказал Владимир Ильич...»

Дзержинский стал наркомом путей сообщения. Сколько бессонных ночей, сколько часов каждодневного напряженного труда! Уже через два месяца после своего назначения он представил обстоятельный доклад Центральному Комитету партии, который был высоко оценен опытными экспертами-хозяйственниками. Феликс Эдмундович не только вскрыл пороки в организации работы железнодорожного транспорта, но и выдвинул программу по его оздоровлению. И все это он делал, не переставая работать в ВЧК.

«В один из голодных кризисов лютой зимы,— вспоминал Г. М. Кржижановский о 1921 годе,— надо было вывезти из необъятной Сибири несколько десятков миллионов пудов хлеба. То была последняя надежда для голодающего центра... Маршалом всего этого «хлебного корнуса»... был назначен Феликс Эдмундович. И с горстью отважных он реализовал это чудо — сибирский хлеб спас нас от трагической развязки...»

Вместе с собой Феликс Эдмундович взял в Сибирь тогда нескольких чекистов. Один из них, Барташевич, был моим приятелем, и я узнал от него о всех делах «хлебной

бригады». Насчитывала она сорок человек — специалисты железнодорожного транспорта, хозяйственные и партийные работники.

После возвращения «хлебной бригады» в Москву у нас состоялось какое-то собрание. Иван Ксенофонтович, сидевший в президиуме, попросил участников ее рассказать о работе чекистов во время этой поездки в Сибирь. Сведения, которые сообщили нам товарищи, дополнили рассказ моего друга.

Из Сибири только недавно изгнали колчаковцев, но многие из них, рассеявшись по таежным просторам, еще не сложили оружия. Они организовывали кулацкие банды, устраивали диверсии. Буквально накануне прибытия поезда Дзержинского в Омск враги подожгли железнодорожные мастерские, взорвали электростанцию. Бандиты пускали под откос эшелоны с зерном.

Чтобы задержать вывозку хлеба, а то и вообще ее сорвать, злоумышленники распустили перед приездом Феликса Эдмундовича слухи, что прибудет он с большим отрядом чекистов, а те ни с кем не станут церемониться. Однако, встретясь с сибиряками, Дзержинский сумел найти такие слова, что не только железнодорожники, но и многие крестьяне, привозившие зерно из деревень, добровольно вызывались грузить его в вагоны. В Новониколаевске, к примеру, колыванские мужики даже ночевать остались, чтобы помочь в погрузке.

— Нет уж, вы, товарищ Дзержинский, скажите Ленину: сами мы этот хлебушко вырастили, сами и в Москву отправили,— говорили они Феликсу Эдмундовичу.

— Мы все поражались: откуда у Дзержинского только силы берутся? — рассказывал Барташевич.— Как он может столько работать? Однажды в поезде на вечернем совещании, которое затянулось до полуночи, я вел протокол. Но не мог преодолеть усталость: глаза слипаются,

голова сама падает на грудь. День был очень маятный. Мы все сильно замерзли, измучились, ведь не то что отдохнуть, присесть хотя бы на несколько минут некогда было. Феликс Эдмундович легонько толкнул меня под бок и положил передо мной узенькую полоску бумаги. На ней было написано... Да вот она, я оставил ее на память.

Барташевич достал из нагрудного кармана гимнастерки блокнот, вынул из него бумажку и прочел:

«Вас, кажется, клонит ко сну. Я думаю, Вы могли бы идти выспаться. Благонравов Вас заменит. Ф. Д.». Сон мой, понятное дело, как рукой сняло,— закончил Барташевич.

Группа, возглавляемая Дзержинским, работала с отчаянной энергией — все были подтянуты, деловиты, строги, не теряли ни одной минуты, все подчинялись железной воле Феликса Эдмундовича. В результате уже в первый месяц погрузка увеличилась почти в четыре раза, а вскоре суточный график отправки хлеба был доведен до 200 вагонов. Все это давалось Дзержинскому дорогой ценой. Сотрудники видели, что он держится на пределе. «Несомненно, что моя работа здесь не благоприятствует здоровью,— писал он из Омска Софье Сигизмундовне.— В зеркале вижу злое, нахмуренное, постаревшее лицо с опухшими глазами. Но если бы меня отозвали раньше, чем я сам мог бы сказать себе, что моя миссия в значительной степени выполнена,— я думаю, что мое здоровье ухудшилось бы».

...После разговора с Иваном Ксенофонтовичем я уже не сомневался, что в ВСНХ меня ждет новое назначение.

В феврале 1923 года я, оставаясь при аппарате секретариата ЦК партии, продолжал работать в ГПУ, а с но-

ября этого же года — в ОГПУ при СНК СССР. На этой работе я оставался до 1933 года, когда из-за тяжелой болезни не смог пройти медкомиссию. К чекистам медицина предъявляла особые требования.

Дзержинский уже многих моих товарищей перетянул в Совет народного хозяйства через партийные органы. Ушли на хозяйственную работу Ференц Патаки и Семен Бирюков.

По дороге в ВСНХ я зашел домой — до двух было еще далеко. Там меня ждал Гавро. Он со дня на день должен был получить назначение и, отвыкнув отдыхать за годы войны, томился от вынужденного ожидания. Вот уж когда наговорился с ним всласть Мате Залка! Когда у него выпадали свободные дни по возвращении из заграничных поездок, они проводили их вместе. Нередко к ним присоединялся Фурманов. Заходил два или три раза Бела Кун, приезжая в Москву по делам Коминтерна.

Когда я рассказал Лайошу о вызове к Дзержинскому, он рывком поднялся со стула, оправил ремень на гимнастерке, взглянул на часы:

— А не махнуть ли нам пока к «красному директору»?

И мы поехали к Семену Бирюкову.

По рекомендации Феликса Эдмундовича Бирюкова назначили директором фабрики искусственного волокна в Мытищах. Это совсем рядом с Москвой, но виделись мы с Семеном теперь очень редко. При встречах он много рассказывал о своих новых обязанностях и о том, как попал в директора. А было это так. Вызвал его Дзержинский и сказал:

— Просили меня подобрать надежного человека на должность директора фабрики искусственного волокна. Я рекомендовал вас.

— Да какой же из меня директор? — изумился Бирюков.

— Никудышный,— согласился Дзержинский.— Но человек вы волевой, с людьми ладить умеете. Справитесь, если за дело по-большевистски возьметесь.

А в райкоме партии добавили:

— Не справитесь, будем расценивать это как невыполнение партийного задания. Покажете себя на фабрике настоящим руководителем — каждый сознательный рабочий станет вашим помощником и другом...

Семен в этом убедился в первые же дни своего директорства, когда с небольшой группой кадровых рабочих осматривал в засыпанных снегом цехах ржавые механизмы и оборудование. Железо с крыши фабрики было сорвано.

— Как вы думаете, товарищи, восстановим? — спросил он неуверенно. Все молчали, пораженные хаосом и запустением.

Один из рабочих прокашлялся и протянул:

— Попробуем! Глаза страшатся, а руки делают.

Другой добавил еще решительнее:

— Не на царицу Марию Федоровну работать начнем (ей фабрика до революции принадлежала.— *З. Д.*), на себя! Так что не робей, старшой!

Должно быть, никак не шло ему на язык слово «директор», а «старшому» было тогда всего лишь двадцать шесть лет...

Всю зиму и всю весну Бирюков дневал и ночевал на фабрике, перейдя на казарменное положение. Его окружала группа таких же энтузиастов, как он сам.

У нового директора богатый послужной список — служба в старой гвардии, штурм Зимнего, гражданская война, ВЧК, работа в секретариате ЦК партии, но так трудно, как сейчас, ему еще никогда не было. Он «принял» фабрику... Но можно ли считать всерьез цехами пустые коробки с голыми кирпичными стенами и слепыми глазницами пробоин вместо окон? Нет оборудования, нет

сырья... И нечем платить рабочим. Да и самих рабочих, по сути, тоже нет, коллектив надо создавать заново. Собрать, сплотить единой целью людей. Фабрика должна работать и давать продукцию! При встречах с рабочими Бирюков настойчиво разъяснял им, что теперь они сами хозяева своей фабрики. А чтобы умело управлять ею, они все вместе — и директор, и старые мастера, и только что вступающие в трудовую жизнь подростки — должны учиться. Учиться тому делу, которое им поручено.

Я знал Семена, как человека требовательного и строгого, с «военной косточкой». Приказание подчиненным он обычно отдавал лишь раз. Но всегда оно было со всех сторон взвешенным. Бойцы знали — повторять Бирюков не любит, объяснений и оправданий не терпит.

А здесь впервые в жизни Семен попросту растерялся. Быть командиром производства оказалось куда сложнее, чем командиром боевого отряда. К чести моего друга, он сразу понял — прежний стиль работы не годится. По-иному надо: строить свои отношения с рабочими не только на доверии, самому у них прежде многому поучиться. А изучать фабричное дело Семену пришлось с самых азов у тех же старых мастеров, которые и составили ядро будущего коллектива.

Многие рабочие, как и Семен, прошли гражданскую войну. С ними ему было легко. Всем сердцем приняли они Советскую власть, разбирались в политике молодого государства. Во всем старались помочь своему директору, трудились, не считаясь ни с временем, ни с материальными лишениями. Но пришли на фабрику и другие люди. На словах они работать вроде бы хотят, а на деле что-то среднее между анархистами и лодырями. С ними пришлось повозиться. И вряд ли что путное получилось бы у Семена, если бы за воспитание не взялись сами рабочие. Понял тогда Семен — начало коллективу положено, и неплохое начало.

Директор, нисколько не смущаясь, учился у своих мастеров. Этим он как бы подчеркивал, сколь велик авторитет мастера.

Кое-кто посчитал за чудо, что Бирюков в короткий срок сумел пустить фабрику. Но мы, близкие его друзья, знали, сколько стоило труда, самоотверженности, бессонных ночей маленькому коллективу рабочих, поверивших в своего молодого директора.

Однажды я встретил Семена на Кузнецком мосту с нашими ребятами — чекистами. Он торопливо поздоровался со мной и спросил, свободен ли я. На дежурство мне было заступать вечером.

— Тогда присоединяйся к нам. Поможешь!

— А вы куда? — спрашиваю.

— На Сухаревку.

— А я думал — на свадьбу! — сказал я, оглядев Семена.

На нем добротный костюм, белая рубашка, галстук, модные штиблеты да еще шляпа...

— Взято напрокат у нашего инженера,— не принял моего шутливого настроения Бирюков.— Я должен сойти за преуспевающего нэпмана с толстым кошельком.

Было это месяца через два, как принял Семен фабрику в плачевном состоянии. Шесть лет она бездействовала, орудовали в ее цехах все, кому не лень. Один старый мастер взялся наладить несколько станков. И вдруг выяснилось, что пустить их никак нельзя. Украдены фильеры, платиновые пластинки, через которые тянут волокно. Купить их можно только за границей. Наш инженер дознался, что фильеры уплыли к одному перекупщику.

Короче говоря, установив личность перекупщика, Семен пришел на Лубянку и попросил помощи у наших ребят. Те связались с бывшими спекулянтами, вставшими на трудовой путь, отобрали из них самых надежных.

И вот сегодня операция по розыску дорогостоящих деталей из платины должна завершиться. Бирюкова представят перекупщику как самостоятельного коммерсанта, интересующегося благородными металлами. Наша задача — не дать уплыть этим самым фильерам, если перекупщик вдруг заподозрит неладное...

Но все обошлось. Бирюков справился с задачей блестяще. Ни у кого не возникало никаких подозрений. Как было условлено с представлявшими «коммерсанта» людьми, весь товар уже находился в лавке. (На задаток Бирюков не поскупился.) И надо было видеть, какими глазами глядел потом на эти детальки Семен, приговаривая: «Вы только подумайте, нашлись фильеры!»

...Директора мы с Гавро разыскали в одном из цехов. Был он в отличном настроении.

— Фабрику твою пришли поглядеть. Веди, похвались.

Разумеется, Семен догадался, что наш визит затеян неспроста, однако не стал допытываться, охотно стал показывать. Фабрика оказалась большим приземистым строением. Стены сложены из добротного кирпича, подоконники — необычайной ширины.

Мы вошли в просторный цех. Вдоль стен в два ряда тянулись станки, над которыми поблескивали тоненькие паутинки вискозы.

Оказывается, фабрика до революции давала в год чистой прибыли 300 тысяч рублей золотом. И на первых же собраниях после того, как заработали станки, коллектив решил выйти как можно скорее к уровню довоенного производства. Через год и восемь месяцев эта цель была уже достигнута.

Затем Семен с гордостью показал нам фабричную столовую, красный уголок, клуб, на дверях которого аршинными буквами на голубом листе фанеры было написано «Ликбез».

— Учимся все,— сказал он.— Да еще с какой охотой!

Это были годы, когда партия выдвинула задачу восстановления народного хозяйства на передовой научной основе. Оно должно стать лучше, организованнее, производительнее старого. А это нельзя было сделать без науки, без образованных работников.

Лучшие силы свои молодое государство посылало на хозяйственный фронт. С особой остротой встал вопрос о подготовке кадров, потому что всюду очень нужны были квалифицированные специалисты. Помимо ликбеза Бирюков на фабрике организовал и производственное обучение. Он показал нам класс, стены которого были увешаны схемами фабричного оборудования, а над ними красовался многоцветный плакат — рабочие в синих спецовках собирают станки. Подпись гласила: «Были солдатами революции, теперь стали солдатами промышленности!»

Не любил Семен Бирюков даже в разговоре с друзьями сетовать на трудности и уж тем более хвалиться своим умением преодолевать их, однако Гавро сумел его разговорить. Рассказал он нам о некоторых своих мытарствах и невзгодах. Правда, с улыбкой, но все равно можно было понять, что несладко ему было на новой должности.

Осмотрев фабрику, мы зашли в контору. Там встретили Веру, жену Семена. Женился он еще на фронте, в 1919 году, на девушке-волжанке, которая прошла с ним всю гражданскую. По неделям не видела Вера мужа, когда Семен пускал фабрику. Терпела-терпела и взбунтовалась: пришла и объявила, что будет работать вместе с ним.

— В общем, оказалась хорошей мне помощницей. Возглавляет женсовет,— заключил Семен.— Ну а теперь выкладывайте, зачем пожаловали...

Узнав, что меня к двум часам вызывает Ф. Э. Дзержинский, Бирюков пообещал подвезти нас на автомобиле. Он еще в гражданскую научился водить машину.

Без пяти минут два захожу в приемную Дзержинского. Секретарь немедленно ведет меня в кабинет.

Я волнуюсь. Хочу доложить по-военному, но Феликс Эдмундович встает и протягивает мне руку. Потом усаживает за стол и сразу переходит к делу. Спросив, когда я заканчиваю рабфак и в какой институт думаю поступать, Дзержинский сказал:

— А пока поработаете в лесном хозяйстве.

Это было так неожиданно.

— Да я в лесу-то почти не бывал! Только в гражданскую немного пришлось, когда в Белоруссии и на Брянщине бандитов вылавливали...

Дзержинский улыбнулся:

— Ваш друг Бирюков тоже не выпускал искусственное волокно, а вот теперь все московские фабрики снабжает вискозой! Мы решили назначить вас председателем ревизионной комиссии по лесной промышленности. Комиссия будет авторитетной, в состав ее войдут видные специалисты и ученые.

Много лет прошло с тех пор. Вспоминаю свои встречи с Дзержинским, перечитываю его речи и дневники, статьи и письма и все больше осознаю, какой это необыкновенный человек. Он любил людей и верил в них. С трогательной заботой относился к своим друзьям и товарищам, родным и близким. Даже и тогда, когда Дзержинский имел дело с врагами Советской власти, он постоянно напоминал о мерах, гарантирующих «величайшую осторожность в арестах и величайшую внимательность при ведении самого дела». А уж если убеждался, что виновные просто заблуждаются, что при соответствующей работе с ними станут честно служить народу, то делал все, чтобы наказание было минимальным.

Вспоминаю такой случай. ОГПУ раскрыло организацию контрреволюционеров, готовящую переворот в стране. Ее члены, среди которых были и инженеры-путейцы,

уже распределили между собой государственные посты. Заговором руководил специалист-железнодорожник, работавший у Феликса Эдмундовича в наркомате. В деле было столько неопровержимых доказательств виновности, что чекисты, направляясь за ордером на арест к Дзержинскому, уже заказали автомашины для доставки арестованных в тюрьму. Каково же было их удивление, когда, ознакомившись с обстоятельствами дела, Феликс Эдмундович сказал:

— Дайте я вызову к себе этих инженеров и поговорю с ними.

— Без охраны? — опешил Иван Мартынов.

— Разумеется.

— Но они же разбегутся!

— Зачем? Поговорим по душам.

И Дзержинский объяснил чекистам, что подобный заговор уже не страшен, обстановка для интервенции самая неподходящая, а без поддержки из-за границы заговорщики бессильны. По недомыслию в это дело втянуты специалисты, которые нам очень нужны. Жаль их терять...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Я уже говорил, что приехал Гавро. Лайоша отозвали из Киева, и он со дня на день должен был получить назначение.

Мы, его друзья, догадывались, что он готовится выполнять какое-то ответственное задание, о котором не следует распространяться, и не расспрашивали ни о чем. В последнее время у нас стал часто бывать Бела Кун. Уединившись, они с Лайошем подолгу о чем-то беседовали.

Бела Кун вернулся в Советскую Россию в 1920 году, летом. После того как при помощи войск Антанты была задушена Венгерская Советская республика и в стране начался террор, Бела Куну и многим другим коммунистам удалось пробраться в Австрию. Но там они были интернированы и помещены в мрачный замок «Карлштейн», неусыпно охраняемый жандармами, затем переведены в больницу для умалишенных.

Под давлением общественного мнения и настойчивых требований Советской России австрийское правительство вынуждено было освободить венгерских коммунистов. Бела Кун с группой товарищей выехал через Германию в Россию. Сопровождали и охраняли их русские большевики во главе с В. Б. Юстусом.

Владимир Богданович рассказывал мне, каким исключительно тяжелым был путь из Австрии в Страну Советов.

В конце июля 1924 года, вернувшись из служебной командировки, прямо с вокзала позвонил нам Мате Зал-

ка и пообещал вечером зайти. А мы тогда отмечали радостное событие: Лайоша Гавро наградили вторым орденом Красного Знамени. Представлен к награде он был еще в 1920 году, но документы где-то блуждали по штабам. В грамоте, которую вручили ему вместе с орденом, говорилось:

«Революционный Военный Совет Республики постановил: воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии, бывшего командира 173-й бригады Гавро Людвига Матвеевича за отличие в бою против врагов социалистического Отечества в 1919 году под Киевом и Новоград-Волынским и в 1920 году на реке Буг у Влодавы наградить знаком ордена «Красное Знамя», символом мировой социалистической революции — вторично».

Вечером в кругу друзей, пришедших поздравить Гавро, появился новый человек, и привел его сам «именинник».

Гость был невысокого роста, в хорошо сшитом костюме, сквозь большие очки озорно лучились умные, проницательные глаза. От всей его ладной фигуры веяло каким-то изяществом, а в самом облике было что-то мальчишеское, хотя по годам он был многим из нас ровесником. Гавро представил его нам. Это был журналист Михаил Кольцов, работавший в «Правде». Он оказался моим соседом, жил в Брюсовском переулке.

Приглядевшись к нему, я вспомнил, что прежде встречал его. Из разговора выяснилось, что Кольцов в самом начале 20-х годов работал в отделе печати Наркоминдела, который находился на Кузнецком мосту. А мне там иногда приходилось бывать по делам.

Лайош же знал Кольцова по Киеву. В девятнадцатом году оба служили в 12-й армии. Гавро командовал полком, Кольцов был корреспондентом газеты «Красная Армия». Он бывал у интернационалистов, писал о них, брал у Гавро интервью. Веселый, неистощимый на выдумку,

Кольцов быстро сходился с людьми. Бойцы и командиры охотно отвечали на все его вопросы.

Гавро рассказывал о нем, но мне поначалу как-то не верилось, что этот вроде бы сугубо штатский человек в боевой обстановке проявлял бесстрашие и храбрость. Однажды Кольцов каким-то образом сумел пробраться в тыл петлюровских частей и пробыл там целый день. На обратном пути написал репортаж «В логове врага», который на другой день и был напечатан в газете. С товарищами он потом делился, что все это время ему было, конечно, не по себе.

Вспоминается еще один эпизод, который нам рассказал Гавро. В Киеве в культпросветотделе Наркомвоена работала милая, но малообразованная девушка. Ей поручено было пересмотреть репертуар для красноармейских самодеятельных театров. Кольцов, зайдя в культпросветотдел, услышал, как сотрудница эта говорила кому-то:

— «Проделки Скапена» Мольера? Не знаю, почему товарищам нравится? Эта пьеса товарища Мольера ничего не говорит революционному зрителю. Ее надо выбросить из репертуара.

Вошедший Кольцов тут же вмешался:

— А вот товарищ Подвойский лично знает товарища Мольера и рекомендует ставить его пьесу...

С Михаилом Кольцовым у меня как-то сразу сложились дружеские отношения.

Он обладал удивительным даром притягивать к себе людей. Кольцов быстро освоился в кругу новых знакомых, и мы были благодарны ему за остроумные шутки и веселые рассказы, так как уже знали, что Гавро уезжал по заданию Коминтерна в одну из западных стран, и в этот теплый июльский вечер мы прощались с ним...

К середине 20-х годов относится мое близкое знакомство с семейством Владимира Богдановича Юстуса.

Это знакомство, собственно, началось еще раньше.

Пришел я как-то к Анне Ильиничне Ульяновой-Елизаровой на Манежную с пакетом. Дверь мне открыл незнакомый темноволосый мальчик лет семи-восьми, плохо говоривший по-русски. Взяв у меня пакет и предложив выпить чаю, Анна Ильинична ушла в свой кабинет. Мы с мальчиком остались в столовой вдвоем. Я спросил, как его звать. Он потупился, помолчал, потом тихо назвал свое имя — Артур. Через несколько минут раздался звонок в дверь. Артур побежал открывать и вернулся с другим мальчиком, тоже темноволосым, постарше. И этого я видел впервые. Познакомились. Опять услышал я непривычное для слуха имя — Лео и обратил внимание, что говорит он тоже с акцентом, как и Артур. Мальчики сидели за столом напротив меня, и я мог их рассмотреть. Братья? Но вроде бы не похожи.

Вышла Анна Ильинична:

— Вы уже познакомились? Это братья Юстус, Лео и Артур, дети нашего земляка, казанца, большевика Владимира Богдановича Юстуса. Не удивляйтесь их акценту. Они русские, но родились за границей. Лео — в Вене, а Артур — в Будапеште. Их родители, спасаясь от царской охранки, многие годы провели в эмиграции, на Родину вернулись из Венгрии.

Несколько раз после этого я встречал ребят на Манежной, а однажды столкнулся с ними на набережной Москвы-реки. Они шли рядом с красивым статным человеком с усами и бородкой. Я припомнил, что видел его несколько раз в ЦК партии.

Лео и Артур тут же подбежали ко мне:

— Здравствуйте!.. Папа, это дядя Захар!

Так я познакомился с другом семьи Ульяновых В. Б. Юстусом, активным участником революционной борьбы в Венгрии. Я благодарен судьбе за то, что встретился с человеком, чья полная героизма жизнь многому меня научила.

Я узнал, как много пришлось пережить семье Юстус, подвергшейся преследованиям за участие в революционном движении Венгрии.

В книге Ирины Кун «Бела Кун» я нашел такие строки: «В Венгрию Юстус попал в 1912 году как политэмигрант и с той поры был связан с рабочим движением Венгрии. Он выучил язык и всячески старался передать свой революционный опыт венгерским рабочим.

Бела Кун говорил о Юстусе всегда с большим уважением...»

Уроженец Казани, города, богатого революционными традициями, Владимир Богданович рано вступил на путь борьбы с царизмом. Он вел жизнь профессионального революционера, был близко знаком с Владимиром Ильичем и его сестрами.

Бакинская большевистская организация избрала Юстуса своим делегатом на V съезд РСДРП. Только спустя два года, когда Юстус уже был выслан за революционную деятельность из Баку в Великий Устюг, жандармы узнали, что имеют дело не с рядовым членом партии. Владимира Богдановича приговорили к пяти годам каторги. Но товарищи устроили ему побег, снабдив необходимыми документами. Ему удалось пробраться за границу, куда вскоре приехала и жена, Анна Григорьевна, тоже отбывавшая ссылку в Великом Устюге за участие в революции 1905 года.

За границей Юстусы переменили несколько городов и наконец обосновались на жительство в Будапеште. Владимир Богданович неоднократно выезжал в Париж, Женеву, Прагу, где встречался с Лениным, выполнял его поручения.

В Будапеште Юстусы сразу наладили связь с русскими и венгерскими революционерами. Владимир Богданович устроился механиком на табачную фабрику и активно включился в работу союза металлистов. Вскоре

он стал заметной фигурой в венгерском рабочем движении.

О тех годах мне много рассказывала участница революционных событий Илона Дучинска, близко знавшая Юстусов. С ней я встречался в Венгрии в Обществе венгеро-советской дружбы. Илона Дучинска вспоминала:

— Маленькая квартирка Юстусов была прибежищем для многих революционеров, эмигрировавших из царской России. Иногда гостей было так много, что хозяйка стелила вдоль стен впритык друг к другу соломенные матрацы. И сами хозяева устраивались на полу. У них уже тогда было двое детей, два мальчика.

Владимир Богданович руководил пропагандистской работой в лагерях русских военнопленных, которые приняли самое горячее участие в революционных событиях в Венгрии. Среди многочисленных гостей Юстусов часто можно было встретить и военнопленных, побеги которых особенно участились в 1917—1918 годах. Их снабжали документами, устраивали на работу, помогали с жильем.

На подъем революционного движения власти ответили репрессиями. Начались повальные обыски. На квартире Юстусов находилась подпольная типография. Вечером Юстусов предупредили, что арестованы товарищи, которые направлялись к ним с типографским шрифтом. Ночью Владимир Богданович с женой перенесли все оборудование типографии на чердак фабрики, где работал Юстус. Вернулись домой в четыре часа утра. Через час постучали в дверь. Обыск! Жандармы ничего не нашли, однако хозяина дома увели с собой. Анна Григорьевна ждала третьего ребенка, но и ее не пощадили. Вызывали на бесконечные допросы даже перед самыми родами. А затем заключили в тюрьму с новорожденной девочкой и сыновьями. И опять допросы, побои. Допрашивали и даже били старшего, Лео, но он на все вопросы отвечал одно: «Не знаю».

Стойкость русского революционера выводила жандармов из себя. Они стали устраивать жестокие эксперименты. Идет по тюремному коридору на очередной допрос мать с детьми, месячная дочка на руках, а навстречу им ведут отца. Сыновья бросаются к нему, их оттаскивают. Или вдруг открывается камера, в которой находится Владимир Богданович. Дети с криком «папа» бегут к нему. Охранники грубо отрывают ребятишек от потрясенного отца... Но даже эти изуверства не могли заставить В. Б. Юстуса выдать своих товарищей.

Весть о том, что под натиском народных масс рухнула и развалилась Австро-Венгерская монархия, семья Юстус встретила в тюрьме. В Венгрии была провозглашена буржуазная республика, правительство которой не спешило выпустить из тюрьмы семью русского революционера.

За Юстусов вступились соотечественники, бывшие военнопленные, работавшие на предприятиях Будапешта. Они избрали Совет русских солдатских депутатов, который направил делегацию к новому правительству. Только после этого семья Юстус была освобождена.

Владимир Богданович сразу же восстановил связи с товарищами и окунулся в революционную борьбу.

В те дни был сформирован знаменитый Русский батальон, который в апреле 1919 года вступил в бой с войсками королевской Румынии, преградив им путь в районе Тиссы.

Русские интернационалисты участвовали во всех главных сражениях, которые вела венгерская Красная армия. Но силы были слишком неравны. Когда 1 августа 1919 года пала Венгерская Советская республика, началась кровавая расправа над побежденными. Многие революционеры ушли в подполье. Скрывался и Юстус. За его голову была обещана большая сумма. Жандармам казалось, что семья что-то знает о нем. Крохотная квартирка Юстусов была взята под особое наблюдение. Опять начались бес-

конечные вызовы в полицию и допросы. А в это время венгерские друзья хлопотали перед властями о выезде семьи русского революционера на родину. Анна Григорьевна вместе с детьми вернулась в Москву в конце лета 1920 года.

Самого же Владимира Богдановича в эти страшные дни реакции в Венгрии арестовали, он едва не погиб. Его вместе с группой солдат Русского батальона прогнали сквозь строй жандармов, жестоко избили. Палачам показалось, что Юстус мертв. Его бросили в яму на тюремном дворе. Ночью трупы вывезли за город и сбросили в овраг, чтобы потом засыпать землей. Но до утра Владимир Богданович пришел в себя и, собрав силы, дополз до ближайшей деревни. Там его спрятал кузнец, помог залечить раны и вскоре переправил к австрийской границе.

Наутро перед захоронением жандармы пересчитали трупы замученных узников и обнаружили, что одного не хватает. Исчезнувшего Юстуса заочно приговорили к расстрелу.

Чудом избежав смерти, Владимир Богданович вместе с другими интернационалистами в конце концов добрался до Москвы.

Сестры Ульяновы радушно встретили Юстусов, своих старых знакомых, приняли живейшее участие в устройстве их дел. Временно семье выделили комнатку на Садово-Каретной. Анна Ильинична приехала посмотреть на это жилье — удобств никаких. У Анны Григорьевны здоровье было подорвано. Ей нужны лечение, длительный отдых. Анна Ильинична решительно потребовала, чтобы до тех пор, пока не сыщут семье нормальную квартиру, мать с детьми жила у нее.

— Отдохнете у меня, подлечитесь,— говорила она.— Да и ребятам от меня ближе к школе.

Позже, поселившись в одном из Златоустинских переулков, братья Юстусы любили приходить в гости к тете

Ане. Я часто бывал у Юстусов. Мы с Владимиром Богдановичем оба были тогда депутатами Моссовета.

Хорошо помню, как весной 1926 года я встретил его с сыновьями в Александровском саду.

— Вот гуляем перед разлукой,— сказал Владимир Богданович.— Завтра уезжаю в Рязанскую губернию. Получил назначение директором чугунолитейного завода. Семья пока останется в Москве, ребятам надо школу заканчивать.

— Мы приедем в каникулы, обязательно приедем,— закричал Артур.— Там речка, Ока, купаться будем...

Туда, в маленький поселок Лашму, расположенный в пятидесяти километрах от железной дороги, вместе с Владимиром Богдановичем поехал приемный сын Анны Ильиничны — Георгий Лозгачев-Елизаров. В тот год ему исполнилось двадцать лет. Он окончил специальные курсы и полтора года работал на чугунолитейном заводе техником-нормировщиком. Юноша и там постоянно чувствовал материнскую заботу Анны Ильиничны. В семейном архиве Юстусов хранятся письма А. И. Ульяновой-Елизаровой, адресованные в Лашму Владимиру Богдановичу. В одном из них, датированном 5 ноября 1926 года, она пишет: «Как работает Гора и насколько Вы работой и вообще им довольны? Я очень бы хотела получить Ваш вполне откровенный, конечно, отзыв о нем... Он высказывает хорошие намерения читать и заниматься и по заводской специальности и по политическим наукам.

Насколько лишь намерения эти претворятся в действие?

Послала ему часть книг, которые он просил; пошлю с охотой какие еще нужны, лишь был бы от них толк...»

За короткий срок «красный директор» В. Б. Юстус добился больших перемен на маленьком заводе, проложил рельсовый путь от берега Оки к цехам: руда стала быстрее поступать к доменным печам. Подобно многим

бойцам ленинской гвардии, В. Б. Юстус, отважный и стойкий революционер, стал умелым хозяйственным работником.

В своих воспоминаниях Г. Я. Лозгачев-Елизаров впоследствии писал, что начало трудового пути под руководством такого человека, каким был Владимир Богданович, дало сильный положительный заряд всей его дальнейшей жизни. Директор был добрым, но требовательным наставником юноши, руководил его учебой, расширял круг интересов. Он не прощал оплошностей и промахов своему подопечному: считал, что, пройдя великолепную школу воспитания у сестер Владимира Ильича, Гора должен быть примером своим товарищам в Лашме и в то же время учиться у них многому.

Последний раз мы виделись с Владимиром Богдановичем весной 1929 года. Я был приглашен на празднование его пятидесятилетия, но был очень занят в тот день по депутатским делам и забежал к Юстусам лишь поздним вечером. Думал, поздравлю и уйду, а засиделся чуть не до утра.

Лео показал мне подаренную в тот вечер венгерским писателем Бела Иллешем его книгу «Тисса горит». В ней рассказывалось о революции в Венгрии, о тех событиях, что были пережиты и семьей Юстус.

Бывшие в тот вечер у Юстусов командиры и бойцы Русского батальона, до последнего часа защищавшего Венгерскую Советскую республику,— Владимир Урасов, Кирилл Коваленко, Иосиф Крупин, Лев Табачников, Михаил Швартин уже успели познакомиться с новой книгой Иллеша. Обсуждали ее, спорили с автором, вспоминали подробности боев, участниками которых были сами, и очень сожалели, что не обо всем и не обо всех, кто достоин, рассказал писатель. Вмешался Мате Залка, сказав, что законы жанра и рамки художественного произведения не позволяют писателю вместить весь имеющийся

в его распоряжении материал — всегда остается много неиспользованного, хотя порой до слез жаль выбрасывать какой-либо эпизод.

Много говорили в тот вечер Бела Кун, Ференц Мюнних и другие о событиях 1919 года в Венгрии. Может, оттого, что на столе лежала книга, а на ее обложке волнующие слова «Тисса горит». Болью отозвались они в сердце каждого.

Было уже за два часа ночи, а гости все сидели за столом. Мате Залка, обращаясь к Бела Иллешу, воскликнул:

— Здесь столько интересного было рассказано, что хватит на несколько повестей. Под Тиссой русские жизни своей не жалеют, прикрывая отход венгерской дивизии, а в России годом раньше такое же задание добровольно вызвался выполнить взвод венгров.

И разговор перешел на события в Дагестане в годы гражданской войны. Мате Залка стал рассказывать о том, как два взвода из отряда Лайоша Гавро — русский и венгерский — прикрывали отход частей Красной Армии из Порт-Петровска. Как старались белые сломить этот заслон, но ничего у них не получилось. Арьергард держался стойко, не дрогнул, отбил все атаки. Тогда в тылу у него с английского корабля высадился десант. У красноармейцев кончились снаряды и патроны. Все, как один, выставив штыки, в полный рост пошли навстречу врагу. Кто-то запел «Интернационал». Его дружно подхватила вся цепь — по-русски и по-венгерски. Все приняли смерть, в плен не сдались.

Много лет спустя, работая над рукописью своих воспоминаний, я разыскал сообщение об этом эпизоде, опубликованное 12 октября 1918 года в венгерской газете, выходившей в революционной России. В нем говорилось:

«Товарищи, возвращающиеся из г. Петровска Дагестанского округа, рассказывают о героической смерти

80 венгров — коммунистов, интернационалистов, бывших военнопленных. Командующий контрреволюционными отрядами, окружающими Петровск, атаман Бичерахов в своем ультиматуме, призывающем к сдаче города, кроме выдачи находящихся там комиссаров-большевиков требовал также и выдачи петровских коммунистов-интернационалистов. Это отличие интернационалисты заслужили в глазах английских наемников не без причины.

Когда интернационалисты — в основном пулеметчики и артиллеристы — прибыли в Петровск... они прекрасно организовали военную технику петровских отрядов.

Все их любили... Они крепко и мужественно боролись против белогвардейских предателей. Интернационалисты не один раз отбивали нападения контрреволюционеров... обращая наемников в бегство...

Но грязные предатели послали на помощь английскому наемнику Бичерахову пароход «Карс». Артиллерийский и пулеметный огонь, открытый с парохода, расстроил левый фланг советских войск... И этим судьба Петровска была решена.

Несмотря на то что их было мало, венгерские товарищи сражались, как львы... Контрреволюционеры жестоко отплатили интернационалистам... В своей злобе эта банда не оставила в живых ни одного венгра».

Я с волнением привожу этот документ времен гражданской войны. Хочу, чтобы он через пласты времени донес до сегодняшних читателей глубину и чистоту помыслов венгерских интернационалистов, добровольно принявших смерть за нашу свободу.

Братья Юстус как-то незаметно выросли за эти годы. Владимир Богданович, вернувшись в Москву из Лашмы,

был очень занят, работал, не щадя себя, почти не отдыхал. Часто выезжал в губернии, малые города, поселки, где требовалось срочно что-то наладить, кого-то подтолкнуть, заменить. Дома его видели редко. И конечно, до детей руки не доходили. Анна Григорьевна часто хворала.

Беда в семью Юстусов пришла неожиданно. Утром, как обычно, Владимир Богданович собрался и уехал на службу, хотя чувствовал себя несколько дней неважно. Но отдыхать было не в его правилах, дела — прежде всего. Его натруженное сердце не выдержало, и он скоропостижно скончался.

В «Правде» от 6 марта 1930 года была напечатана статья А. И. Ульяновой-Елизаровой, посвященная памяти пламенного коммуниста В. Б. Юстуса. В ней есть такие строки: «Он был выдающимся организатором: с его распоряжениями считались и в то же время его любили и уважали... Принимая совсем маленькие, захудалые заводики, он оставлял их уже выросшими в 2,5—3 раза,— так было с заводом по сооружению текстильных машин на Покровке или с чугунолитейным в глухом углу Рязанской губ. Когда В. Б. (Владимир Богданович.— *З. Д.*) дело налаживал, Металлургический трест, в котором он работал, переводил его на другой завод, который предстояло еще организовать...

Последнее время т. Юстус работал в тресте «Энергострой». И тут на него опять была возложена работа по организации нового дела...

Он смело брал на себя всякие трудности, он полагался на свое здоровье, на свои силы».

Венгерские коммунисты посвятили памяти В. Б. Юстуса статью в своем журнале «Шарло эш калапач» («Серп и молот»): «Умер наш товарищ Владимир Юстус,— говорилось в ней,— активный борец российского и венгерского пролетариата, настоящий революционер... Он

был одним из основателей и активным борцом венгерского коммунистического движения, а во время пролетарской диктатуры являлся главным организатором и политическим уполномоченным русских частей... Память о нем нам будет дорога рядом с именами Тибора Самуэли, Отто Корвина, Евгения Ласло и других героев».

Пережить горе семье Юстусов помогли сестры Владимира Ильича: Анна Григорьевна, Лео и Артур попрежнему часто бывали па Манежной.

Как многие мальчишки 30-х годов, Артур грезил авиацией. Анна Ильинична знала об этом, однако посоветовала ему после окончания школы получить для начала рабочую профессию и поработать на производстве. «Это только поможет тебе приблизить мечту,— говорила она.— Летчику надо хорошо знать технику... Летное дело от тебя не уйдет». Анна Ильинична следовала своему не раз проверенному на практике педагогическому принципу: «Через труд в жизнь!»

Артур окончил ФЗУ, стал работать токарем на московском заводе «Мосэлектрик» и был очень рад, что так складно все у него получилось. В свободное время занимался в планерной школе аэроклуба. Увлекался парашютным спортом, научился водить самолет. Успешно закончив авиационное училище, он получил назначение в Новочеркасск. Из Новочеркасска шли письма в Москву, на Манежную, а из Москвы аккуратно поступали ответы. Во время отпуска Артур сказал Анне Ильиничне, что хочет вступить в партию. Долго беседовали они в тот день. Анна Ильинична рассказывала, каким убежденным ленинцем был отец Артура, говорила, что если он твердо решил стать коммунистом, то должен во всем походить на Владимира Богдановича.

Рекомендации в партию Артуру дали А. И. Ульянова-Елизарова и В. А. Урасов, старый друг отца, член партии с 1906 года. Третья рекомендация была от ком-

сомольской организации завода «Мосэлектрик», где Артур раньше работал.

Вся дальнейшая жизнь А. В. Юстуса была связана с авиацией. Он храбро воевал во время Великой Отечественной войны, а затем жил в Ленинграде. Выйдя в запас, продолжал по-прежнему трудиться.

Долгие годы работы в Обществе советско-венгерской дружбы связывали меня с братьями Юстус. До сих пор сохранилась дружба с Лео Владимировичем. Но последние наши встречи бывают грустными. Мы скорбим о недавно ушедшем из жизни его младшем брате Артуре Владимировиче.

Как завещание людям остались его книги «Самое дорогое» и «Уроки Анны Ильиничны».

Большое влияние оказали сестры Владимира Ильича и на формирование характера Лео Юстуса.

По их совету Лео также получил рабочую специальность, был на заводе токарем, электриком. Затем, закончив среднее спецучилище, работал референтом Марии Ильиничны, выполнял ее поручения в Комиссии Советского Контроля при СНК. Потом Лео Владимирович Юстус несколько лет был комендантом и заведовал Домом-музеем «Горки Ленинские». Знакомый тихий дом с тенистым садом, где он бывал с отцом в гостях у В. И. Ленина, теперь стал местом его работы.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Новый, 1926 год мы встречали у Фурманова. Среди гостей были чапаевцы — Хлебников, Кутяков... Пришли писатели — Мате Залка и Всеволод Иванов, а также университетские друзья Фурманова.

Хозяин дома задавал тон всему празднику. И конечно же Дмитрий Андреевич читал свои любимые стихи русских поэтов, знал он их на память очень много.

А через два с половиной месяца Фурманова не стало.

Умер Дмитрий Андреевич 15 марта на руках у Залки, который последние часы не отходил от постели больного.

— Это как разрыв тяжелого снаряда, угодившего прямо в наш командный пункт! — ошеломленно повторял Залка, первым сообщивший нам горестную весть.

Все были потрясены, потому что болезнь Дмитрия Андреевича — грипп — не воспринимали всерьез. Так же относился к ней и сам Фурманов. Последние два года жизни он возглавлял Московскую ассоциацию пролетарских писателей, и работы у него было более чем достаточно.

Он слег, когда не в силах был держаться на ногах.

Через несколько дней мы читали в «Правде» строки, написанные Михаилом Кольцовым: «Вчера тревожно говорили — Фурманов опасно заболел. Не верилось, что есть настоящая опасность... Сегодня сказали прямо и неумолимо: он умирает. Не хотелось верить...

Фурманов был надеждой, едва ли не самой твердой и радостной надеждой в молодой пролетарской литературе. Что может быть больнее лишиться надежды!»

Газеты печатали статьи о творчестве и жизненном пути писателя, поступали телеграммы со словами соболезнования. Вот одна из них: «Старые бойцы-чапаевцы с глубоким прискорбием узнали о безвременной кончине Дмитрия Андреевича и отмечают, что в его лице потеряли большого друга, комиссара и писателя. Дмитрий Андреевич не только большевистским пламенным словом воодушевлял бойцов, он воодушевлял их личной храбростью, поднимая в атаки. Мы видели его с винтовкой в руках в самые тяжелые моменты боев на Уральском и Восточном фронтах, на Кубани».

Тяжелым выдался 1926 год. Утраты следовали одна за другой.

Вечером 20 июля мне позвонили товарищи из ОГПУ и попросили срочно прийти. Еще на лестнице я почувствовал — беда! Она была на лицах всех встретившихся мне сотрудников: умер Дзержинский!

И сразу словно тупая игла вошла мне в сердце. Товарищи говорят мне что-то, но из всего запомнилось лишь одно слово «сгорел». Сгорел на работе. Я стоял и думал — мы были моложе его и крепче и то не могли без отдыха. А он — мог.

От нечеловеческой нагрузки организм сдавал. Врачи настоятельно требовали, чтобы Феликс Эдмундович ограничил рабочий день четырьмя часами. А Дзержинский все работал...

Весть о смерти Дзержинского всколыхнула весь мир. «Даже буржуазия, несмотря на всю свою ненависть к Дзержинскому, признает его абсолютную неподкупность и искренность»,— писала в эти дни газета французских коммунистов «Юманите».

Выступая на Красной площади, Г. И. Петровский сказал, что если нужно было бы изобразить революцию со всей ее решительностью, если нужно было бы изобразить преданность солдата и гражданина, если

нужно было бы изобразить в революции правдивость, то для этого нужно выбрать образ товарища Дзержинского.

— Ты знаешь, я так расстроен, что не могу идти домой,— сказал мне Ференц Патаки, когда мы покидали Красную площадь.

И мы пошли ко мне, в Брюсовский. Весь вечер говорили о Дзержинском, вспоминали его слова, разные случаи во время нашей службы в ВЧК.

Величайшим тружеником, непоколебимо верившим в победу коммунизма, пламенным революционером-ленинцем был Феликс Эдмундович.

А вскоре мы с горечью узнали о том, что в Болгарии арестовали Гавро.

...В Софийском соборе во время богослужения произошел взрыв. Были в это время в соборе фашисты и их главарь Цанков, но они не пострадали. Полиция буквально через несколько минут после взрыва оцепила все улицы, примыкавшие к соборной площади, начались массовые аресты и расправы. За два-три дня все тюрьмы в стране были переполнены, газеты извергали дикую брань в адрес коммунистов, которые не имели никакого отношения к инциденту.

Лайош Гавро находился в Софии под видом рабочего, немца Франца Бауэра. Товарищи предложили ему на время уехать в провинцию. Он благополучно добрался до Пловдива, но сыщики и там напали на его след и вскоре арестовали. Полиция должна была освободить Франца Бауэра, против которого не нашлось никаких улик. Но начались допросы и пытки. Три следователя сменились, так ничего и не добившись. Через своих товарищей Лайош получил записку, в которой они сообщали, что скоро его освободят.

Но вот «дело» Франца Бауэра принял четвертый следователь.

— С утра у меня было прекрасное настроение,— рассказывал нам Лайош.— Все, думаю, муки мои кончились. И когда открылась дверь камеры, я машинально потянулся за своей сумкой, лежащей на скамье. Но вместо ожидаемого: «Собирайся, с вещами, живо!» надзиратель рявкнул: «На допрос!»

Ведут в другую комнату, не в ту, где меня раньше допрашивали. Переступаю порог и весь сжимаюсь: за столом сидит знакомый человек. Я его сразу узнал, и он меня тоже.

— Вот мы и встретились, товарищ красный командир!

Я видел его в лагере для военнопленных под Астраханью, когда агитировал румын вступать в Красную Армию. Этот же тип вышел вперед и говорит: «Поищите дураков где-нибудь в другом месте! Едва ли сыщется здесь кто-нибудь, чтобы сражаться за чужую землю». Но добровольцы все же нашлись, и набралось их немало...

Начались новые, еще более изощренные пытки. Суд приговорил коммуниста Франца Бауэра к казни через повешение.

В самый последний момент смертный приговор отменили. Лайош Гавро был осужден на двенадцать с половиной лет тюремного заключения. А через год товарищи по партии устроили ему побег из тюрьмы.

В Москву Гавро вернулся летом 1926 года. Через несколько дней он по настоянию врачей уехал в санаторий.

Отдохнувший, загоревший Гавро осенью пришел ко мне и протянул отпечатанную на машинке бумагу — выписку из приказа РВС СССР № 781 за 1926 год. В ней говорилось, что Гавро Л. М. заносится в резерв РККА

с 1 октября 1926 года и откомандировывается для работы в распоряжение Народного комиссариата по иностранным делам СССР.

— Был Людвиг Матвеевич командиром Красной Армии, а стал дипломатом! — шутил он.

Через неделю мы провожали Лайоша в Китай. Он был назначен консулом в город Чугучак. Затем его перевели в город Урумчи управляющим генеральным консульством СССР.

В 1928 году Гавро получает назначение торгпредом в Грецию. Но тут неожиданно в дело вмешался Мате Залка.

— Ты же командир Красной Армии! Боевые ордена носишь на груди,— говорил он Гавро.

— Завтра я сам пойду к кому следует и докажу, что вырастить, подготовить настоящего командира Красной Армии куда сложнее, чем торгового представителя. А этот командир к тому же имеет богатый боевой опыт, две войны прошел!..

Так Гавро, к своей великой радости, оказался на курсах усовершенствования высшего командного состава. Учился он самозабвенно, увлеченно.

Приходит к нему Мате Залка. Гавро сидит за столом и на большом листе ватмана чертит схему боя, обозначает условными знаками батареи противника, движение войск. У них начинается разбор всех перипетий сражения за Кизляр.

Разговор принимает такой бурный характер, что друзья ничего не замечают вокруг. Часа через два, когда их зовут ужинать, разбор давно отгремевшего сражения все еще не окончен.

— Твои интернационалисты сражались за торжество социализма,— горячился Мате.— Поэтому каждый из них дрался с таким геройством. Каждый боец троих стоил. Ты это тоже учитывай...

...Большой компанией мы идем в Театр Революции (теперь Театр имени Маяковского.— *З. Д.*) по приглашению его директора — Мате Залки. Было это летом 1926 года.

Шел спектакль «Купите револьвер» — сатира на нравы буржуазной Европы. После представления мы направились в фойе театра, здесь и увидели директора, шедшего нам навстречу с Бела Иллешем.

Оказывается, мы попали на премьеру его пьесы. Много слов было сказано в тот вечер и о молодом авторе, и о планах театрального коллектива, и о новом зрителе, который, по мнению Залки, должен активно влиять на репертуар. Мате сказал, что сам собирается писать для театра и стал читать отдельные сцены из своей будущей пьесы «Гвардейцы», посвященной роли личности и масс в революции.

Залка с головой окунулся в театральную жизнь. Он был новатором по духу. Создал в театре художественно-политический совет, в работе которого приняли участие представители заводов, профсоюзов, интеллигенции. Он шел на эксперименты, приглашал молодых одаренных режиссеров и драматургов, словом, делал все, чтобы помочь театральному коллективу раскрыть в своих спектаклях важнейшие проблемы новой социалистической действительности, показать сложную борьбу двух миров.

Залка открыл при театре мастерскую-студию, которая набирала способных молодых людей и готовила из них актеров для нового театра. Многие из бывших учеников этой мастерской, пройдя большую творческую школу, стали известными мастерами сцены, и я уверен, они хранят в своей памяти воспоминания об удивительном директоре — Мате Залке, который всегда был готов прийти им на помощь.

Мате Залка был одним из организаторов литературного объединения Красной Армии и Флота — ЛОКАФ и

принимал самое активное участие в его работе. Большую радость доставляло ему открывать таланты среди красноармейцев.

— Сегодня мы едем на литературный вечер,— решительно объявил он как-то нам с Ференцем Патаки.— И никаких разговоров! Бойцы будут читать нам свои стихи.

Я был уже студентом Московского химико-технологического института. Меня выбрали там членом партийного бюро. Свободного времени — в обрез. Ссылаясь на занятость, я отказался, но Мате и слышать ничего не хотел, увез нас с собой.

Лето только начиналось, красноармейцы обживали палаточный лагерь, раскинувшийся на берегу Пахры. Дни стояли солнечные, жаркие. Нас накормили гречневой кашей с салом и привели к поляне, заставленной длинными скамьями. Там нас уже ждали красноармейцы.

— Я прочту вам свой новый рассказ «Бессмертие»,— сказал Залка.

Красноармейцы — молодые ребята, в годы огневые были еще мальчишками, но о боях знали не понаслышке: детство их опалила война. Слушали Мате внимательно.

...Полк красноармейцев-интернационалистов окружен белыми. Весь день шли напряженные бои, однако все попытки вырваться из кольца закончились неудачей. И вот легла ночь. Осенняя, темная, она может стать последней в жизни двух тысяч красноармейцев, среди которых много раненых. Красноармейцы измотаны непрерывными боями, у них мало боеприпасов.

Командир полка принимает решение: по найденному разведчиками броду скрытно переправить на ту сторону реки Ирпень небольшой десант, который ударит по мосту с тыла. В это время начнет штурм лучший батальон, усиленный огневыми средствами...

Голос Мате Залки в тишине звучит четко и по-командирски властно. «Таким тоном он отдавал боевые приказы»,— думаю я. Красноармейцы слушают затаив дыхание.

...Дорогой ценой прорвал кольцо белых интернациональный полк, погибли лучшие красноармейцы. Умер от ран комиссар. А как он мечтал «хоть одним глазом взглянуть на социализм»!

Дочитал рассказ Мате Залка. Несколько секунд стояла тишина. Потом раздались аплодисменты.

Обстоятельно, профессионально анализировал Мате произведения свои и других авторов. Ведь перед ним были не просто любители литературы, а молодые авторы, пробующие свои силы в стихах и прозе, активные военкоры газет.

Нет, не пожалел я, что, отложив дела, поехал с ним к красноармейцам.

Залка вообще часто бывал в воинских частях.

— Завтра уезжаю на маневры! — объявлял он нам радостно.

Возвращался в Москву помолодевшим, взбудораженным и дня два-три ходил в военной форме. Уволившись в запас, Мате все равно чувствовал себя в строю.

Особенно любил он ездить в дивизию, которой стал командовать Гавро.

Стояли погожие августовские дни 1932 года. Гавро пригласил меня провести несколько дней в его военном городке, расположенном в сосновом лесу на берегу озера. Приехал я в субботу после полудня. Лайош поселил меня в брезентовой палатке, где жил и сам. В его командирском домике гостил Залка с семьей.

— Мне кажется, что это были самые счастливые дни в жизни моих родителей,— вспоминает дочь Мате Залки Наталья.— Всем нам там очень нравилось. Домик командира дивизии стоял в живописном месте, прямо на бере-

гу. Отец очень увлеченно и много работал, а мы с мамой старались ему не мешать. Но мама поставила одно условие: выходные дни должны принадлежать нам целиком и полностью!

Конечно, выполнить это условие отцу удавалось не всегда. В воскресенье у красноармейцев проводились спортивные соревнования, встречи с революционерами, участниками гражданской войны, с рабочими и колхозниками. Отец не мог не ходить на них. Встанем мы в воскресное утро пораньше, заглянем в его комнату, а он уже в военной форме. Значит, наша прогулка в лес за ягодами или по грибы откладывается... Отец уверял нас, что ему достаточно просто присутствовать на военных учениях и он уже получал новый творческий заряд.

...В этот день я увидел Залку на учениях конников. Один из красноармейцев недостаточно хорошо взял препятствие. Мате, стоявший рядом с Гавро и со мной, сказал:

— Не чисто выполнено, да и на лошади плохо держится.

По окончании учения Залка приказал подать ему лошадь и поднять препятствие повыше. К радости красноармейцев, он брал его несколько раз подряд.

Любовь к лошадям у Залки — с детства. Он вырос в краю, где конь был в большом почете, а настоящим мужчиной считался тот, кто отлично справлялся с ним.

В воскресенье утром, за завтраком, Залка стал рассказывать о работе над романом «Кометы возвращаются», а потом предложил послушать отрывок из него. По его словам, мы были первыми слушателями, если не считать жену и дочь.

Кто-то из нас спросил, будет ли понятно читателям название романа «Кометы возвращаются»?

— Когда закроют последнюю страницу, поймут,— сказал Мате.

Это была книга об интернационалистах, бывших военнопленных, возвращающихся домой и несших правду о нашей революции по всей Европе.

...Август был урожайным на грибы. Гавро повел нас в молодой ельник, где, по слухам, было много маслят. Мы наткнулись на целую россыпь... Мате и Лайош приотстали немного, а потом и вовсе оторвались от нас. Сели на поваленное дерево и о чем-то оживленно беседовали. Залка делал пометки в блокноте. Набрав полные корзины, мы подошли к ним. Оказалось, что Залка просил Гавро еще раз рассказать, как был арестован в Астрахани штаб мятежников во главе с «генералом» Маркевичем. Этот эпизод из биографии Гавро почти без изменений вошел в роман «Кометы возвращаются».

Закрыв блокнот, Залка сказал:

— Вчера был в журнале «Молодая гвардия» и получил «добро» на мои «Кометы»... Читала Анна Караваева. По ее мнению, роман получился, но некоторые главы еще требуют серьезной доработки. Особенно те, где описаны киевские и астраханские события. Я это и сам чувствую.

Много лет спустя довелось мне прочесть заметки писательницы за 1932 год. Вот что пишет Караваева о романе «Кометы возвращаются»: «...мне сразу понравился образ старого кавалериста дяди Жиги и командира Гары. Даже в черновой редакции, несмотря на кое-какие шероховатости, можно было считать эти образы особенно удавшимися».

Первая часть романа была опубликована в нескольких номерах журнала «Молодая гвардия» за 1932 год. В одном из них было напечатано начало романа Николая Островского «Как закалялась сталь». А незадолго до этого Михаил Кольцов опубликовал в «Правде» очерк «Мужество», в котором рассказал миллионам читателей о героической биографии и литературном подвиге Николая Островского.

Залка познакомился с Островским сначала заочно. Они стали переписываться.

— Какой это замечательный человек,— сказал однажды Мате, читая письмо Островского.

«С такими ребятами и умирать не страшно!» — говорил о Залке Островский.

Николай Островский переехал в Москву, и Залка хлопотал об устройстве ему квартиры на улице Горького. Этим летом он часто хотя бы ненадолго забегал к своему новому другу, собрату по перу, к тому же буденовцу. Сколько раз мы слышали от него:

— Был у Николая Островского. Настоящий партиец!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Студенческая пора памятна мне не только интенсивной учебой, но и высоким накалом общественной жизни. Время было словно сжато до предела и мчалось стремительно, но мы столько всего успевали сделать за день! От этих лет осталось ощущение света и радости.

Все мы, окончившие Московский химико-технологический институт имени Менделеева на рубеже 30-х годов, всю жизнь с признательностью вспоминали наших преподавателей: доктора химических наук Ивана Платоновича Лосева, профессора Ивана Александровича Тищенко, известного специалиста по сахарному производству Павла Васильевича Головина и других ученых. Благодаря им многие из моих однокашников стали известными специалистами и учеными. Это А. В. Топчиев, Н. М. Жаворонков, К. Ф. Жигач, С. В. Кафтанов, П. М. Рещиков и другие.

Большая дружба связывала меня с Иваном Ильичом Шецко, членом партии с ноября 1917 года, крупным специалистом сахарного производства. Судьбы наши были в чем-то схожи. Сын железнодорожного рабочего, он принимал активное участие в революционных событиях в Курской губернии. Ему посчастливилось быть делегатом исторического III съезда РКСМ и VIII Всероссийского съезда Советов.

Я поступил в институт, когда Иван уже учился на третьем курсе. Его отличали удивительная отзывчивость, готовность прийти на помощь любому, кто в ней нуждался. Не раз он помогал мне, и не только в учебе.

Иван Ильич с отличием закончил институт, уже через два года получил звание доцента и вел в институте кафедру сахарного производства.

Мы были очень дружны всю жизнь, часто встречались и вспоминали о днях нашей молодости. Нам было что вспомнить. Ведь мы — ровесники века. А век — слишком мало для вечности, но много для человека.

— Вас ждут заводы и стройки,— говорили нам с первых дней учебы.— Воспитывайте в себе широту и смелость взгляда, уже в скором времени вам предстоит большая хозяйственная работа.

После института я был назначен заместителем начальника строительства Угрешского химкомбината, который предстояло возвести под Москвой.

Справлюсь ли с порученным делом? Хватит ли сил и знаний? Я ночи не спал, раздумывая о заботах, которые теперь легли на мои плечи.

Утешало и радовало одно: начальник стройки — мой старый боевой друг Семен Бирюков. Судьба вновь свела нас вместе. У Семена солидный производственный стаж. Фабрику искусственного волокна он вывел в число передовых предприятий.

Поехали мы с Бирюковым смотреть место, где встанет новый комбинат. Перед нами расстилалась пустошь, заросшая хилым кустарником. Одним боком она примыкала к болоту.

— Да-а! Местечко! — невесело протянул я, оглядываясь по сторонам.

Начались напряженные дни строительства. Много лет минуло с той поры, много строек я начинал вот так же, с нуля, и до конца доводил, но эта первая моя стройка на всю жизнь запомнилась во всех подробностях.

Еще в октябре 1920 года В. И. Ленин произнес на III Всероссийском съезде РКСМ свою знаменитую речь, которой была определена программа нашей жизни на многие годы.

«Задача состоит в том, чтобы учиться». Эти ленинские слова были у всех на устах.

Задача хозяйственного возрождения страны, восстановления промышленности и земледелия на научной основе требовала подготовки новых кадров, образованных, знающих дело людей. Нужно было создать свою интеллигенцию главным образом из рабочих и крестьян, сменивших винтовки на учебники и тетрадки.

Учеба коммунизму для многих из нас началась с обучения простой грамоте — в революцию мы пришли кто от станка, кто от сохи. Непривычно и трудно было учиться, но мы, овладевая знаниями, не переставали работать. Знания помогали нам усваивать передовые методы труда.

Но не все, конечно, можно было постигнуть в стенах вуза. Самым сложным для меня, когда я пришел па стройку, оказалось умение управлять людьми. Не командовать, а именно управлять. Работы на стройке только развертывались. Еще не было сплоченного коллектива, хотя Семен Бирюков сумел подобрать опытных бригадиров и звеньевых. Машин и механизмов у нас было мало, все почти делали вручную. Главное, что требовалось от рабочего,— это крепкие мускулы, выносливость. Строительные площадки напоминали муравейник. И все же рабочих не хватало. Приходили люди из разных мест, требовавшие особого подхода,— их не только надо было учить работать, соблюдать производственную дисциплину, но — что порой оказывалось труднее всего — организовывать быт.

Большинство жило в общежитиях — деревянных бараках, построенных наспех. По плану их должны были сменить многоэтажные кирпичные дома с отдельными квартирами. А пока жили тесно, но весело и шумно. Де-

ревенские парни, вырвавшиеся из-под опеки родителей, порвавшие с укладом сельской жизни, где работа находилась в любое время суток, после смены вдруг обнаруживали, что деть им себя некуда. Появлялась гармошка, начинались пляски с частушками. После затянувшихся вечеров случались и прогулы. Стоило провинившегося отчитать как следует, как он тут же писал заявление об уходе. Строек вокруг много, и везде нужны рабочие руки. Текучка выбивала нас из заданного ритма.

По мере комплектования стройки новой техникой появились у нас специалисты из числа передовых рабочих, окончивших рабфаки, а затем техникумы, вузы. Они-то и пришли нам на помощь, энергично внедряли передовые формы труда.

Шефом нашего комбината была Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (ОКДВА), которой командовал легендарный полководец гражданской войны В. К. Блюхер. Обстановка на Дальнем Востоке была напряженной, японская военщина не скрывала своих агрессивных планов по отношению к Советскому Союзу. Хозяйничая в Маньчжурии и Китае, японские милитаристы то и дело провоцировали конфликты на советской границе.

Шефство красноармейцев-дальневосточников над строительством комбината было по-настоящему деловым. Мы обращались к ним за помощью, если у нас возникали серьезные трудности, и получали эту помощь незамедлительно. Часто приезжали на стройку делегации красноармейцев, рассказывали строителям о Дальнем Востоке и своей службе. А потом брали в руки лопаты или топоры и отправлялись на участки, находившиеся в прорыве. Работа кипела!

Большой радостью был для нас день, когда к нам прибыла первая группа демобилизованных воинов с Дальнего Востока, среди них члены партии, комсомольцы, люди,

прошедшие армейскую школу. Они быстро овладели строительными профессиями и стали нам надежной опорой во всем.

Помню, на митинге один из молодых командиров, ставший впоследствии лучшим бригадиром, сказал: «Мы ушли в запас, но не думаем мирно отдыхать, а будем застрельщиками социалистического соревнования, ударниками, такими, как воспитала нас Красная Армия».

Среди бойцов и младших командиров ОКДВА развернулось патриотическое движение — сотни их после демобилизации изъявили желание работать у нас. И многие действительно влились в ряды строителей комбината, выросли на стройке, стали бригадирами, звеньевыми, прекрасными воспитателями молодежи, успешно вели партийную и комсомольскую работу.

Нам сразу стало легче, и дела на стройке пошли успешнее. Я по-прежнему многому учился у Бирюкова.

— Захар, кто у тебя цементировал отряд в бою? — спросил Семен у меня в первые дни работы и сам же ответил: — Командир отделения, вот кто. А на стройке и на производстве низовое звено твое — бригада. Руководит ею бригадир. Вот на него и опирайся в первую очередь. Ты должен знать, что он за человек, как живет, к чему стремится и что о тебе думает. Верит он в тебя как руководителя или нет? Если не верит, заставь своими делами поверить. А наладить контакт с бригадирами помогут тебе парторг и профорг. Приучи, убеди их начинать рабочий день с обхода строительной площадки. Во всяком случае, теперь, когда работа только развертывается...

В первые же недели мы организовали соревнование участков, смен, бригад. Каждый день подводились итоги. И все знали о победителях. Их чествовали, принимая досрочно сделанную работу, о них писала наша многотиражка и стенгазеты, имена и фотографии их красо-

вались на Досках почета. А премии всегда вручались торжественно, под духовой оркестр.

Лодырей пробирали на планерках и летучках, высмеивали в «живой газете». Была у нас широко распространена тогда эта форма критики: высмеивать недостатки на сцене, сгущая, разумеется, краски. И так, бывало, «продернут» нерадивых, что тем на другой день совестно людям в глаза глядеть.

Семена Бирюкова на строительной площадке можно было видеть с утра до вечера. Меня поражала его способность чувствовать, где он необходим, куда следует заглянуть, что надо проверить, кому помочь, кого подтолкнуть.

По просьбе комсомольцев комбината командование ОКДВА договорилось с Наркоматом обороны о том, чтобы наша молодежь служила на Дальнем Востоке. Это было большой честью, и ребята старались подготовиться к службе — получить значок ГТО, овладеть специальностями, которые могут пригодиться в Красной Армии.

Всем нам запомнились встречи с В. К. Блюхером. Немало пришлось мне поволноваться в его первый приезд к нам на комбинат. День встречи начался с ЧП. Еще месяца за полтора мы знали, когда приедет Василий Константинович. На стройке развернулось соревнование за почетное право рапортовать командарму о наших успехах и встретить его на вокзале. Вот тут-то и «занесло» наших передовиков...

Впереди шла бригада каменщиков Кости Говорухина. Толковые были ребята, и все как на подбор одногодки. Пришли к нам из ФЗО, работали отлично. Осенью им в армию идти, а Блюхера мы ждали в первых числах июня. Тогда ребята и решили лично при встрече договориться с командармом, чтобы затребовал он их обязательно на

Дальний Восток, но сначала послал в танковую школу. Они при МТС уже курсы трактористов закончили.

И надо же было случиться, чтобы в последние дни поставщики задержали отгрузку нам кирпича. А бригада бетонщиков раствор получала без перебоев. Показатели у нее были тоже высокие. Бетонщики шли вплотную за каменщиками, наступая им на пятки.

Невмоготу Косте Говорухину сидеть на стройплощадке сложа руки, побрел со своими парнями к Москве-реке ждать баржу с кирпичом.

Вечером показалась баржа, но не та. Шла она на другую стройку.

«Наше дело важнее!» — рассудили ребята.

Сейчас уж не припомню, каким образом сумели они подманить чужую баржу к причалу. Подошла она к берегу и была взята на абордаж: кирпич наши каменщики в момент выгрузили.

Приезжаю утром на стройку, меня встречает удрученный Бирюков и рассказывает о случившемся.

Я вызвал всю бригаду. Впереди топчется Костя Говорухин — огромного роста парень.

— Ребята не виноваты. Я это дело затеял. Я же бригадир, как им не подчиниться?.. Одного меня наказывайте.

А вид у Кости самый что ни на есть разнесчастный: какая уж теперь танковая школа, Дальний Восток!

Встречала Блюхера бригада бетонщиков. С большим вниманием слушали мы речь Василия Константиновича на митинге. Он сразу же покорил нас своей простотой. До сих пор цел у меня номер многотиражки, в котором рассказывается о приезде Блюхера, приводится текст его выступления. Вместе с командармом прибыла к нам очередная группа демобилизованных. Обращаясь к ним, Блюхер сказал:

— Бойцы! При охране границ вы показали героизм и преданность Коммунистической партии и Советской

власти. Уходя из армии в долгосрочный отпуск, будьте такими же стойкими борцами за дело процветания нашей Родины...

Вопрос с кирпичами, «позаимствованными» у соседней стройки, разумеется, встал со всей остротой: хозяева баржи пожаловались на нас в Московский комитет партии. Блюхеру мы рассказали о происшествии в первый же день его приезда.

— А ну-ка давайте сюда ваших партизан,— сказал он.

И вот парни понуро входят в кабинет, заранее сняв кепки. Бригадир разволновался до того, что линялая голубенькая футболка со шнурочком у ворота прилипла к тугим плечам. Большие, сильные руки парня в цементном растворе. Не зная, куда девать их, неловко прячет за спину.

— Здравствуйте, товарищи каменщики, — говорит Блюхер.

В ответ раздается вразнобой:

— Здравствуйте, товарищ командарм...

— Вот гляжу я сейчас на вас и думаю: что бы я сказал красноармейцам, которые самовольно захватили бы ну, скажем, патроны или снаряды, предназначавшиеся другой воинской части?

Василий Константинович умолкает и, как бы обдумывая свой ответ, смотрит на парней. Те не знают, куда деваться от стыда. А я переживаю за ребят. Ведь это же наши передовики! В том, что произошло, и вина руководства немалая. Василий Константинович умолчал об этом, но мы вчера на объединенном заседании партбюро и профкома сделали для себя соответствующие выводы.

— Кто бригадир? — спрашивает вдруг Блюхер.

— Я, товарищ командарм,— вытянулся Костя Говорухин.

— А как бы вы поступили с красноармейцами, будь на моем месте?

Вопрос неожиданный, но Костя — парень не промах.

— А в какое время это случилось? В мирное или в военное? — тотчас спросил он.

— В военное,— ответил Блюхер.

— Я бы отправил всех этих красноармейцев в обоз,— решительно сказал Костя.— Лишил бы их почетного права участвовать в бою.

Ответ явно понравился Василию Константиновичу, он даже чуть заметно улыбнулся уголками рта:

— Наказание суровое, спору нет. Но вы сами его выбрали...— Не договорив, Василий Константинович повернулся ко мне: — Товарищ Дымов, давайте переведем всю эту «гвардию» в подсобники. Не возражаете? Посмотрим, как они будут себя вести. Испытательный срок им дадим...

Блюхер сделал паузу, прикидывая в уме, какой же срок назначить. В кабинете стояла такая тишина, что слышно было, как ветерок шелестел легкой шторкой.

— Месяц,— подсказал я, видя, что гроза миновала.

Блюхер кивнул в знак согласия.

Перед отъездом на Дальний Восток он заехал к нам попрощаться, побывал на всех строящихся объектах. Очень хотел увидеться с провинившимися, но они работали в этот день во вторую смену.

Я сказал, что ребята трудятся отлично. Заменила их на кладке стен новая бригада, созданная в основном из подсобников. Мы укрепили ее опытными каменщиками за счет других бригад. Но те парни, что самовольно разгрузили чужую баржу,— настоящие мастера своего дела. Новая бригада пока не может достичь их показателей. И чтобы это не отразилось на ходе строительства, провинившиеся брали мастерки, поднимались на леса и становились инструкторами — учили подсобников. И так каждый день. Каждый день полтора-два часа дополнительно работают. Не уходят с лесов, пока сменная выработка не

сравняется с той, которую они выполняли, ни одной из бригад ее не удалось перекрыть.

— А ведь молодцы! — воскликнул Блюхер.

Как-то в выходной день у нас должны были проходить легкоатлетические соревнования. Неподалеку от комбината мы уже построили свой небольшой стадион. Узнав о нашем спортивном празднике, Василий Константинович, несмотря на свою занятость, все же приехал.

Как обрадовались все, когда увидели Блюхера у судейского столика! Пожалуй, я не преувеличу, если скажу, что присутствие его весьма ощутимо сказалось и па спортивных показателях. Особенно старались допризывники, решив блеснуть перед командармом силой и ловкостью.

— Замечательные ребята! — похвалил их Василий Константинович.— Ничем не уступают физкультурникам, которых воспитала наша армия.

Он и вручал награды победителям. Но прежде командарм обратился к физкультурникам с кратким приветственным словом.

— Вижу, люди вы волевые, упрямые, настойчивые,— сказал он, улыбаясь.— Я расскажу о вас бойцам и командирам нашей Особой Дальневосточной Краснознаменной! Будем рады принять вас в наши ряды.

Через год мы рапортовали стране и шефам: сдаем комбинат досрочно. Вместо положенных по плану четырех с половиной лет мы уложились в три года!

Последние два студенческих года и несколько лет после окончания института я как депутат входил в Центральную секцию рабоче-крестьянской инспекции Моссовета. На всех заводах, фабриках, в учреждениях столицы находились члены нашей секции (около тысячи человек), активисты из числа передовых рабочих, инженеров, техников.

Мы постоянно выезжали на предприятия и в учреждения. Контролируя деятельность хозяйственных организаций, широко привлекали к этому делу самих сотрудников проверяемого коллектива. Непримиримую борьбу инспекция вела с бюрократизмом в управленческом аппарате.

В ту пору некоторые руководители еще работали по старинке, недооценивали инициативу масс, боялись экспериментов, всего нового, что могло нарушить привычный ход дела, хотя и обещало большую выгоду предприятию.

Рабоче-крестьянская инспекция не только вскрывала недостатки, допущенные нерадивыми работниками, но и старалась исправить их, помогала находить пути повышения производительности труда, качества выпускаемой продукции. Однако борьба с бракоделами не могла быть успешной, пока хозяйствование велось рутинным методом.

В конце 20 — начале 30-х годов закладывался фундамент социалистической экономики. Начали строиться Магнитка, Кузнецк и Уралмаш, автозаводы в Москве и Горьком, тракторные в Сталинграде, Харькове, Челябинске... Сотни новых заводов возводились в разных концах обширной территории страны.

Развернулась великая борьба за строительство тяжелой промышленности, и возглавил ее человек неукротимой энергии Григорий Константинович Орджоникидзе. Он взялся за дело со свойственным ему воодушевлением и многое сделал для создания нового стиля хозяйственного руководства. Он не терпел бумажных методов управления, не увлекался пространными приказами, длинными докладами. Григорий Константинович любил сам бывать на строительных площадках, заводах, в цехах. Он предпочитал живое общение с людьми, внимательно выслушивал их, быстро ориентировался в обстановке и ценил инициативу.

Этот стиль быстро перенимали его сотрудники, иначе работать в Наркомтяжпроме было нельзя.

С Орджоникидзе мне приходилось встречаться и по делам РКИ. С 1926 года он руководил также и рабоче-крестьянской инспекцией.

По предложению Г. К. Орджоникидзе ЦК партии принял решение организовать Центральное бюро по качеству продукции при коллегии Наркомтяжпрома. Руководить им поручили члену партии с 1903 года Давиду Самуэлевичу Бейке. Меня назначили его заместителем.

Сын латышского батрака — Д. С. Бейка был яркой, одаренной натурой. Он обладал богатым опытом революционной борьбы, активно участвовал в деятельности Коминтерна. В работе себя не жалел и нас, своих сотрудников, учил бескомпромиссности, смелости и полной самоотдаче.

В конце 20-х годов легкая промышленность отставала и многие предметы ширпотреба производились только в промысловых кооперациях. Бейка, бывший в то время председателем Совета Всероссийского союза промысловой кооперации, должен был организовывать и координировать деятельность множества промысловых организаций страны. За короткий срок он создал стройную систему

руководства кооперативами, и за годы первой пятилетки промысловая кооперация увеличила выпуск продукции в четыре раза. Опыт Бейки очень помогал нам, его сотрудникам, работающим в Наркомтяжпроме.

Качество наших машин и изделий в ту пору оставляло желать лучшего. На заводах шли в брак тонны металла, а хозяйственники между тем просили наркомат увеличить лимиты, жаловались, что без дополнительных фондов не смогут выполнить план.

Работа нашего бюро была многогранной. Мало изобличить и наказать бракоделов — надо вскрыть причины брака, найти пути устранения недостатков в производственном процессе, выявить в коллективе людей, способных овладеть новыми эффективными методами труда и стать примером для других. Мы боролись за лучшее использование рабочей силы, заводского оборудования и производственных площадей.

Все это требовало оперативности, внимательного подхода к каждому конкретному делу — нельзя было рубить сплеча. Приходилось долго и кропотливо работать с людьми, искать с ними контакт, объяснять, убеждать, доказывать.

Работники Центрального бюро постоянно выезжали на предприятия по жалобам или актам технического контроля. И где бы мы ни бывали, у нас сразу же появлялись добровольные помощники.

В причинах брака разбирались на местах. На заводах устраивались выездные сессии нашего бюро. У меня сохранилась листовка, выпущенная партколлективом, завкомом и комитетом комсомола харьковского завода «Велоударник», где я проводил такую сессию. В ней участвовали кроме сотрудников Центрального бюро представители завода и партийной печати Харькова. В листовке рабочим предлагалось сообща обсудить, почему еще выпускаются велосипеды с дефектами, разобраться в причинах завод-

ского брака. На сессии говорили принципиально и откровенно, немало вносилось деловых предложений. По той страстности, с какой выступали люди, чувствовалось, что критика и самокритика дадут хорошие результаты.

Польза от выездной сессии Центрального бюро была несомненная. В ходе заседания родилось предложение создать на заводе «изотовские» бригады (по методу знаменитого донецкого забойщика Никиты Изотова) по овладению новой техникой. Рабочие тут же в зале стали записываться в эти бригады.

В июне 1933 года должна была состояться первая Всесоюзная конференция по вопросам качества товаров широкого потребления.

— В ближайшее время мы должны выявить все лучшее и худшее тоже,— сказал Д. С. Бейка.— Нужно показать хорошую продукцию, чтобы она стала образцом для отстающих предприятий.

Начались поиски. Немало товаров нашлось на местных заводах и фабриках, а некоторые решили привезти из-за границы: в Москву были доставлены образцы велосипедов, швейных машин, посуды, мебели. И вот в Центральном парке культуры и отдыха открылась необычная выставка. В первом павильоне образцы заграничные. Во втором — лучшие отечественные изделия. В третьем — бракованные. Пусть смотрят и сравнивают. И думают, как изжить брак.

Рядом с новенькими тракторами, сеялками, велосипедами и прочими изделиями — стенды, рассказывающие о коллективах, добившихся высокого качества продукции и производительности труда. Мы пригласили передовых рабочих, которые, выступая перед делегатами, делились опытом. Представителям предприятий, выпускающих бракованную продукцию, было крайне неудобно. И все же, преодолев смущение и неловкость, они шли к тем, кто привез отличные машины и механизмы, и в товарищеском

разговоре сопоставляли условия труда у себя и у соседей, пытались разобраться в причинах допускаемого брака.

На конференции широко обсуждались результаты выставки, представители предприятий говорили о роли общественности в борьбе за качество. Общественный контроль должен стать главным обвинителем бракоделов и халтурщиков.

И вот на фабриках и заводах начались необычные судебные процессы. Обвинителями на них выступали сами рабочие, а ответчиками — виновники брака. В одном из протоколов такого общественного суда говорилось: «Нет и не может быть объективных причин. Каждая причина имеет свое название, за каждой скрывается лодырь, головотяп, тунеядец, растяпа, прогульщик, краснобай, бюрократ, который тайком выдает брак, если трудящиеся завода недостаточно бдительны».

Народу на такие товарищеские суды над бракоделами собиралось столько, что в залах не хватало мест. Заседание товарищеского суда назначалось обязательно на вечерние часы, о нем оповещали специальные листовки, местная печать, радио. Повсюду расклеивались объявления. На общественном суде фигурировали и «вещественные доказательства» — изделия, а в роли судей выступали покупатели.

Однажды приехали мы в Подольск на завод швейных машин. На перроне к нам подошла пожилая женщина и спросила дорогу на тот же завод. В одной руке у нее была швейная машинка, а в другой — кошелка с едой, к кошелке привязан чайник. Наш товарищ помог женщине донести машинку до автобусной остановки и поинтересовался:

— Не работает?

— А с чего ей работать? Бракованная! — бросила сердито женщина.

Она рассказала, что приехала из Забайкалья. А снаря-

дили ее в дальнюю дорогу жители всего села, потому что купленные ими машинки оказались с большими дефектами. Земляки поручили ей добиться, чтобы завод послал в село наладчика с запасными деталями.

— А если не пошлют? — спросил я.

— Как это «не пошлют»? — возмутилась женщина.— Да я до самого Калинина дойду!

Мы сказали ей, что как раз за тем и приехали в Подольск, чтобы строго наказать виновников, и просим ее нам помочь.

Женщина согласилась. Не составило труда найти людей, готовых принять участие в комиссии по проверке продукции завода в самом Подольске и в соседних деревнях.

Легко представить, насколько дотошной была эта комиссия. Особенно горячо выступала наша знакомая из Забайкалья.

— Куда же это годится? — гневно вопрошала она.— Работаете — абы с рук сбыть. Какие же вы мастера, если вам все равно, что про вас народ говорит?

Результаты от рейдов бюро по качеству продукции сказывались немедленно. Разве могла не заговорить у людей рабочая гордость? Ведь бракоделов не так уж много, а позор на всех ложится. Настоящий рабочий привык гордиться своим умением, любоваться изготовленной им вещью.

Серго Орджоникидзе любил повторять, что вчера было хорошо, сегодня только удовлетворительно, сносно, а завтра будет уже плохо, завтра устареет!

Я был в составе группы работников Наркомтяжпрома, возглавляемой самим Орджоникидзе, которая проверяла металлургический завод в Донбассе. Серго детально осмотрел доменный цех, ознакомился с результатами выплавки, беседовал с рабочими, инженерами и остался доволен положением дел.

Вышли в рудный двор, и Серго остановился. Никто не мог понять, что же привлекло внимание наркома. Все как на других металлургических заводах — руда идет без задержки, но подача ее производилась вручную.

Орджоникидзе обратился к сопровождающим:

— Почему бы вам, инженерам, не приложить здесь знания, чтобы механизировать рудный двор?

Не уезжая с завода, нарком объявил конкурс на лучший проект. Нашлись люди, которые об этом уже задумывались, потому что на следующий же день было представлено несколько вариантов плана реконструкции. Ознакомившись с ними, Серго заинтересовался предложением инженера Бутенко, вызвал его и попросил подробнее рассказать о проекте.

Бутенко развернул чертежи и начал:

— Каждую домну следует оборудовать наклонным подъемником и автоматическим засыпным устройством новейшей системы, что позволит освободить людей, перевозящих вручную по 60 пудов руды. Эта работа не только тяжела физически, но и вредна для здоровья... Переоборудовав так все печи, рудный двор легко можно перестроить. Все это даст большую экономию и средств, и рабочей силы!

Орджоникидзе внимательно выслушал и приказал:

— Делайте! Делайте немедленно!

Потом обратился ко всем присутствующим:

— Что же вы, товарищи инженеры, до этого раньше не могли дойти? Сколько дельных предложений увидел я сегодня в ваших бумагах! Думать и действовать надо и без нажима наркома...

Он пожелал специалистам расти, открыв перед ними перспективу, увлек их новыми задачами.

Нас, работников Наркомтяжпрома, удивляло, как это Серго знает всех руководителей не только заводов, но даже цехов.

Г. К. Орджоникидзе был неутомимым воспитателем кадров, смело выдвигал молодых, считая, что доверие — эффективная мера воспитания.

Помню, как однажды на заседании коллегии Наркомтяжпрома Г. К. Орджоникидзе спросил очередного выступавшего, какого он мнения о назначении молодых инженеров директорами.

Выступавший сказал, что у директоров есть много забот не инженерных — финансовых, снабженческих, жилищных... И вряд ли молодые инженеры могут с ними справиться...

— А у нас есть опыт! — горячо возразил оратору нарком.— Завенягина назначили директором Магнитогорского завода, и сразу дело там пошло на лад. Бутенко только что назначен на Кузнецкий завод, верю, что и там дело пойдет...

Это была принципиальная линия наркома. Он умело и уверенно подбирал молодые кадры, соответствующие новым условиям и новым задачам растущей индустрии.

Выдвигая молодых, Серго в то же время ратовал за то, чтобы будущие командиры производства знали весь цикл работ — снизу доверху, не боялись никакого дела.

— Вы что думаете,— говорил он по поводу перевода одного инженера в мастера,— стоит только человеку кончить институт, он все умеет? Это не так. Пусть поработает мастером, рабочим, но не выпускайте его из поля зрения! Он вам потом спасибо будет говорить, что инженера из него сделали. А если вы его сразу назначите начальником цеха, а он не потянет, то разочаруется в себе. Человек сломается! А он нам нужен, и он может стать прекрасным специалистом. Но пусть он начнет снизу! Чего стоит тот молодой инженер, который, подойдя к станку, не сможет помочь рабочему?

Из многих прекрасных черт, которыми обладал нарком тяжелой промышленности, мне особенно запомнилось его

отечески внимательное отношение к людям. Самая большая наша ценность, считал он,— это сам человек.

Случалось видеть наркома и суровым, грозным. Серго выходил из себя, когда встречал работников, тормозящих дело,— нерадивых, безответственных, не желающих принимать новые условия и требования.

Как-то на заседании коллегии Орджоникидзе резко критиковал директора крупного металлургического завода. Директор, сидевший рядом со мной, нервничал. И вот через какое-то время ему передали записку от наркома примерно такого содержания: «Чего ты приуныл? Ты ведь должен знать, что я ругаю так только тех, от кого многого жду. Выше голову!»

Горячо поддерживая стахановское движение, Орджоникидзе решительно выступал против того, чтобы стахановцев занимали посторонними делами, отвлекали от работы.

Был такой случай. В 1936 году в наркомат из Горького приехал стахановец Бусыгин «выколачивать» для своего автозавода металл. На другой же день, как только Орджоникидзе узнал об этом, он отправил Бусыгина обратно на завод и рассказал об этом факте на заседании Совета по тяжелой промышленности.

«Его (Бусыгина.— *З. Д.*) заставляют из шести месяцев два месяца бегать по всяким совещаниям. Что он — разъездной агитатор? Кому это нужно? Так можно человека совсем отучить от работы. Другие два месяца он гуляет из-за того, что якобы металла не было. Кстати, это неверно, но если бы даже металла не было, и тогда не надо было товарища Бусыгина посылать за металлом, для этого существуют другие лица и другие органы: заводоуправление, главк, Стальсбыт...»

И еще случай всплыл в моей памяти. Был я в командировке в Красноуральске. Пригласили меня в семью инженера Суровцева и показали патефон. Хозяйка с гордостью сказала: «Подарок Серго Орджоникидзе».

История этого подарка такова. В 1934 году Г. К. Орджоникидзе объезжал заводы Урала. В Красноуральске он обратил внимание на уютный сквер. Ровные ряды молодых деревьев, красивые клумбы цветов, аккуратные дорожки... Серго сел на скамейку и сказал: «Молодцы рабочие, разбили такой прекрасный сквер!» И тут он узнал, что сквер — дело рук всего лишь одной женщины, жены инженера Суровцева — Клавдии. Нарком хотел увидеть ее, сказать спасибо. Но она в то время была в отъезде, гостила у родственников. А когда вернулась домой, в заводоуправлении ей вручили подарок от наркома — патефон с набором пластинок. Надо ли говорить, что потом Клавдия Суровцева старалась как можно больше сделать для своего завода.

Как-то я собрался поехать в подмосковный город на завод, квартальный план которого был под угрозой срыва. Это было в первые дни моей работы в наркомате. Орджоникидзе, подписывая мне командировку, заметил:

— Но кто же едет на завод с такой задачей, как у вас, в первую смену? Вам надо подгадать обязательно во вторую!

— Почему?

— Во второй смене будет легче обнаружить неполадки, увидеть, насколько загружено оборудование, как расходуется электроэнергия... Ведь начальство свою работу закончило, ушло домой. А без него, если производство не налажено как следует, все огрехи и вылезут...

Не только работа под непосредственным руководством Орджоникидзе, но и встречи с ним, его выступления оставляли глубокий след в душах людей, активно влияли на формирование их нравственных установок.

Г. К. Орджоникидзе ушел из жизни внезапно. Мы знали, что он серьезно болен, перенес тяжелую операцию, но внешне это никак не проявлялось. Сотрудники наркомата видели его всегда жизнерадостным, полным энергии

и замыслов на будущее. Он и всех окружающих заряжал своим оптимизмом. Просто невозможно было, работая с ним, оставаться инертным, безынициативным.

Когда дом на площади Ногина, в котором находился Наркомат тяжелой промышленности, пустел, в кабинете наркома горел свет. Горел он и поздно вечером, и передко даже ночью. Серго работал... Он часто встречал новый день за рабочим столом.

Вот и в ночь с 17 на 18 февраля 1937 года Григорий Константинович находился в своем кабинете. Часы пробили второй час ночи... Нарком все еще работал. Он придвинул к себе последнюю сводку о выплавке металла и прочел, что 16 февраля выпуск стали поднялся выше 50 тысяч тонн. Это хорошо!

Вошел помощник наркома, обсудили с ним неотложные дела на завтра, нет, уже на сегодня. Перед тем как уйти домой, нарком, что-то вспомнив, вернулся от двери и размашисто написал в раскрытом рабочем блокноте:

«Газовые месторождения в Дагестане. Йод и бром... Проект приказа».

Но приказ этот он уже не смог подписать. Оборвалась недолгая, но такая яркая, кипучая жизнь.

В стране выплавлялся металл, кипела работа па строительных площадках, где возводились задуманные товарищем Серго заводы, с конвейеров сходили новые автомобили и тракторы. Но самого его с нами уже не было.

В это не верилось, потому что во многих делах продолжала жить страстная, горячая душа Серго. Такие люди не уходят бесследно. Они остаются с народом — в его делах, его памяти, его истории...

Вскоре я был направлен директором на крупный завод, строящийся в Подмосковье. А через два года — новое назначение, к которому имела самое прямое отношение последняя запись, сделанная рукой Орджоникидзе в блокноте: «Газовые месторождения в Дагестане. Йод и бром...»

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1 Мая 1935 года. Радостное, счастливое утро. Красная площадь залита солнцем. Всюду цветы и флаги. Звенят песни и марши. Праздничная столица ждет начала военного парада.

Я увидел на гостевой трибуне Мате Залку и стал пробираться к нему. Он был с женой Верой Ивановной и дочерью Наташей. Девочка нетерпеливо поглядывала на застывших в строю военных.

— А дядя Гавро будет участвовать в параде? — спросила она.

Гавро уже второй год учился в военной академии. Последнее время виделись мы с ним редко. А Мате я встретил дня за три до праздника на площади у Большого театра.

Он раздраженно вертел в руках журнал:

— Понимаешь, Захар, это даже не холостой патрон. Это страшнее! Это — огонь по своим!

Залка развернул журнал, ткнул пальцем в рассказ, которым он открывался, и кратко изложил его содержание. Раненный в разведке красноармеец попадает к фашистам в плен. Допрашивающий его офицер отлучился по вызову начальства. А когда возвратился обратно, то в блиндаже не оказалось ни пленного красноармейца, ни целого взвода солдат, ни тяжелых пулеметов... Открыв глаза обманутым пропагандой солдатам противника, наш разведчик склонил их на свою сторону, потому что они оказались такие же простые рабочие, как и он сам, и увел к себе.

— Вот как все легко и просто делается! — со злостью сказал Залка.— Нам не страшен злой враг! А в Германии уже два года — фашизм!

Я слушал Залку, и мне невольно вспомнилась его «Повесть о вечном мире». Герой этой повести Пауль прошел через ад кровавых боев и газовых атак, прежде чем избавился от дурмана национал-шовинизма. Время действия — первые годы мировой войны, однако такие персонажи, как инженер Барнет и хозяин химического завода, выглядят законченными фашистами. Автор как бы предупреждает читателя: «Будь на чеку! Это звери в человеческом обличье, они способны на все. Борьба с ними будет тяжелой и кровопролитной».

На Красной площади Залка показал мне глазами на группу иностранцев-дипломатов, среди которых выделялся ростом сухопарый человек в форме — военный атташе германского посольства. Он о чем-то оживленно разговаривает со своим соседом, тоже военным, оба улыбаются... Начинается марш частей Московского военного округа.

К трибунам приближались слушатели и преподаватели Военной академии имени М. В. Фрунзе. В первом ряду колонны — заслуженные командиры, участники гражданской войны, и среди них Гавро, по-молодому стройный. На груди поблескивали два ордена Красного Знамени.

На площадь вступила артиллерия. Я опять ловлю взгляд Мате, брошенный в сторону зарубежных гостей. Те с интересом разглядывают нашу военную технику. И интерес этот был далеко не праздный. Нас изучали, прикидывали, сильны ли мы, и выжидали, высчитывали, когда можно нанести удар по нашей мирной, строящей новую жизнь стране...

После парада началась демонстрация трудящихся столицы, которую открыли колонны физкультурников.

— Какими калибрами можно измерить мощь этих молодых сердец! — произнес Мате.

Мы смотрим, как ликует праздничная Москва, как строгими шеренгами идут по Красной площади те, кому в сорок первом придется стать ее защитниками.

Осенью 1936 года, когда Залка уезжал в Испанию, меня не было в Москве, и я очень жалел, что не смог с ним проститься. Лето он провел с семьей на Украине, в селе Белики, в том самом, куда собирался когда-то поехать поработать с Дмитрием Фурмановым. Будущий генерал Лукач лихорадочно писал роман «Добердо». По утрам с тревогой ждал сообщений по радио о событиях в Испании, жадно набрасывался на газеты.

— С того дня, как в июле Мате узнал о мятеже в Испании,— рассказывала Вера Ивановна,— кончилась для нас тихая жизнь. Он стал другим, весь ушел в себя. Даже на прогулках не сразу отвечал, если я спрашивала его о чем-нибудь. Спать стал плохо, нервничал, часто отправлял письма в Москву... Днями, если сообщения в газетах были хорошими, не вставал из-за письменного стола. Я понимала, как он торопился дописать поскорей последние главы. И в один из дней Мате сказал:

— Вера, я должен быть там. Мне надо быть там!

...Все с нетерпением ждали каждой весточки о нем. Веру Ивановну мы замучили телефонными звонками.

В Испании Мате принял девичью фамилию своей матери — Лукач.

Вот строки из писем генерала Лукача:

«Вы же знаете, что я в работу умею уходить с головой, в ту работу, которую я сейчас делаю, сознавая ее полезность и величие, я ушел с головой, с душой и сердцем. Я не могу жаловаться. Есть результаты, есть! И что самое главное: я получаю удовлетворение от того, что мои старые товарищи признали это, оценили и считают, что я не зря тут...»

Письма посылались только с оказией, сообщал о себе Мате намеками. Мало ли что могло случиться с ними по пути в Москву...

«Я здоров и работаю много. Это хорошо. Это я делаю обеими плечами и со всей энергией».

«Надо напрячь все силы, чтобы выбор, павший на меня, не был ошибочен...»

«Сплю, как спал в 1918—1919 годах, держа ухо на земле».

«Отдыхаю мало — из одного боя в другой».

В апреле 1937 года Мате Залке исполнился 41 год. Мы, друзья его, заблаговременно послали поздравительные письма с нашими моряками, ходившими в Испанию, маленькие подарки, фотографии.

«Мало сделано,— отвечал он нам.— Мало успел...» А немного ниже: «Будем жить и побеждать!»

Еще один дорогой мне человек уехал в Испанию — Д. С. Бейка. Там он был членом реввоенсовета, вел большую работу среди интернационалистов, боровшихся за свободу республики.

Однажды позвонил мне его брат Ян, который тоже жил в Москве, работая в Народном комиссариате иностранных дел:

— Давид прислал письмо из Испании, всем шлет привет. В воскресенье друзья собираются у него дома... Ты, наверное, уже знаешь — вышла в русском переводе его книга, хотим поговорить...

Конечно, я слышал, что книга «Мемуары лесного брата» готовится к печати. Д. С. Бейка рассказывал о ней, когда работал над рукописью. Я тут же побежал в книжный магазин, купил ее и стал читать.

Я был знаком с женой Давида Самуэлевича — Александрой Андреевной, его детьми — Гогой и Руной. Мне нравилось бывать в солнечной просторной квартире в доме на набережной Москвы-реки. В этой семье было

какое-то святое отношение к книгам — несколько тысяч их стояло в застекленных шкафах в кабинете хозяина.

...Дверь мне открыл Годварис, или Гога, веселый, подвижный мальчуган. Ян познакомил меня со своей женой Бертой и Паулой Фрейберг, о которой часто рассказывал Давид Самуэлевич. Она была его боевым товарищем, а теперь — самым пристрастным критиком мемуаров, поскольку принимала непосредственное участие в описываемых событиях.

Д. С. Бейка так сказал о них: «В этой книге я написал только то, что сам пережил, чему был свидетелем. Ни один боевой эпизод здесь не выдуман, ни один исторический факт не искажен. Не полагаясь на одну только память, я выверил свои мемуары по материалам архивов».

Признаюсь, когда я читал «Мемуары лесного брата», меня не покидала мысль: какой литературный дар пропадает у моего друга! Книга рассказывала о малоизвестных страницах революционного движения в Латвии.

Паула Фрейберг сказала, что она просто поражена, как можно было все запомнить? Автор точен даже в мелочах. Неужели он тогда вел дневниковые записи? Но никто не видел его с блокнотом и карандашом — не до того было. Значит, все держал в голове?

Да, память у Д. С. Бейки — феноменальная, а знания — энциклопедические.

Поговорили мы о книге. Ян стал читать вслух письмо Д. С. Бейки из Испании. Три страницы, исписанные мелким, убористым почерком, содержали такие яркие картины из жизни Испании, что кто-то сказал:

— Вот увидите, когда он вернется оттуда, родится еще одна книга...

Все, что писалось в те годы об Испании, читалось в первую очередь. Особенно очерки и корреспонденции Михаила Кольцова.

В апреле 1937 года журналист вернулся в Москву. Через несколько дней мы увиделись, и меня поразила его сдержанность, серьезность.

Все заметили в нем перемену. Похудел, на бледном лице — усталость. Он передал нам привет от Мате Залки и весь вечер рассказывал о нем так же восторженно, как и писал.

...Однажды журналисты спросили генерала Лукача:

— Как вы умудряетесь управлять вашими разноязычными батальонами?

— Очень просто! — улыбнулся в ответ генерал.— С моими бойцами и командирами я говорю на языке Октябрьской революции — он понятен всем.

Мате Залка был счастлив еще раз убедиться в великой силе интернационального братства.

Трехмесячные бои под Мадридом, потом Харама, замечательная победа на Гвадалахаре. Интернациональная бригада генерала Лукача становится дивизией.

К этому времени роман Залки «Добердо» приобрел известность, пользовался большим успехом, был переведен на многие языки. Но в дивизии лишь несколько человек, самых близких командиру, знают, что генерал Лукач и Мате Залка — одно и то же лицо.

Интернациональная дивизия отправляется под Уэску. Ей поручено ответственное задание: прорвать фронт мятежников. Мате Залка нисколько не сомневается в успехе. Он хорошо знает своих бойцов и командиров: они не дрогнут. Скоро начнется атака. Но генералу хочется еще раз при утреннем свете осмотреть позиции неприятеля. Выжженная солнцем каменистая степь. Дорога пустынна.

— Проскочим на машине,— говорит Мате, пряча бинокль в чехол.

На этой дороге генерал Лукач погиб.

Но эта тяжелая весть еще не дошла до нас.

Узнав, что Кольцов собирается вновь в Испанию, мы передали с ним письма для Мате Залки.

Михаил Ефимович полетел сначала в Бильбао, а потом в Барселону, где в первый же день узнал о гибели Залки. Письма, подарки от жены и друзей так и остались неврученными.

О том, как испанцы прощались с генералом Лукачем, рассказывал его адъютант А. Эйслер, свидетель тех событий:

«...Раздалась испанская команда, блеснула чья-то сабля, карабинеры взяли на караул. Перед ними дети в белых блузках с пионерскими галстуками держали букеты цветов. Цветы полетели под машину. Сверху почти из каждого дома тоже бросали цветы. Повсюду висели красные и красно-желто-фиолетовые республиканские флаги с длинными черными лентами. Народ на тротуарах и на балконах, подняв кулаки, стоял молча...

На площади, где уже не был слышен оркестр, несколько барабанщиков, высоко вскидывая палки, страшно, как по сердцу, били дробь... Я не стеснялся своих слез и сквозь них видел, как рядом плачет, держась за баранку и вздрагивая худыми плечами, старый, видавший виды шофер санитарной машины с почти черным лицом...»

Похоронили Мате Залку в Валенсии. Тысячи испанцев пришли поклониться ему.

Горестную весть о гибели Мате принес мне Ференц Патаки. Мы долго не зажигали огня: так лучше было разговаривать о нашем друге, думать о нем. Вспомнили, как читал он свой рассказ «На могиле» о гибели австрийца-интернационалиста Карлуши.

Кажется, отчетливо слышу страстные слова Залки, сказанные в тот далекий вечер: «Человек борется и умирает за счастье другого народа. Что может быть выше и и благороднее?!»

В день окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе Лайош Гавро созвал друзей. Из Апрелевки приехал Семен Бирюков. После окончания Промышленной академии он работал там директором фабрики патефонных пластинок. Гавро очень сожалел, что не было Ференца Владиславовича: он находился в дальней командировке.

Среди гостей было много соотечественников Гавро. Я познакомился с супругами Келенами. Это на их квартире в Будапеште Бела Кун проводил организационное собрание, с которого отсчитывается рождение партии венгерских коммунистов.

Йожеф Келен, видный математик и физик, в 1919 году в Венгерской Советской республике стал наркомом по национализации промышленности, а его жене Йолан коммунисты поручили заниматься социальным обеспечением детей. После падения Советской власти в Венгрии Йожеф Келен был схвачен хортистами и брошен в тюрьму. В своем выступлении на суде он сказал в лицо палачам, что победа социализма неизбежна. Приговор суда был суров: пожизненная каторга. Но Йожеф свято верил в свое освобождение. Через два года после его заточения в тюрьму Советское правительство обменяло пленных венгерских офицеров, среди которых были важные персоны, на коммунистов, томившихся в хортистских казематах. Келены приехали в Москву. Йолан стала работать в Наркомпросе вместе с Надеждой Константиновной Крупской, а Йожеф был направлен Центральным Комитетом партии к Кржижановскому, разрабатывавшему тогда план ГОЭЛРО.

Много лет спустя, в начале 70-х годов, я приехал в Будапешт и там в Институте истории партии при ЦК ВСРП неожиданно встретил Йолан Келен. Годы изменили ее, но я все же узнал в худощавой седой женщине прежнюю Йолан.

Она подарила мне две свои книги, вышедшие недавно,— воспоминания участницы революции 1919 года в Венгрии.

Йолан обладала изумительной памятью. Вспомнила она и вечер в доме Гавро.

Тогда Гавро много рассказывал о Дальнем Востоке. Он полюбил наше Приморье и мечтал после окончания академии получить туда назначение. Незадолго до этого он виделся у меня на квартире с В. К. Блюхером. Василий Константинович уже слышал о Гавро от Якира и потому был рад, когда Лайош выразил желание служить на Дальнем Востоке.

— Какой же командарм откажется от боевого командира, прошедшего такую школу, как гражданская война? — сказал он.— Да к тому же еще и закончившего академию имени Фрунзе!

Василий Константинович пообещал через Наркомат обороны затребовать Лайоша к себе и слово свое сдержал.

Блюхера очень беспокоила международная обстановка: пахло порохом на наших границах. Не скрывали своих коварных замыслов фашисты в Германии и в Италии, японские милитаристы вторглись в Китай, а в конце 30-х годов попытались прощупать крепость наших восточных границ, но потерпели сокрушительное поражение у озера Хасан и на реке Халхин-Гол.

Лайоша Гавро мы проводили на Дальний Восток. Его назначили командиром 92-й стрелковой дивизии и комендантом укрепрайона в Приморье. В своих письмах он писал, что очарован здешней природой, но любоваться ее красотами пока некогда — с головой ушел в дела.

Он все время находился в частях и подразделениях. В первые же месяцы Гавро уже хорошо знал своих комбатов, ротных командиров и даже многих красноармейцев.

Однажды к нему подошел покрасневший от волнения солдат и, взяв под козырек, попросил разрешения обратиться:

— Товарищ комдив, я от комсомольцев. Мы просим вас рассказать про писателя Мате Залку, вашего друга...

Просьба была неожиданной.

— А откуда вы знаете, что я был с ним знаком? — спросил Гавро.

Парень широко улыбнулся:

— Так ведь в одном журнале написано: «Прообразом красного командира Виктора Гары послужил герой гражданской войны Людвиг Матвеевич Гавро...»

В Приморье осенью часто гуляет резкий порывистый ветер. С океана он выносит темные тучи. Дождь льет много часов подряд. Один из таких холодных ненастных дней комдив Гавро выбрал для марш-броска, чтобы проверить выносливость и закалку личного состава. Перед полками была поставлена задача: срочно выдвинуться на двадцать километров вперед, преодолев заросшие орешником и дубняком лобастые сопки, и занять круговую оборону.

Командиры полков докладывают о готовности бойцов.

Комдив удовлетворенно смотрит на часы, затем идет проверять огневые позиции. Он доволен: ячейки, окопы и ходы сообщений выкопаны толково, со знанием дела и хорошо замаскированы на склонах сопок: брустверы их точно растворились в ржавых пятнах жухлых листьев низкорослого дубняка, покрывшего здесь все вокруг. Отойди метров на двести и не заметишь. С неба тоже разглядишь не сразу, только разве с небольшой высоты.

Личный состав — алтайцы, забайкальцы, хабаровчане... Закаленный народ. Дождь, ветер, холод — им все нипочем. Сибиряки!..

В 1941 году эти парни погонят гитлеровцев из-под Москвы, освободят Клин, Калинин, потом блокируют

гарнизон фашистов в Великих Луках. Станут гвардейцами. Освободят Белоруссию, Латвию. И закончат войну штурмом Кенигсберга.

Но комдива Людвига Матвеевича Гавро с ними уже не будет...

А в родной его Венгрии, над которой взовьются знамена свободы, газета «Непсабадшаг» напишет о нем в день его 70-летия:

«Когда мы говорим сегодня о венграх — первых солдатах коммунизма и пролетарского интернационализма, творцах венгеро-советской дружбы,— мы среди первых вспоминаем имя Лайоша Гавро». Помнят его и в нашей стране, на его второй родине. В сердцах советских людей вечно будут живы имена таких организаторов и руководителей интернационалистских формирований, как Бела Кун, Лайош Гавро, Кальман Виртель, Лайош Винерман, Тибор Самуэли, и других венгерских товарищей.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Летом 1939 года меня направили в Дагестан, где пришлось принять трест «Даггаз». Моим заместителем стал Ф. В. Патаки.

Трест находился в Дербенте — старинном городке с тихими улочками, стиснутыми глиняными дувалами. Над ними высокие горы, на горе — древняя крепость. А неподалеку от нее в невзрачном домишке, ничем не отличавшемся от других, помещалась наша контора. Было в ней всегда тихо: сотрудники почти постоянно в горах на буровых или на заводах.

Появился в Дагестане горный поселок буровиков. Своим рождением он был обязан газовой скважине. Назвали его «Дагестанские огни». Поначалу все сошлись было на другом названии «Факел Дагестана», но бригадир буровиков, азербайджанец Фридун Алиев, и его парни вдруг запротестовали: «Это же не единственный фонтан газа! Мы откроем еще десятки таких. Сколько огней в Дагестане загорится!»

А теперь это город и значится на всех наших картах.

Удивительные ребята были в бригаде Алиева, настоящие энтузиасты. А в свободное время все увлекались чтением. Многие из них учились заочно. Трудно было поверить, что эти парни из горных азербайджанских селений еще несколько лет назад были неграмотными.

Книги — первое, что бросилось мне в глаза, когда я первый раз зашел к ним в большую брезентовую палатку. Ровными рядками стояли они на самодельной полке, лежали на скамейках, и это было одной из примет вре-

мени. У всех было велико желание учиться, больше знать и уметь.

Давно небольшое газовое месторождение в Дагестане привлекало внимание специалистов. Предполагали, что в этом районе находятся значительные запасы природного газа.

Долго не удавалось найти новое месторождение. В наркомате наш оптимизм не очень-то разделяли. С трудом приходилось добывать оборудование. Оно шло туда, где успех был более вероятен. Теперь вот, спустя полвека, читаю о себе: «...трестом руководил Захар Александрович Дымов... Человек кипучей энергии, Дымов настойчиво добивался расширения поисков газа в Дагестане. Он убеждал работников наркоматов, что в Дагестане можно найти и газ, и йод, и бром. Редко кто мог выдержать бурный натиск З. А. Дымова».

Так писал в журнале «Знамя» бывший начальник Главгазтоппрома Ю. И. Боксерман в 1975 году.

Это взгляд со стороны через много лет. Действительно, я упорно доказывал многим людям в наркомате, что успех близок. Приходилось и отбиваться, опровергать довольно веские доводы в том, что поиски рациональнее прекратить. Ведь перспективность разведочных работ в большинстве случаев угадываешь почти интуитивно, опираясь на опыт. А это малоубедительные аргументы для тех, от кого зависело обеспечение поисковых работ всем необходимым.

Но вот в районе Дузлака ударил мощный газовый фонтан. Нашла газ бригада Фридуна Алиева.

22 июня 1941 года... Спросите любого, кто пережил войну, и он с поразительной точностью опишет вам события этого дня. Я вижу этот день словно в перевернутый бинокль — отдаленно, но очень четко.

В субботу вечером мы с геодезистами выехали в горы, чтобы прикинуть, как лучше провести дорогу к одной из наших буровых, вернее, к тому месту, где она будет стоять. Обследовав местность, мы, к радости своей, неожиданно нашли удачное решение. Дорога получалась значительно короче горной тропы, по которой мы поднимались, и сулила большой выигрыш во времени, экономию нескольких десятков тысяч рублей, отпущенных на строительство.

Думали, что проведем в горах все воскресенье, а управились за четыре часа. Веселые, довольные, спускаемся по тропе к дороге, где нас ждет полуторка. И почти одновременно с нами подходят к ней буровики.

— Война! — крикнул нам Алиев издали.

У меня замерло сердце. Война... Нет, не хотелось верить, что это случилось.

У конторы треста собрались все наши сотрудники. Проводим митинг. Открывает его Ференц Патаки. Проникновенно говорил Ференц Владиславович о высоком моральном духе нашего народа, который не сломить, не покорить:

— Это война особенная, ее нельзя рассматривать только как схватку двух враждующих государств. Это прежде всего испытание социального и нравственного духа двух миров, смертельный поединок между фашизмом и социализмом. Нам будет нелегко, но победим, конечно, мы, и только мы.

Слово берет Алиев. Горячий, вспыльчивый, он теперь старается говорить спокойно.

— Как только мы узнали о вероломном нападении фашистской Германии на нашу Родину, решили всей бригадой пойти в военкомат и сказать: «Дайте нам оружие и отправьте на фронт, туда, где сейчас льется кровь наших братьев». Но всей бригадой мы не можем пойти воевать. Мы ищем газ, и если найдем еще одно месторождение — это большая помощь нашему народному

хозяйству в военное время,— продолжал Алиев.— Бригада может несколько человек послать на фронт без ущерба для нашего дела. Оставшиеся будут работать за своих товарищей...

Буровые бригады объявили себя мобилизованными и единогласно решили перейти на военное положение. На здании конторы появился лозунг: «Наш фронт — газ!»

Вскоре пришел приказ наркомата готовиться к частичной эвакуации. Перед нами была поставлена задача вывезти все ценное оборудование и на новом месте, в Средней Азии, развернуть производство. Демонтаж оборудования надо было провести срочно. А многие наши рабочие уже получили повестки и ушли в армию. Их заменили женщины, подростки.

С фронтов приходили неутешительные вести, в семьях появились «похоронки». Но я не видел у наших людей чувства растерянности, уныния, потому что мы верили в победу.

Наше предприятие обосновалось под Кокандом и в очень короткий срок на базе местных природных ресурсов наладило производство. Устанавливая оборудование, мы тут же по ходу дела меняли технологическую карту и обучали местных рабочих новым для них специальностям.

Оглядываясь назад, в то суровое лихолетье, не могу не сказать об организаторском таланте Ференца Патаки. В немалой степени благодаря ему коллектив смог в столь сжатые сроки выполнить большой объем работы. Патаки сутками не уходил с площадки, где устанавливалось оборудование. Жена его, Наташа, часто приносила ему обед, а иногда и ужин прямо на рабочее место.

Ференц Владиславович — единственный из моих старых друзей-интернационалистов, с которым мне посчастливилось проработать бок о бок несколько лет в мирное время. Жизнь у него сложилась беспокойная, кочевая,

но, на каком бы посту он ни находился, работал с полной отдачей. В 1923 году ЦК партии направил Патаки в Туркестан. Там он работал заместителем директора 1-й Туркестанской государственной текстильной фабрики. Хозяйственная работа увлекла Патаки и, чтобы лучше разбираться в ней, он поступил на экономическое отделение общественного факультета Среднеазиатского университета. А закончил он университетское образование уже в Москве.

В 1925 году его отзывают из Туркестана и назначают председателем ревизионной комиссии по текстильным трестам трех областей: Пензенской, Тамбовской и Ульяновской. Очень скоро он так сумел наладить работу, что через два с половиной месяца его по совместительству назначают председателем ревизионной комиссии нескольких туркменских трестов.

Это было трудное время, когда подорванная экономика страны требовала постоянного контроля партии. Его и призваны были осуществлять ревизионные комиссии. Ф. В. Патаки постоянно в разъездах. В сложной работе ему помогали приобретенные знания экономики, прямота характера, бескомпромиссная взыскательность к нерадивым хозяйственникам. Строгий, дотошный ревизор был грозой для тех, кто стремился ловчить, прикрываться «объективными» причинами, обмануть государство.

В 1927 году, когда ревизионные комиссии были упразднены, Ференца Владиславовича назначили проректором Коммунистического университета трудящихся Востока. В последующие годы он выполнял ряд других ответственных поручений партии на различных участках хозяйственного и культурного строительства, работал в аппарате Центрального Комитета.

Мой друг жил интересно, ярко, работал увлеченно, не жалея сил для нашего общего дела.

Беда обрушилась неожиданно. По чьему-то злому

навету он был снят с работы, исключен из партии. Со своей бедой Ференц Владиславович пришел ко мне.

Я попросил секретаря нашей заводской партийной организации собрать бюро и рассказал товарищам, какой это замечательный человек, Ференц Владиславович Патаки, сколько он сделал для нашей революции, для Советской власти. Сказал, что произошла явная ошибка, в которой, я уверен, разберутся.

— Знаю его с 1920 года и верю как самому себе,— заключил я.

Патаки возглавил на заводе пластмасс имени Баранова, где я был директором, профессиональное обучение молодых рабочих. А когда я получил назначение в Дагестан, Ференц Владиславович тоже поехал туда.

В январе 1942 года, как только была получена первая продукция на эвакуированном предприятии, меня вызвали в Москву. Ференц Владиславович провожал меня, вид у него был расстроенный. Он тяжело переживал, что в такое грозное время находится в тылу. Еще в Дагестане Патаки дважды обращался в военкомат с просьбой отправить его на фронт, но ему отказали из-за возраста и болезни. Однако Патаки считал, что может быть полезным его немалый военный опыт. Он стал писать в Москву.

Наталья Иосифовна хорошо знала характер своего мужа и не пыталась его отговаривать.

Прощаясь с Ференцем Владиславовичем, я пытался утешить его: смотри, мол, я здоров, а ведь тоже получил отказ. Однако Патаки передал со мной еще одно письмо в Наркомат обороны.

Просьбу Ференца Владиславовича я выполнил, говорил о нем в Управлении мобилизации и комплектования Наркомата обороны. Меня заверили, что вопрос о назначении Патаки решится в ближайшее время. В начале лета 1942 года он получил вызов в Москву.

Приехав в столицу, я не узнал города. От домов к проезжей части тянулись противотанковые ежи, витрины магазинов были заложены мешками с песком, на стадионах, в скверах и парках стояли зенитные батареи. «Не отдадим Москву! — призывали плакаты.— Все для фронта, все для победы!»

...Иду я к площади Ногина, и вдруг навстречу деловито шагает Никита Филиппович Зайцев, бывший председатель завкома нашего завода.

Никита в дубленом полушубке, грудь перетянута портупеей, на боку планшетка. А лицо уставшее, запали воспаленные глаза. Обрадованные встречей, мы расцеловались. Накануне я уже звонил на завод и знал, что Зайцев повел на фронт ополченцев. Двести человек записали тогда в ополчение. В основном тех, кто служил в армии или воевал в гражданскую. Желающих было больше, но не останавливать же производство — завод работал на оборону. Никита Филиппович стал комиссаром батальона, защищавшего столицу на наро-фоминском направлении.

Я пригласил его в ближайшую столовую пообедать, а заодно и поговорить. Времени у обоих в обрез, прикинули, что в полчаса уложимся.

Никита снял полушубок, и я увидел у него на груди орден Красного Знамени. Виски у моего товарища совершенно белые, а ведь он еще совсем молод...

В первых числах декабря 1941 года битва за Москву вступила в решающую фазу. Особенно опасное положение сложилось на центральном участке фронта. Рано утром 1 декабря враг нанес мощный танковый удар в направлении Наро-Фоминска и за одни сутки продвинулся на 25 километров, достигнув Апрелевки.

Когда сводка о прорыве дошла до Берлина, поступило распоряжение — оставить в газетах за 2 декабря пустые полосы для сообщений о взятии Москвы.

Защитники столицы знали, что отступать дальше некуда. И они стояли насмерть. В этом чудовищном пекле, где в декабрьские морозы воздух был горяч от смертоносного металла, где наши контратаки следовали одна за другой, и находился Зайцев со своими ополченцами. Им было приказано оборонять кирпичный завод — опорный пункт на правом фланге дивизии.

Это произошло пятнадцать дней спустя после подвига панфиловцев у разъезда Дубосеково. Уже потом стал известен клич, который бросил в критическую минуту боя политрук Клочков: «Отступать некуда — позади Москва!» Тогда у кирпичного завода под Наро-Фоминском, оказавшись в тылу у противника, ополченцы ничего не знали об этом. Но есть глубокая закономерность в том, что комиссар Зайцев произнес слова, смысл которых тот же самый: «Мы отсюда не уйдем — нет для нас позади места на земле...»

Двое суток — 1 и 2 декабря — они вели яростный бой с гитлеровцами, наступавшими на Наро-Фоминск со стороны деревень Горчухино и Елагино. Гитлеровцы атаковывали позиции ополченцев вновь и вновь, но всякий раз откатывались назад. Бойцы не отступили и тогда, когда половина их погибла. Даже когда поняли, что соседние подразделения отошли и они окружены. Оставался ничтожный шанс ночью пробиться к лесу и попытаться соединиться со своими. Но комиссар Зайцев и оставшиеся в живых девятнадцать бойцов решили стоять до конца, отвлекая на себя силы противника. Так они оказались в тылу наступающих фашистов. Немецкое командование послало специальный отряд уничтожить русских. Но и на этот раз, оставив на поляне у завода почти полсотни трупов, не выдержав стойкости ополченцев, гитлеровцы в панике бежали за реку Нару.

В ночь с 3 на 4 декабря ополченцы напали с тыла на три опорных пункта, захваченных накануне противни-

ком,— деревни Афанасьевку, Ивановку и Савеловку. Разгромив в них большие силы гитлеровцев, они к рассвету соединились со своей дивизией. А через два дня наши войска перешли в контрнаступление и выбили врага с берегов Нары...

После войны жители Наро-Фоминска поставили на месте ожесточенных боев обелиск Славы. Из надписи на нем мы узнаем, что в декабре 1941 года 38 бойцов народного ополчения Куйбышевского района Москвы во главе с комиссаром батальона Зайцевым Н. Ф. держали стойкую оборону кирпичного завода.

Никита Филиппович прошел всю войну. Был несколько раз ранен, контужен. Мы с ним дружим до сих пор, часто встречаемся, бывали не раз у обелиска Славы под Наро-Фоминском. Память его и сегодня хранит все подробности боя, который он вел здесь в начале зимы сорок первого.

Мне надлежало явиться к А. В. Хрулеву, заместителю наркома обороны, начальнику Главного управления тыла Красной Армии. В назначенный час я был у него, в кабинете уже находилось человек десять. Одни были в военной форме, другие, как я, в гражданской.

— Вы поступаете в распоряжение командиров инженерных частей и соединений,— начал совещание Хрулев,— враг намерен прорваться к Волге. Сталинградское направление все больше вызывает у нас тревогу и озабоченность. Вот туда мы вас и направляем. Строительство оборонительных сооружений и коммуникаций там идет полным ходом, но людей, как и везде, не хватает, местные товарищи просят помочь им, прислать еще специалистов...

Спустя несколько дней я уже был под Сталинградом. Военная обстановка настоятельно требовала ускорить строительство новых оборонительных сооружений и коммуникаций. Достаточно сказать, что только весной и летом 1942 года были построены важные железнодорожные магистрали, ведущие к Сталинграду.

4 августа 1942 года открылось сквозное движение по линии Кизляр — Астрахань. Эта магистраль связала Кавказ с Рязано-Уральской железной дорогой, а через станцию Урбах — с Центром и Средней Азией. В спешном порядке была построена переправа через Волгу. Для нас, строителей, большим праздником стал день, когда первый состав из шестидесятитонных цистерн с бензином переправился через Волгу и ушел в направлении Сталинградского фронта.

В сентябре 1942 года меня срочно вызвали в штаб стройки с дальнего объекта за Волгой, где я проверял дополнительное укрепление железнодорожного полотна,— дорога работала с такой большой нагрузкой, что металлические конструкции порой не выдерживали, требовался постоянный контроль. В штабе сказали, что получен приказ первым же самолетом отправить меня в Москву.

Через полчаса на старенькой «эмке» я выехал на полевой аэродром. Было холодно. Когда мы подъезжали к летному полю, пошел дождь. Вылет отложили на неопределенное время. Попутчики мои — генерал и какие-то люди в армейских полушубках — собрались в крохотной мазанке, где когда-то зимовали чабаны. В ожидании посадки вели неторопливые разговоры. Худощавый военный стал рассказывать, как расценивает иностранная пресса мужество и стойкость защитников Сталинграда. Запомнились процитированные им слова: «Русский Севастополь держался дольше, чем вся французская армия. Один Сталинград оказывает более упорное и сильное сопротивление, чем вся Европа».

На посадку позвали уже под утро. Насквозь промерзший «дуглас» с заплатами на фюзеляже благополучно доставил нас на Внуковский аэродром столицы. Прямо из диспетчерской я позвонил в ЦК дежурному и доложил, что прибыл. В ответ услышал, что должен тотчас явиться в Государственный Комитет Обороны.

В Комитете мне поручили возглавить строительство газопровода Елшанка — Саратов.

Поиски газа в районе Саратова начались в 1939 году. Инициатором их был профессор Борис Александрович Можаровский. Но поиски поначалу оказались бесплодными, и работу свернули, несмотря на доказательные письма Бориса Александровича в Наркомат нефтяной промышленности и Совнарком. Правда, в самом Саратове остались люди, твердо убежденные в успехе предприя-

тия. Их стараниями и был открыт первый газовый фонтан у деревни Тепловка. Инженер Л. А. Кузнецов и его коллеги составили геологическую карту, на которой после долгих размышлений и споров выбрали многообещающий по всем признакам участок. Война диктовала свои темпы, работали от темна до темна. Осенью 1941 года первую скважину в районе Елшанки заложил геолог И. И. Енгуразов и сразу же попал на газовый слой. Его скважина давала в сутки 800 тысяч кубометров газа. Огромная удача, которая приравнивалась в то время к удару по врагу на фронте. Теперь Саратов с его крупными промышленными предприятиями получит дешевое топливо.

— Мы идем на большой риск,— сказал мне нарком И. К. Седин.— В мирное время никто бы не отважился тянуть газопровод, имея лишь одну продуктивную скважину. Но у нас нет иного выхода.

— Придется одновременно со строительством газопровода вести разведочное бурение,— сказал я.— Будем мы иметь такую возможность?

— В полной мере! — ответил нарком.— Я уже вызвал опытных буровиков из Уфы и Баку. Вышки подбросим вам, как только позволит погода. Сроки сжатые, а объем работ непомерно велик... В Саратове организуется трест «Саратовгаз», вы назначаетесь его управляющим. Так что постарайтесь!

Звонить в наркомат на первых порах мне пришлось чуть ли не каждый день. И просить, и спорить, и доказывать.

Саратовский обком партии объявил строительство газопровода фронтовой стройкой. Каждый житель города должен принять участие в его сооружении. Люди понимали — газ жизненно необходим.

«Наш удар по гитлеровцам! Не отдадим им Волгу!» — прочел я на фанерке, прибитой к телеграфному столбу,

возле которого старшеклассники одной из саратовских школ, получив отведенный им участок трассы, начали прокладывать траншею для газопровода. Тысячи горожан рыли тогда траншеи, помогали сварщикам, монтажникам.

Вся трасса была разбита на участки, закрепленные за коллективами предприятий и учреждений. Работа везде началась одновременно. Холодные осенние дожди превратили почву в вязкую, непроходимую грязь. Затем ранние морозы сковали землю. Ни киркой, ни ломом, ни топором ее не возьмешь. Хоть зубами грызи! Разложить бы по всей трассе сухие поленья да оттаять землю... Но где взять дрова — в степном Поволжье они привозные. Даже в госпиталях учитывалось каждое полено.

Вдобавок ко всему начались бомбежки: гитлеровцы засекли наши буровые. Пришлось еще рыть траншеи для укрытия людей.

Немало трудностей ждало нас впереди. Как выяснилось, в Саратове нет обещанных стальных труб для газопровода, а есть только чугунные. Я немедленно связался с Наркоматом нефтяной промышленности.

Седин стал меня успокаивать, объясняя, что сейчас нет никакой возможности найти стальные трубы. Сталь идет на пушки и танки. Будем надеяться, что ваши чугунки мерзлая земля сожмет, подбетонирует, а к весне мы в Совнаркоме выхлопочем стальные трубы...

Сколько уж лет минуло с той поры, а когда начинаю вспоминать пережитое, вижу перед собой тоненькую бледную девушку-подростка с лопатой в руках. На ней старенькое пальтишко, мужская шапка с кожаным верхом. Большие голубые глаза полны слез. Она старается сдержать их, кусает губы, но слезы сами катятся по щекам. Девушка заметила, что я гляжу на нее и поспешно отвернулась, сдернула рукавички, стала дуть на озябшие пальцы. Я шепнул мастеру, чтобы отпустил ее домой.

— Не пойдет! — сказал он твердо.— И вся бригада не уйдет, пока норму не выполнит. Грунт сегодня попался очень каменистый. А плачет она... У нее отец в госпитале умер от ран.

Что такое шестнадцать километров трассы? Пробить траншею на такое расстояние при современной технике — сущий пустяк. Но нам каждый метр давался с большим трудом. Трубоукладчики шли навстречу друг другу от Елшанки и от Саратовской электростанции. Каждый день мы выпускали специальный бюллетень, в котором сообщалось, что сделано за сутки, как выполняется график работ, кто идет впереди.

Все с нетерпением ожидали результатов бурения второй скважины: а вдруг она ничего нам не даст? И какая была радость, когда ударил второй фонтан! По мощности он превзошел первый. Буровики пробили скважину намного раньше срока, отпущенного им по нормам военного времени.

А 28 октября 1942 года, через полтора месяца после начала строительства газопровода, трубоукладчики встретились на трассе. Елшанский газ пошел на городскую электростанцию.

Во дворе электростанции собрались строители, геологи, жители города. Секретарь обкома партии П. Т. Комаров поздравил всех с выполнением задания Государственного Комитета Обороны.

Почетное право зажечь газ было предоставлено тем, кто шел впереди,— буровикам мастера Пожидаева. Он поднес к трубкам горящий факел. Послышался шум, словно вздох гигантского существа, и мгновенно жаркое газовое пламя охватило всю топку.

...Я всегда с большой теплотой вспоминаю свой первый завод. Оттуда идет счет моему рабочему стажу, там научили меня уважать человека труда, гордиться принадлежностью к рабочему классу.

Моего первого завода нет уже в Саратове. Но каждый завод напоминает мне его. Один небольшой наш заказ был поручен заводу, который, как почти все предприятия Саратова, целиком переключился на выпуск оружия и боеприпасов. Иду я с представителем завода по цеху, где и должен изготовляться наш заказ. И вдруг окликает меня кто-то. Оглянулся. Машет мне рукой высокий, худой старик. Я вернулся, подошел к нему. Положив рашпиль возле тисков, протягивает он мне руку, и я сразу узнаю проницательные голубые глаза и высокий лоб с залысинами.

— Дядя Игнат! — радостно вырывается у меня.

— Он самый! — смеется старик.— Узнал, значит, своего спасителя? — Он оглядывает меня с головы до ног.— Эвон как ты раздался-то! А ведь был тогда такой же, как эти желторотые воробышки...

Вокруг Игнатия Васильевича Широкова усердно шлифовали, скребли, шабрили, пилили, точили детали мальчишки в промасленных форменках ремесленного училища, бросая на меня любопытные взгляды. Старик повернулся и, представляя им меня, сказал, что когда-то, очень давно, тоже меня учил.

Сколько времени прошло со дня нашей последней встречи! Дядя Игнат не только защитил меня тогда от злого мастера, он еще на многое глаза мне раскрыл, свел меня с большевиками.

Слушал я Игната Васильевича, и вставали передо мной картины минувшего. Впервые на заводе я услышал о том, что рабочие сами будут управлять не только заводами, но всей страной. Вспомнил, как собрались мы тогда на первое заседание Совета рабочих депутатов, где выступал Кирилл Плаксин.

Немало старых большевиков, профессиональных революционеров, борцов за рабочее дело мне посчастливилось знать, а то и работать вместе с ними, восхищаться

их кристальной честностью, самоотверженностью и силой воли. Кирилл Иванович Плаксин стоит среди них особо. Ведь он был первым коммунистом, с которым меня свела жизнь.

А однажды встретился мне старый человек с седенькой бородкой, в пенсне и потертом пальтишке с бобровым воротником. Лицо его показалось мне знакомым.

— «Бородино» помните? — обратился он ко мне как к давнему знакомому, поблескивая удивительно живыми, молодыми глазами.— Читали?

И тут я вспомнил, где видел этого человека.

Встретились мы впервые в районе Сталинграда. Над степью показались фашистские самолеты. Мой шофер резко вывернул руль и направил «эмку» в степную балку, по счастью оказавшуюся метрах в двухстах от дороги. Балка была полна народу. В сухом бурьяне испуганно припали к земле женщины и старики. Как я потом узнал, они готовили здесь траншею для бетонной трубы, которая должна была лечь под полотно железной дороги. Собрались как раз пообедать. А дед этот не прятался, сидел в окружении мальчишек из ремесленных училищ.

— Да ешьте вы, не бойтесь! — сказал он женщинам спокойно.— Они другую цель ищут!..

Очевидно, дед пользовался здесь авторитетом, потому что женщины ему поверили, стали садиться, потянулись к алюминиевым мискам с кашей. И мальчишки не прятались,— задрав головы, они глядели в небо и спорили, что за самолеты идут — бомбардировщики или штурмовики.

— А что дальше? — начали тормошить деда, когда самолеты скрылись.— Расскажите.

Дед демонстративно повернулся спиной в сторону ушедших самолетов и продолжил рассказ:

— Кто только не нападал на Русь, но, какой бы тяжелой ни была война, русские всегда одерживали победу,— заключил дед и, поглядев на часы, поднялся. Ребята тоже вскочили все разом.

— Вот оно, наше Бородино! — указал он рукой на дымящийся у горизонта Сталинград.— Отсюда фашисты покатятся до самого Берлина, как французы катились от Москвы.

Я потом узнал, что это бывший учитель — Илья Федорович Приходько. Когда началась война, он обратился с просьбой дать ему какое-нибудь дело по силам. Илье Федоровичу сказали, что дело есть, но очень беспокойное, хлопотливое — быть воспитателем в ремесленном училище.

Одинокий учитель, которому было уже далеко за семьдесят, перебрался в общежитие к «ремеслу» — так сами себя именовали мальчишки — и вскоре стал для них как отец. Его слушались, советовались с ним. Я сам был свидетелем одной сцены. Двое ребят подрались. Илья Федорович, проходя мимо, не остановился, не стал разнимать, а бросил единственную фразу: «Поберегите вашу злость для фашистов!» И этого было достаточно — драчуны виновато опустили глаза и разошлись.

— А ведь я по вашу милость,— сказал он мне тогда в заводоуправлении.— От Игнатия Васильевича я узнал, что вы с Лениным встречались. Не отстану от вас, пока не побеседуете с моими ребятами.

Первым делом Илья Федорович провел меня по цеху, где работали его воспитанники. Я увидел, как гордится он своими мальчишками, радуется их успехам, как переживает их неудачи.

— Глядите! Этот будет большим мастером,— показал он мне на юного токаря, стоявшего у станка на ящике, перевернутом вверх дном,— старательный парнишка! На фронте у него отец и два брата.

— Сколько процентов ты кладешь сегодня на мой пай? — спросил Илья Федорович у другого подростка.

— Тридцать! — радостно ответил тот.

Илья Федорович одобрительно кивнул и подошел к верстаку, за которым рослый ремесленник обрабатывал рашпилем железную болванку, налегая всем телом на инструмент.

— Две детали запорол начисто! — пожаловался он Илье Федоровичу. — Никогда со мной такого не бывало... Норму выполнил, но на ваш пай процентов пять только смогу дать...

— Норма — это полторы нормы, — объяснил мне Илья Федорович, когда мы отошли. — Меньше никто не дает.

А сверх полутора норм ремесленники записывали на счет своего наставника, на его «пай», как они говорили.

На доске показателей механического цеха я увидел против фамилии старого мастера цифру — 470. Зашел в другой цех. Точно такая же картина — Илья Федорович Приходько на первом месте. А деньги, которые ему начислялись, он передавал в фонд обороны.

Слушал я Илью Федоровича и думал: сколько же в эти трудные годы по всей нашей стране беззаветно преданных Родине ветеранов ведут за собой и воспитывают подростков, ребят, проводивших на фронт отцов и братьев. Часто и сами воспитатели получали «похоронки» на своих сыновей, но утром шли в цех к мальчишкам, и глаза у них были сухими. А мальчишки — особый народ, они все чувствовали и старались работать еще лучше, чтобы ободрить и порадовать своего наставника.

Со дня пуска первой очереди газопровода работы у меня поубавилось, но забот стало еще больше: даже в зимнее время мы теряли много газа на пути к электростанции, а что будет, когда земля оттает?

— Дырявый карман у тебя, дорогой! — сокрушенно говорил начальник геологической партии Ф. С. Сатаров, когда узнал о растущей потере газа.

Я и сам прекрасно понимал, что в таком «кармане» скоро вообще ничего не унесешь. Еще несколько раз звонил в наркомат, просил стальные трубы, но мне отвечали, что сталь нужна фронту.

А дела на фронте улучшились за эту зиму. Эвакуированные заводы работали на полную мощность. Наши войска получали все больше танков и самолетов, самоходных пушек и автоматического оружия. Была прорвана блокада Ленинграда. В феврале 1943 года я получил письмо от брата Леонида, командовавшего отрядом морской пехоты на Ленинградском фронте. Начиналось оно словами: «Мы выстояли, Захар!»

Да, мы выстояли, потому что не только на фронте, но и в тылу героизм стал нормой жизни советских людей. Недосыпали, недоедали, мерзли, горестно переживали утраты и неудачи, но выстояли!

...Как и ожидалось, с наступлением тепла потери газа резко возросли. Надо было срочно принимать меры. Секретарь обкома партии П. Т. Комаров отправил меня в Москву, где как раз проходило совещание наркомов, и в повестку дня был включен вопрос о трубах для нашего газопровода. Я ждал решения, не находя себе места. Под вечер раздался телефонный звонок:

— Товарищ Дымов? С вами говорят из секретариата председателя Совнаркома. Ваш вопрос решен положительно. Заказ оформите у Тевосяна.

И. Ф. Тевосян был наркомом черной металлургии. Как на крыльях полетел я к нему. С Иваном Федоровичем у меня еще в 30-е годы сложились добрые отношения: работая в Наркомтяжпроме, часто встречался с ним.

Встретил меня нарком приветливо. Он уже знал о положении дел, так что мне ничего не пришлось объяс-

нять. Иван Федорович сказал, что уже составлена заявка на имя директора Челябинского трубопрокатного завода.

— Получай документы и в аэропорт,— сказал мне на прощание нарком.— Я позвоню в Челябинск секретарю обкома, попрошу оказать тебе содействие.

В течение часа я оформил все документы. Зашел в Главгазтоппром, получил командировочные, а главное — короткий документ, подписанный заместителем начальника Главгазтоппрома при СНК СССР Ю. И. Боксерманом. В нем говорилось:

«Распоряжением Совнаркома СССР от 15 октября 1943 года... тресту «Саратовгаз» выделено 600 тонн нефтепроводных труб для обеспечения работы оборонных предприятий и электростанций гор. Саратова в осенне-зимний период 1943/44 г.».

В Челябинске первое, что привлекло мое внимание,— это стоявшие на путях два эшелона с трубами нужного мне диаметра. Я глядел на них как завороженный, не в силах оторвать глаз. Вот бы их сейчас к нам, в Саратов!

Но оказалось, что трубы, которыми я любовался, предназначались одному из оборонных предприятий. Я пошел в обком партии и стал говорить о том, в каком бедственном положении находится Саратов, из-за того что чугунные трубы выходят из строя. Госпитали могут остаться без света и тепла, остановиться предприятия и пекарни.

Обком вошел в наше положение и договорился с товарищами оборонного предприятия, что те получат свои трубы через неделю. И в тот же вечер оба эшелона последовали в Саратов.

Я так боялся, что груз могут отправить не по назначению, что сам сопровождал его.

Трубы есть, теперь—за работу! За две недели мы заменили чугунные трубы стальными, и теперь газ поступал без потерь.

Потом была протянута и вторая нитка газопровода.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Осенью 1943 года из Москвы приехала группа специалистов ознакомиться с результатами новых разведок газа на саратовской земле. Прямо с вокзала повезли их на Елшанку, чтобы показать самую продуктивную скважину. Вечером собрались в тресте, разбирались детально в геологических данных. Подсчитав запасы, убедились, что они намного превышают потребности Саратова в газе.

В тот же вечер родилась идея провести газопровод из Саратова в Москву. Руководители обкома поддержали это предложение. Не откладывая, представитель Главгазтоппрома Ю. И. Боксерман тут же позвонил в Москву. Его попросили собрать все имеющиеся материалы о запасах газа и подготовить необходимые экономические расчеты.

То обстоятельство, что в это трудное время возникла мысль подвести саратовский газ к столице, свидетельствовало о нашей уверенности в победе. Еще нигде не строился газопровод такой протяженности — надо было проложить газовые магистрали длиной в восемьсот с лишним километров. Но Государственный Комитет Обороны к этой идее отнесся положительно.

Вопрос о строительстве газопровода Саратов — Москва было поручено без промедления рассмотреть Государственной экспертизе Госплана СССР.

Геологи продолжали поиски и вскоре вскрыли еще два продуктивных пласта. Мощность скважин превзошла самые смелые ожидания. Газ вырвался с давлением до девяноста атмосфер: значит, скважина будет давать

два миллиона кубометров газа ежесуточно! Редкая удача для того времени!

Управляющий геологоразведочным трестом А. И. Кутуков дневал и ночевал у буровых. Меня и раньше поражали необыкновенная работоспособность этого человека и его удивительная выносливость. А вот теперь, когда пошел «большой газ», Кутуков и вовсе лишился сна. Приткнется где-нибудь на буровой, поспит часок — и снова на ногах. А ведь был он уже не молод, в Саратов приехал с Севера, где вместе со своими товарищами открыл месторождение олова и угля. Очевидно, полученная там закалка и выручала при всех трудностях. И наверное, никто так не радовался, как наш Александр Иванович, когда стало известно, что намечается вести газопровод к столице.

Однако у нового дела были и противники, те, кто сомневался и говорил, что нецелесообразно тянуть газопровод на такое расстояние, это слишком дорогостоящее для военного времени капитальное сооружение. А главное, надолго ли хватит саратовского газа? Огромные затраты на строительство газопровода окупятся не вдруг. Прокладывать его стоит лишь в том случае, если он будет действовать хотя бы в течение двадцати лет. Нужна широкая разведка месторождения.

Передо мной — объемистая папка документов. Первый — приказ председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, которым он назначает экспертную комиссию. Возглавляли ее члены-корреспонденты Академии наук А. С. Ильичев и А. Б. Чернышев. Просматриваю документ за документом и, пожалуй, только теперь понимаю, какую колоссальную работу проделала комиссия.

Надо сказать, что в то время в столице использовался газ, получаемый на старом заводе. Долгожитель пыхтел изо всех сил, но удовлетворить растущие потребности не мог, да и газ он вырабатывал низкого качества.

На заседании комиссии по выработке окончательного решения строительства газопровода было высказано много «за» и «против».

Геолог А. И. Кутуков не присутствовал на совещании, но тем не менее слово его оказалось решающим. 24 января 1944 года на стол председателя экспертной комиссии легла телеграмма из Саратова, в которой сообщалось, что открыто новое мощное месторождение газа.

Основываясь на выводах экспертной комиссии, Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве газопровода Саратов — Москва. Возглавить стройку поручили опытному инженеру-строителю Леону Богдановичу Сафразьяну. За плечами у этого человека были две крупнейшие стройки — Челябинский тракторный и Горьковский автомобильный заводы.

Газопровод надо было провести в кратчайший срок. Государственный Комитет Обороны определил: два года. Работы развернулись сразу по всей трассе, разбитой на семь строительных районов. Причем строители начали одновременно с проектировщиками. А те в свою очередь шли по пятам изыскателей. Газопровод пересекал 79 больших и малых рек, в том числе таких, как Цна, Ока, Москва-река, железные и шоссейные дороги. 120 километров трасса тянулась по лесным массивам...

По возможности мы старались облегчить быт строителей. Но не всегда нам это удавалось. Прокладка газопровода — дело такое: сегодня ты здесь, а завтра уже на несколько километров дальше. И если бы не помощь местного населения, не удалось бы нам выполнить задание в срок. Очень многое сделали для нас партийные организации Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Рязанской, Московской областей. Они присылали квалифицированных рабочих, снабжали инструментами, оборудо-

ванием, материалами. А ведь все это приходилось выкраивать из ограниченных ресурсов.

Особенно тяжело стало поздней осенью и зимой. Ведь наши «цехи» — голая степь, открытая всем ветрам. Но кое в чем стало и легче. По скованным морозом болотам мы могли быстрее добраться до любой точки строительства. Торопились успеть до весны. Наш трест «Саратовгаз» принимал активное участие в строительстве.

Шла война, и молодые рабочие не раз обращались ко мне с просьбой отпустить их на фронт. Особенно был настойчив Саня Симаков. В свои семнадцать лет Саня удивлял даже опытных трактористов умением водить машину по тяжелой дороге. Его посылали в самые трудные поездки: если уж он не пробьется, то не проедет никто. Однажды он обратился со своей просьбой к начальнику Управления строительства газопровода В. А. Пачкину, откуда-то узнал, что под Москвой есть военное училище, которое ускоренно готовит танкистов, и принимают в него только тех, кто умеет водить трактор.

— Ты убежишь, он уедет. А кто будет строить газопровод? — внушал парню В. А. Пачкин.— Понимаете вы или нет, каким делом важным заняты? Война идет, а мы строим такой газопровод, какого во всем мире еще не было и нет. Значит, сил у нас хватает, значит, мы думаем и о том, как будем жить после войны.

Рассказал я об этом случае потому, что чуть ли не ежедневно обращались рабочие с подобной просьбой к руководству стройкой. Люди рвались на фронт. Не только парни, но и девушки. Наконец, В. А. Пачкин приказал на самом видном месте вывесить объявление: «Просьбы отпустить на фронт отклоняются. Вы на фронте!»

— Грош цена будет нам как руководителям, если мы с таким замечательным народом сорвем сроки сдачи газопровода,—говорил Василий Алексеевич на совещании начальников участков трассы.— Проехал я утром по

трассе. Вижу — на стыке труб у шва выведено сваркой «Смерть фашистам!» и подпись: «Мухамедьяров». «Расписался» этот сварщик вчера вечером, выдав за день семь норм!

Центральный Комитет партии организовал всенародную помощь нашей стройке. На Челябинском трубопрокатном заводе для нас изготовили нефтепроводные трубы повышенной прочности, освоив для этого новую марку стали. Машиностроительные заводы, не срывая военных заказов, сверх основного плана выполняли наши заявки, поставляя вне очереди механизмы и оборудование. Над нашим газопроводом взял шефство Ленинский комсомол.

Самым трудным участком оказалась пойма реки Цны. Надо было проложить по ней трубы всего-то на расстоянии двадцати двух километров, но каждый метр траншеи давался с большим трудом. Корни деревьев приходилось рвать толом. Землекопы работали по пояс в воде — механизмы здесь бессильны.

И вот наступил долгожданный июльский день 1946 года. На зеленой поляне вблизи Москвы собрались передовики строительства со всей трассы, протянувшейся на 843 километра. Сотни людей, а тишина такая,— кажется, слышишь стук собственного сердца. Все волнуются. Василий Алексеевич Пачкин в генеральском мундире, на котором поблескивают боевые ордена, поднялся на сколоченную из досок трибуну, поднял руку:

— Товарищи строители, саратовский газ уже в пути. Сейчас он на подходе к Москве...

Раздается гулкий хлопок вспыхнувшего газа, прозвучавший для нас как звук праздничного салюта.

— Ура-а! — выдохнули как по команде собравшиеся. Люди глядели на огромный факел и не могли сдержать слез радости.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Теперь, когда я в своих записках дошел до послевоенных, мирных лет, хочу закончить рассказ о судьбе моего друга Ференца Владиславовича Патаки, с которым мы расстались в узбекском городе Коканде.

В начале июля 1943 года по делам строительства газопровода Саратов — Москва я приехал на несколько дней в столицу. Позвонил Бирюкову, и он мне сказал, что Патаки тоже в Москве. Договорились встретиться у меня. Первым пришел Семен. Ожидая Ференца Владиславовича, я полагал увидеть его в военной форме. А он был в штатском, только за то время, что мы не виделись, отпустил бороду.

— Включайте скорее радио! — едва поздоровавшись, нетерпеливо бросил он с порога.

В вечерней сводке Совинформбюро сообщалось, что гитлеровцы несут большие потери под Курском и Белгородом.

— Понимаете? — широко улыбнулся Ференц Владиславович и пропел куплет из популярной в то время песни: — «На то, говорят, и есть, говорят, у нас, говорят, разведка!»

Да, вне всякого сомнения, нашему командованию было известно о замыслах противника. Было сделано все, чтобы отразить колоссальный по своей силе удар врага. Не составляло особого труда нам, бывшим военным, понять, что на фронте назревают большие события.

Проговорили мы допоздна. Ференц Владиславович был в хорошем настроении и немного возбужден. И хотя

мы с Семеном примерно догадывались, на какое задание могут послать нашего друга, разговоров об этом по старой чекистской привычке не заводили. Патаки только сказал нам, что, вероятно, через несколько дней должен улететь из Москвы. А когда я, проводив друзей до станции метро, прощался с ними, он произнес: «До встречи после победы!»

Но встреча не состоялась. Патаки погиб 4 ноября 1944 года в венгерском городе Шопроне. Позднее я прошел по следам его отряда, восстановил для себя последний период жизни своего друга.

...Маленький разведывательный отряд, которым командовал Ференц Патаки, состоял из семи человек. Он был интернациональным по сути своей и духу. В него входили венгр, чех и пятеро закарпатских украинцев.

Командование с самого начала не скрывало, что разведчикам предстоит действовать в родных краях, и это воодушевляло всех: никто не сомневался, что помощь земляков будет обеспечена.

Ференц Владиславович требовал от своих подчиненных соблюдать осторожность во всем, рассказывал о поучительных случаях, которые происходили с ним и его товарищами на подпольной работе в колчаковском тылу. Разведчиков учили методам конспирации, радиосвязи, шифровке радиограмм, умению ориентироваться на местности по компасу и карте...

18 августа 1943 года Патаки выстроил свой маленький отряд. Прибыл представитель центра, ведавший заброской разведчиков во вражеские тылы. Поздравив интернационалистов с новой крупной победой Советской Армии, он объявил:

— Пробил и ваш час, товарищи! Сегодня вылет. Командованию в ближайшее время потребуются сведения о противнике в Закарпатье и Венгрии.

На аэродроме Ференц Владиславович передал письмо

жене, написанное перед самым вылетом. Оно бережно хранится в семье Патаки.

«Милые мои, родные и любимые, Наташа и Владусик! В последние часы перед отправкой в далекий и опасный путь я всеми мыслями своими неразрывно связан с вами.

Я так радостно, так светло о вас думаю!.. Мне очень о многом бы надо было написать вам сейчас, ибо вся наша жизнь проходит перед моими глазами со всеми ее радостями и горестями... Но ведь мы разлучаемся не навсегда, потому что скоро, а может быть, и очень скоро увидимся вновь, чтобы никогда уже не разлучаться. Поэтому я не буду много писать, лучше в эти часы подумаю о вас так же, как буду думать в далеких краях, куда меня забрасывает судьба и дело защиты Родины, защиты вас, защиты моих идеалов, за которые всю жизнь борюсь...

Владика я очень прошу, чтобы он не горевал и не плакал обо мне, а думал об отце как мужчина: мужественно, спокойно, с гордостью. А если будет тяжело ему и тоскливо, пускай возьмет фотографии отца, или это письмо, или отцовскую биографию и поглядит, прочитает или просто подумает об отце... Как бы ни сложились обстоятельства, отец твой не уронит чести большевика-ленинца...»

...Вылетели ночью. Второй день в районе приземления шли проливные дожди. Разведчикам это на руку: во-первых, меньше вероятности встретиться на маршруте с фашистскими самолетами, а во-вторых, за тучами «дуглас»-тихоход не увидят зенитчики. Да и жандармы, надо думать, в такую непогоду сидят по домам.

Но были и свои минусы. Штурман, например, не смог разглядеть на земле ориентиры. Определять место выброски ему пришлось по приборам и расчетному времени. Правда, братья Чижмари, Лизанец и Ловга, уроженцы Закарпатья, каждую тропку знают в своих лесах и горах, сумеют разобраться, где находятся.

Самолет благополучно миновал линию фронта. Ференц весь путь стоял у столика штурмана. Перед ними была полетная карта, которую пересекла красная курсовая линия. Тянулась она от Москвы до Ужгорода, откуда надлежало взять в сторону.

Полет прошел спокойно. Машина начала снижаться. Патаки кивком попрощался с летчиками и пошел к разведчикам в общую кабину. Механик самолета и воздушный стрелок тоже были здесь. Стрелок на всякий случай занял место у крупнокалиберного пулемета. Все молчали.

Сигнал «Приготовиться!» — и бортмеханик открыл дверцу. Гул моторов стал еще громче, и сразу запахло дождем, сыростью. Вновь завыла сирена: это уже сигнал «Пошел!». Разведчики один за другим исчезли в темноте. Командир доволен, никто не замешкался, значит, приземлятся кучно. Теперь его очередь. А потом бортмеханик выбросит грузовой мешок.

Парашют Патаки опустился на лесистый склон горы. Командир огляделся.

Через несколько минут на поляне собрались пятеро разведчиков. А где же шестой — Вацлав Цемпер?

Надо было как можно скорее покинуть район приземления. Если самолет не видели, то наверняка слышали, как он кружил над горами.

— Продолжим поиски,— распорядился командир, указывая каждому направление.— Сбор на этом месте ровно через час.

А Цемперу не повезло: купол его парашюта накрыл макушку огромной ели, но Вацлав не ушибся. Беда пришла потом. В темноте он не мог точно определить расстояние до земли, к тому же подумал, что под елью мягкая хвойная подстилка... А там оказались камни. Перерезав стропы парашюта, разведчик упал прямо на них и поломал ноги. Здесь его и отыскали товарищи. А грузовой

мешок так и не нашли. В нем одежда, запасная радиостанция, батареи к ней, патроны, гранаты, деньги...

На ноги Вацлаву наложили шины, соорудили из березок носилки... Между тем близилось утро, солнце выглянуло из-за леса. День обещал быть погожим. Михаил Чижмарь предложил подняться повыше к скалам и переждать там день. Вся лощина оттуда просматривалась хорошо, незамеченным к ним не подобраться. Степан Чижмарь пошел в разведку. Командир строго-настрого наказал ему дойти только до ближайшего поселка, уточнить местоположение отряда и попытаться выяснить, куда упал грузовой мешок.

Взошло солнце. Лес наполнился птичьим гомоном. Словно война обошла стороной эти удивительные по красоте места.

Расположились в седловине, густо поросшей малинником. От спелой малины вдруг пахнуло на Ференца далеким детством. Он ведь совсем рядом со своей родиной. Отсюда до местечка Бейле-Еркулане рукой подать. Там, на городском кладбище, могилы его отца и матери.

Позавтракали консервами. Вдруг откуда-то из-за горы выскочил маленький самолетик, сделал круг над лощиной и ушел со снижением в сторону дороги. Самолет был разведывательный. Стало ясно — мешок попал в руки жандармов...

Михаил Дякун установил антенну, развернул рацию. В Москву полетела первая шифровка, в которой командир группы сообщал о том, что при высадке в тылу врага неудачно приземлился Вацлав Цемпер — перелом обеих ног. Потерян грузовой мешок. Радиограмма заканчивалась словами: «Приступаем к выполнению задания. Закарпатцы». Это было кодовое название разведгруппы.

Москва ответила: «Будьте осторожны. Действуйте по обстановке. Постарайтесь рассредоточиться».

К полудню вернулся Степан Чижмарь и принес неутешительные новости: у деревеньки Забродь он встретил крестьянина Ивана Литку, и тот сказал ему, что по лесу рыщут жандармы, ищут парашютистов.

Теперь разведчики знали, что их забросили совсем не туда, куда предполагалось, но все равно это было Закарпатье. Командир группы принял решение дождаться ночи и перебраться в родное село братьев Чижмарей — Копашнево. Но по пути передумали и остановились в соседнем селе у крестьянина Дмитрия Григи.

После войны я несколько раз ездил в Закарпатье и побывал в тех местах, где действовали разведчики Ференца Патаки. Одного из них, Ивана Ловгу, я разыскал в маленьком городке Виноградове. Вместе с ним мы и прошли тропами подпольщиков, побывали на месте приземления группы, в селе Забродь, Копашневе... Ловга познакомил меня с Василиной, женой Дмитрия Григи, рассказал о том, что им довелось пережить в те дни.

Недостатка в сведениях, которые интересовали наше командование, у разведчиков не было. Одна за другой в Москву летели радиограммы, сообщавшие о том, где и какие оборонительные сооружения, полевые аэродромы строят фашисты, куда и какие части перебрасывают. В сфере действия «закарпатцев» оказывались все новые и новые районы. Разведчикам удалось проникнуть в Ужгород, где действовала большая и хорошо законспирированная группа подпольщиков. Связались с ними.

Как ни спокойно чувствовал себя Ференц у Григи, но дольше оставаться здесь было опасно: слишком много людей перебывало в этой хате. Посоветовались и решили, что надо перебираться на другое место, где командир группы и радист должны подготовиться к поездке в Будапешт, как предусмотрено заданием.

Для этого нужны были особенно надежные документы. Раздобыть их взялся Иван Ловга — человек обстоятельный, уравновешенного характера. Ловга был освобожден от всех заданий и занимался только документами. Василина по просьбе командира разведчиков побывала в Текове, где связалась с подпольщиками; они подготовили для Ференца Владиславовича и его радиста надежную квартиру. Через несколько дней подпольщики благополучно перебрались в нее.

Вот рассказ Ивана Ловги, который я записал там же, в Закарпатье:

«Ференц Владиславович поручил мне подготовить документы и организовать его переезд в Будапешт, куда он должен был выехать вместе с радистом. У меня и у Ивана Дякупа уже были кое-какие бумажки, которые могли послужить видом на жительство. Вместе с ним мы пошли в Теков.

Здесь я встретил своего старого друга коммуниста Юлия Уйфалушия и сказал ему, что надо срочно раздобыть документы командиру нашей группы и радисту.

Когда на другой день мы встретились в условленный час, документы были уже готовы. Ференц Патаки стал Ференцем Фекете, инженером, работающим на заготовке леса в селе Веряцы. Михаил Дякун тоже получил новую фамилию. И квартиру для них Юлий нашел. Они переехали по указанному адресу, поближе к нам.

Радиограммы в Москву посылались регулярно. С помощью местных жителей мы держали под постоянным контролем большую территорию, в которую входили Ужгород, Мукачев, Севлюш, Чоп и множество населенных пунктов, шоссейные и железные дороги. В Будапешт по заданию Патаки поехала связная Алена Гендера, смелая, решительная женщина. Она уже не раз выполняла задания Юлия Уйфалушия и не терялась в самой сложной обстановке. Отлично справилась Алена

и с этим опасным поручением: нашла в Будапеште нужных людей, взяла пароль и адреса для Патаки. А ушло у нее на все это только два дня.

Сразу же, как только Патаки приехал в Теков, Юлий заказал для него другой костюм-тройку. Тот, что был приготовлен в Москве, пропал вместе с грузовым мешком. Портной заказчика в лицо не видел, работал по меркам. Через несколько дней мы попрощались. Думали — ненадолго, а оказалось, навсегда».

Иван Ловга — единственный из отряда оставшийся в живых. Но он ничего не мог рассказать мне о том, как работали в Будапеште Ференц Патаки и радист Михаил Дякун.

Как же я волновался, когда впервые ехал в Венгрию! Эта страна для меня особенная, она — родина моих друзей, людей, беззаветно преданных нашим коммунистическим идеалам. Родина Бела Куна, Мате Залки, Лайоша Гавро, Ференца Патаки...

Я старался отыскать кого-нибудь из тех, кто встречался и работал с Ференцем в 1943—1944 годах. От встречи к встрече все полнее становилась картина опаснейшей работы советских разведчиков. Они боролись ради общего прекрасного дела — свободы и счастья народов Советского Союза и Венгрии, до конца дней своих были верны интернациональной дружбе.

Возвращаясь домой, я первым делом звонил жене Ференца Владиславовича Наталье Иосифовне Горбань и сообщал, что мне удалось узнать нового.

А в нашей стране настойчивый поиск вели юные следопыты 730-й московской школы, многое сделали для того, чтобы проследить героический путь разведчиков и украинских патриотов-подпольщиков закарпатские журналисты В. Полещук, О. Довганич, Б. Спивак, К. Лустиг.

Они с пионерами восстановили многие неизвестные страницы деятельности группы разведчиков Ференца Патаки в Закарпатье.

В 1966 году газета «Закарпатская правда» опубликовала статью «Жизнь, отданная борьбе», посвященную советским разведчикам. Она заканчивалась обращением к юным следопытам и всем читателям: «Давайте бережно и внимательно искать след, оставленный этими мужественными людьми. И тогда будет дописана повесть о Ференце Патаки, который жил и умер коммунистом».

Газета напечатала несколько очерков. Откликнулись десятки людей, знавших командира группы, разведчиков и их боевых друзей. Эти письма помогли по крупицам собрать волнующий материал о подвиге патриотов-закарпатцев.

Венгерские товарищи показали мне документы охранки по группе Ференца Патаки. О том, что разведчики приземлились в Закарпатье, жандармы узнали не только по грузовому мешку, упавшему далеко в стороне. В доносе некоего Тоди Косея говорилось, что он видел в лесу вооруженных людей. Но охранке долго еще не удавалось напасть на след, хотя жандармы старались завербовать осведомителей среди местных жителей.

В это время кто-то убил венгерского ефрейтора, отличавшегося особой жестокостью. Жандармы решили, что это дело рук красных десантников. На ноги были подняты несколько гарнизонов. Начались облавы, аресты. Людей избивали, допытываясь, где скрываются разведчики и кто им помогает.

Вацлав был уже почти здоров, он ходил без костылей, только прихрамывал на правую ногу. Надо было уходить из района, наводненного жандармами и солдатами. Но оказалось — поздно. Предатель по имени Рац, узнав, что советский разведчик скрывается в доме крестьянина Лагойды, немедленно сообщил об этом охранке.

В ночь на 27 февраля 1944 года жандармы устроили засаду. В это время в дом вошли Степан Чижмарь и Семен Лизанец. Они должны были забрать Вацлава Цемпера.

Из всех, кто находился в ту ночь в этом доме, уцелела только Анна Лагойда. Вот что она мне рассказала:

— Разведчики пришли сильно уставшими и сказали, что больше здесь никому из них оставаться нельзя. И сразу же послышался стук в дверь. Мы подумали, что

это просится кто-то переночевать, но на всякий случай все женщины вышли на кухню. Гавриил открыл дверь и увидел вооруженных людей. Они ворвались в дом. Степан Чижмарь выстрелил и тяжело ранил одного жандарма. Зазвенели стекла окон: находившиеся во дворе жандармы стали бросать дымовые шашки. Поднялась стрельба, разведчики знали, что они обречены, и решили биться до последнего.

Все трое — Степан Чижмарь, Семен Лизанец и Вацлав Цемпер — погибли в этой схватке. Вместе с ними были убиты Алена и Георгий Лагойды, их старенькая бабушка. Живым удалось взять жандармам только Гавриила Лагойду...

В Севлюще, Копашневе, Хусте, Виноградове, Чернотисове начались массовые аресты. Всего было схвачено около трехсот человек. Многие были приговорены к смертной казни военным трибуналом, остальные отправлены в Германию в концентрационные лагеря. Первый вопрос, с которым обращались палачи к арестованным, был один и тот же: «Что вам известно о главаре разведчиков? Как его имя?» Кто знал, тот молчал. А знали единицы. Но предателю Рацу было известно, что Фери Бачи — так называли Патаки — в Будапеште. Знал он и кое-какие приметы его.

Разведчикам в Будапеште становилось все труднее действовать. Участились облавы и обыски, подозрительных хватали прямо на улице.

19 марта 1944 года в Будапешт вошли гитлеровские войска. В этот же день Фери Бачи пришел к подпольщикам Бубанам необычно рано, на рассвете, чтобы остаться незамеченным. Он был расстроен: радист Михаил Дякун не пришел накануне, как было условлено, на место встречи... По аварийному плану следующая встреча должна была состояться рано утром у Бубанов, но Дякун не явился и сюда. Прождали его полдня.

— Наконец-то! — выдохнул облегченно Янош Бубан, когда в дверях показался Михаил. Но он был без рации. Чемодан с рацией у него отобрали на контрольном пункте, через который проходили все, направлявшиеся в Будапешт.

«Мужчины стали тревожно обсуждать случившееся с Дякуном, а мне то и дело приходилось выходить на улицу, чтобы проверить, не наблюдает ли кто за нашим домом,— рассказывала Яношне Бубан,— хотя Михаил и уверял, что «хвоста» за ним не было». Выручить рацию поручили другому подпольщику. Он пошел на заставу и не вернулся. Это был провал».

Как и где арестовали Ференца Владиславовича, никто не знает.

Советская партизанка Раиса Митрофановна Попова, которая видела его сначала в ужгородской тюрьме, а потом и в шопронской, рассказывала мне так: «Ференц Владиславович прямо говорил, что причиной ареста послужила история с чемоданом. Значит, отпуская Дякуна, те люди знали, что в чемодане. И следили за радистом».

Сам Ференц Владиславович в последнем письме домой упоминает о провале, происшедшем не по его вине.

А история этого письма такова. К одному из офицеров Советской Армии после изгнания фашистов из Закарпатья подошел житель села Дубового и сказал, подавая письмо:

— Это письмо написал настоящий человек, герой. Он его передал мне в тюрьме и попросил после победы отправить в Москву своей семье. Надо, чтобы оно не затерялось...

Имя крестьянина осталось неизвестным. А ведь он мог бы, по всей вероятности, что-то рассказать о командире разведчиков...

Офицер отправил заказное письмо по указанному крестьянином адресу, коротко приписав, как оно у него оказалось.

Вот это письмо.

«Ужгород. 30 августа 1944 г.

Любимые мои! Не было и нет случая, чтобы вручить это письмо кому-нибудь, чтобы оно хоть когда-нибудь, хоть после окончания войны дошло до вас. Не знаю, будет ли такая оказия.

Сегодня меня судил военный трибунал. Приговорил к смертной казни. Я ожидал такого приговора...

Возможно, это последние строчки, которые я вам пишу, многое и многое, к сожалению, писать не могу. Но вы и так поймете меня и трагическую участь, которая меня постигла не по моей вине и ошибке.

Не думайте, однако, обо мне с одной лишь грустью, ведь были и радостные, и хорошие дни в нашей жизни. Бесконечно жаль будет мне, если не увижу вас больше. В таком случае проживите свою жизнь и за меня и делайте все так, как делал бы я, когда жизнь требовала от человека всего сердца и чистой, смелой души...

В общем, я не тужу, если умирать придется скоро, спокойно встречу этот час. Только от того, что мало сделано, грустно мне. Будьте здоровы и бодры, любите друг друга и за меня.

Прощайте, прощайте, милые, любимые мои! С безграничной любовью целую, обнимаю вас... До последнего дыхания любящий вас. Ваш Ференц».

Теперь пусть скажут о Ференце Владиславовиче Патаки его боевые товарищи, венгерские, русские, украинские патриоты, вместе с ним боровшиеся с нацизмом. Те, кто видел Фери Бачи в последние дни и минуты его жизни.

Юлия Ловга:

«Меня заставили убирать в камерах и помещениях комендатуры. Один раз в коридоре я встретила Фери

Бачи. Он шел, прихрамывая на одну ногу и сплевывая кровь. При допросах всех нас избивали. Жандарм велел мне подать ему кружку воды. Напившись, Фери Бачи хотел что-то сказать мне, когда отдавал кружку, но жандарм следил за каждым его движением. Фери Бачи только кивнул мне, ободряюще улыбнулся одними глазами и молча пошел в свою камеру. Весь вид его говорил о перенесенных страданиях, но в глазах попрежнему светилась несломленная воля».

Янопше Бубан:

«Контрразведка сразу установила связь между будапештской группой и закарпатцами. В середине мая наших повезли в Мараморош-Сигет, где велось следствие над патриотами из Закарпатья. Фери Бачи, Ласло Ловас и другие наши товарищи брали все на себя. Благодаря их показаниям многих или освободили, или передали гражданскому суду».

Микола Сирко:

«Перед оглашением приговора арестованных вывели в коридор. Там их ожидали комендант тюрьмы в Мараморош-Сигете, группа офицеров хортистской армии, немцы-гестаповцы, жандармские офицеры, стража. Жандармский офицер начал представлять собравшимся каждого из арестованных. Остановившись возле Фери Бачи, он сказал: «А это их командир».

Раиса Попова:

«Нас привезли в Ужгород и ввели в длинный коридор тюрьмы. С той и с другой стороны его сидели и лежали заключенные, а в узком проходе расхаживали три жандарма. Нам указали на женскую половину. Говорить не разрешалось. Мое внимание привлек пожилой мужчина с интеллигентным волевым лицом. На другой день рано утром я услышала, как он тихонько разговаривал во сне и среди венгерских слов проскочило несколько русских. В тюрьме все называли этого человека Фери

Бачи. Я догадалась, что он и есть командир группы разведчиков, про которых много уже слышала в тюрьмах. Заключенные относились к Фери Бачи с большим уважением, и даже жандармы явно побаивались его. 30 августа 1944 года было заседание военного суда, который приговорил Ференца Патаки, меня и еще двух партизан к смертной казни. Нам велено было взять свои узелки и приготовиться к отправке в шопронскую тюрьму».

Иштван Ковач:

«Осенью 1944 года я сидел в шопронской военной тюрьме за участие в подпольной работе компартии. К нам привезли группу партизан, в числе которых был и Ференц Патаки. Как старожил тюрьмы, следствие по делу которого давно закончено, я исполнял хозяйственные работы и мог свободно ходить по коридорам. Я же разносил и еду заключенным, подавая ее в маленькое окошечко, вырезанное в обитой железом двери. Это позволило мне оставаться несколько раз наедине с Ференцем. Поначалу он держался со мной очень настороженно, всячески испытывал и проверял меня. Не знаю, как бы мне удалось убедить его в том, что я друг, а не враг, если бы мне не довелось в начале 30-х годов побывать в Москве, куда направляли меня учиться по линии Коминтерна. В ходе нашего разговора я стал оперировать такими фактами и событиями, которые могли стать известны только человеку, довольно продолжительное время проживавшему в Советском Союзе, и именно в столице. Назвал имена нескольких рядовых сотрудников Коминтерна, описал, кто и как из них выглядит. А Ференц их тоже знал, оказывается. «Не обижайся, товарищ, но я должен быть очень осторожен»,— сказал он мне и при новой встрече принялся вновь прощупывать меня со всех сторон. Шли дни, и беседы наши делались все более откровенными».

В шопронской тюрьме сидели самые опасные враги фашистского режима в Венгрии. Это были старые коммунисты, опытные конспираторы. У них была налажена постоянная связь с товарищами, находящимися на свободе. Ференцу Владиславовичу предлагали организовать побег, но он решительно отказывался, опасаясь, что это вызовет новые репрессии, пострадают товарищи, а победа близка...

«Все заключенные в нашей тюрьме были убеждены, что он профессор,— рассказывал мне бывший узник Шопрона Иштван Ковач. —И не просто профессор, а преподаватель военной академии. Никто у нас лучше Ференца Патаки не знал фронтовой обстановки. Он предугадывал ход событий. Мы поражались его прозорливости, умению аналитически мыслить».

«Мы все так и звали его между собой — генерал,— добавил другой бывший узник шопронской тюрьмы Янош Куруц.— Красный генерал. Я впервые встретился с ним в коридоре тюрьмы. Его вели в канцелярию. Дня через три я увидел Ференца на прогулке в окружении пяти или шести заключенных. Больше собираться не разрешалось. Я тоже подошел и остановился в некотором отдалении, боясь вызвать гнев охранника. Охранник все же подошел к нам, но разгонять не стал. Тюремная стража на многое уже не обращала внимания. Все знали, что война на исходе».

Осенью 1944 года в Будапеште произошел вооруженный путч, спровоцированный фашистскими ставленниками. К власти пришли салашисты — крайне правая партия, всецело поддерживающая Гитлера. Началась беспощадная расправа с теми, кто не хотел воевать за победу рейха.

Новый порядок дал о себе знать и в шопронской тюрьме. Режим стал более суровым. Сроки исполнения вынесенных приговоров уже не откладывались.

Вот что рассказала Раиса Митрофановна Попова о последнем дне жизни Ференца Владиславовича Патаки:

«Меня привели в канцелярию. Там были начальник тюрьмы, какой-то незнакомый офицер и Патаки. Офицер стал читать что-то по-венгерски, а Патаки переводить на русский. Внешне он казался спокойным, однако смотрел на меня так, будто прощался со мной. Смысл слов Ференца Владиславовича не сразу дошел до меня. Наконец я поняла: по причине моей болезни приведение приговора в исполнение откладывается.

«До полного выздоровления»,— повторил Патаки както значительно и назвал меня по имени.

Офицер повернулся ко мне и что-то спросил.

«Все поняла?» — перевел Патаки.

У меня ком застрял в горле. «А с вами-то что будет?» — хотелось крикнуть мне. Но Ференц Владиславович уже простился со мной глазами!.. Я кивнула и бросила быстрый взгляд на Патаки. Он грустно улыбнулся мне в ответ.

Начальник тюрьмы приказал меня увести. В камере я потеряла сознание. Очнулась на скамье, стоявшей у стены. Заключенные сидели молча, напряженно, к чему-то прислушиваясь. И вдруг я почувствовала в этой тишине — страх. Такой тишины в нашей тюрьме не было даже ночью. Мне стало страшно. Внезапно раздался залп, потом второй, третий... И тут до меня вдруг сразу все дошло, я поняла, что делается на тюремном дворе, и закричала не своим голосом...»

Это произошло 4 ноября 1944 года.

До освобождения оставалось совсем немного. 13 февраля 1945 года закончилось сражение за Будапешт, а 4 апреля Венгрия была полностью очищена от гитлеровцев. Сто сорок тысяч наших соотечественников отдали свои жизни за освобождение венгерской земли.

...Иду по улицам Шопрона. О нем мне не раз говорил Ференц Владиславович, вспоминая свою родину. Еще юношей ходил он по этим узким средневековым улочкам. А в ту последнюю в своей жизни осень 1944 года видел их каждый день из окна тюремной камеры.

Вот и кирпичная стена, у которой были расстреляны Ференц Патаки и другие патриоты, боровшиеся с фашизмом за свободную Венгрию.

На мемориальной доске — имена казненных. Раннее утро, а на бронзовый терновый венок чья-то рука уже положила букетик свежих цветов.

Члены Общества венгеро-советской дружбы помогли мне встретиться с теми, кто видел казнь.

Крестьянин Петр Кричко из Терново вспоминал: «Враги были ошеломлены мужеством и стойкостью героев. Я заметил еще вот что: уходя на расстрел, все поворачивались к Фери Бачи и кто кивком, а кто словом коротким прощались с ним. Он им тоже что-то говорил тихонько. Все это за какую-то минуту. Мы все, кто это видел, поняли, как они любят и уважают Фери Бачи...»

На площади у школы имени Ференца Патаки стоит памятник патриотам, замученным в фашистских застенках.

Солнце еще не успело высушить капельки росы на цветах пышной клумбы, и они искрятся в его лучах. На камнях у подножия гранитного памятника венки и живые цветы. Читаю имена героев:

Ференц Патаки
Беньямин Киш
Михай Сотак
Лайош Браза
Дьюли Чизмадия
Василь
Микола

— Василь, Микола...— повторил я тихо.

— Их фамилии так и остались неизвестны,— раздалось у меня за спиной.

Я обернулся. Человек произнес эти слова на русском языке. Он был сухощав, выше среднего роста и тоже в годах.

— Советские партизаны,— продолжал подошедший.— О Николае известно только то, что до войны он был учителем. Родился и жил в Вологодской области.

Мужчина улыбнулся, видя мое удивление, и пояснил, каким образом оказался рядом со мной. Встретил на улице знакомую женщину, и она ему сказала: только что русский спрашивал, как пройти к школе Ференца Патаки.

— Сколько бы ни прошло времени, потеря друга причиняет боль,— сказал мой новый знакомый.— По себе знаю.

Он представился: «Пал Фельдеш». Рассказал о себе. Во время войны партизанил у нас на Брянщине, у знаменитого Ковпака. Русские и украинцы в отряде звали его Пал Палычем.

С Фельдешем я провел весь день, и попрощались мы так, как будто давно знали друг друга. Он подарил мне свою книгу, изданную в Будапеште, в которой Фельдеш рассказывает о боевых друзьях, об украинских партизанах.

— Вся Венгрия знает имя Ференца Патаки,— сказал мне Пал Фельдеш.— Мы гордимся старой гвардией Бела Куна...

В 1983 году за мужество и героизм, проявленные в борьбе за установление Советской власти в Сибири и при выполнении задания советского командования в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, Указом Президиума Верховного Совета СССР Ференц Владиславович Патаки посмертно награжден орденом Красного Знамени.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

В 1947 году ЦК партии поручил группе ученых создать новый физико-технический институт. На меня возлагалась строительная и хозяйственная сторона дела. Единственно, что меня озадачило,— это сроки. Все корпуса института, лаборатории и общежития студентов должны быть готовы к 1 сентября. Моим непосредственным начальником стал Сергей Алексеевич Христианович, ректор нового института.

Тогда ему еще и сорока не было, а он уже несколько лет был академиком, сделал блестящие открытия в области гидрологии, внес большой вклад в технику самолетостроения.

— Нам с вами предстоит решать очень трудные задачи. Как вы думаете, успеем к назначенному сроку? — спросил меня С. А. Христианович.

Я ответил, что иного выхода у нас просто нет. Время придется не на дни — на часы считать.

От Сергея Алексеевича я ушел в приподнятом настроении, сразу почувствовав, что работать с ним будет легко. Он рассказал также, что порекомендовал ему меня мой однокашник, министр высшего образования Сергей Васильевич Кафтанов. Мы с ним не только вместе учились в институте имени Менделеева, но и дружили в студенческие годы.

В один из мартовских вечеров у меня дома, как всегда стремительно и шумно, появился Сергей Васильевич, огромный, веселый. В институте мы звали его Микулой Селяниновичем.

— Как работается на новом месте? — спросил Кафтанов с порога.— Выдался свободный час, заехал, чтобы все узнать из первых рук. Ни на один день нельзя опаздывать. Ученые свою часть задачи решают успешно, здесь не надо беспокоиться. Уже разрабатывается программа нового института. Очень опасаемся, как бы стройка не оказалась самым узким местом...

Я обрадовался этому неожиданному визиту, так как немало было неувязок в делах, разрешить которые можно только с помощью министра.

Построить новое здание института и общежитие для студентов за такой короткий срок при тогдашних методах строительства мы, разумеется, не могли. Речь шла о реконструкции уже готовых помещений, которые нам выделили под Москвой — на станции Долгопрудной.

Но, несмотря на трудности, которые казались нам порой непреодолимыми, задание правительства мы выполнили в срок. 1 сентября 1947 года открылись двери нашего Московского физико-технического института. Для нас это был настоящий праздник. Занятия начались одновременно на двух курсах — первом и втором, на который были переведены наиболее способные студенты из других вузов. В МФТИ они сразу же начали самостоятельную научно-исследовательскую работу под руководством видных ученых.

Я и в дальнейшем не порывал связи со своими друзьями из МФТИ, следил за успехами молодого института. Мне приятно было слышать, что почти все выпускники первых лет обучения пошли в науку — защитили кандидатские, докторские диссертации, стали членами-корреспондентами Академии наук СССР.

Много лет спустя, когда я работал на строительстве Академгородка под Новосибирском, отрадно было убедиться, что основные силы этого могучего научного центра в Сибири составили питомцы МФТИ. Создавая Мо-

сковский физико-технический институт, страна уже растила кадры для «большой науки» Сибири и Дальнего Востока.

Шел 1956 год. Страна готовилась к XX съезду партии. Началось всенародное обсуждение проекта Директив съезда о шестом пятилетнем плане, в которых было намечено интенсивное освоение природных богатств Сибири и Дальнего Востока.

«Правда» опубликовала статью академиков М. А. Лаврентьева, С. А. Христиановича и С. А. Лебедева «Назревшие задачи организации научной работы». В ней говорилось, что многие научные институты, а следовательно, и ученые находятся в Москве и Ленинграде, далеко от производственных центров, а это не способствует их эффективной работе. Назрела необходимость создания общего плана размещения научных учреждений на территории страны, при этом часть квалифицированных кадров необходимо направить туда, где сосредоточены наши главные природные богатства,— в восточные районы. Идея была одобрена Центральным Комитетом КПСС, Академией наук СССР. Новый научный центр решили создавать в городе Новосибирске. Совет Министров СССР принял постановление о создании Сибирского отделения Академии наук. Но без постоянного притока научных кадров такое большое дело нельзя развертывать. Было решено создать Новосибирский университет, который бы готовил кадры для научного центра. Базой для него должны стать научно-исследовательские институты Сибирского отделения Академии наук СССР. В феврале 1957 года на годичном общем собрании АН СССР академик А. В. Топчиев сказал: «Заслуживает внимания предложение академиков М. А. Лаврентьева и С. А. Христиановича о создании в Сибири большого научного центра Академии наук СССР, в котором они выразили желание работать. Президиум Академии наук

СССР уверен, что и другие ученые последуют этому патриотическому примеру».

Это сообщение, напечатанное в «Правде», пашло отклик среди многих ученых, которые пожелали поехать в Сибирь вместе со своими учениками.

А па строительство Академгородка я попал так. Вернулся из отпуска. Март в Москве выдался солнечный, теплый. Случайно встретил в эти дни С. А. Христиановича. После совместной работы по организации МФТИ у нас сохранились добрые отношепия.

Разговорились. И конечно же о предстоящей работе Христиановича в Сибири. Из газет я знал, что в ближайшее время в Новосибирск отправляются крупные ученые. Сергей Алексеевич увлеченно рассказывал о своих сборах в дальнюю дорогу.

— Впрочем, какая же опа теперь дальняя,— сказал он, улыбаясь.— Позавтракал в Москве, а обедать будешь в Новосибирске. Даже ближе, чем Лепинград, если по старинке туда ехать поездом.

На воздушные линии страны вышли лайнеры Ту-104, о которых тогда много говорили.

Как бы между прочим Сергей Алексеевич спросил меня, бывал ли я в Сибири. Я ответил, что тянул нефтепровод из Уфы к Омску через Урал и дальше, к Новосибирску... Он увлек меня перспективой строительства нового научного цептра.

На подъем я всегда был легок, поэтому тут же, не откладывая, решил ехать с первой группой ученых. Созвонился. Заказал билет.

Встретились в аэропорту Внуково. По погодным условиям вылет задерживался на час. Разговор, разумеется, зашел о тех местах, куда мы летели.

«Увидеть Сибирь я мечтал с детства,— говорил М. А. Лаврентьев.— Гимназистом перечитал уйму книг о нервых русских землепроходцах, очепь любил Мамина-

Сибиряка. Но тянуло меня почему-то не на Урал, а дальше. И вот в 1925 году, будучи аспирантом Московского университета, собрал я артель из математиков и физиков, отобрал ребят покрепче... в мускульном аспекте. И двинули мы на Алтай. Деньжонок наскребли негусто, но мы были молоды, здоровы, так что заботы о хлебе насущном нас не особенно волновали. Прижмет — подработаем.

В маленьком пыльном Новониколаевске сделали пересадку. Городок только что переименовали в Новосибирск, но все его жители давно уже дружно именовали себя новосибирцами, так и обратный адрес на конвертах писали — Новосибирск. Почта безошибочно находила город, не названный ни в одном справочнике.

Поезд отходил в Барнаул вечером, а мы приехали в Новосибирск рано утром. У нас в запасе был целый день, пошли побродить по городу. Был он тогда почти весь деревянный, если не считать нескольких купеческих домов в центре, церквей, собора и здания бывшего купеческого собрания, которое новосибирцы отдали артистам драматического театра...»

Дослушать рассказ Лаврентьева мы не успели: объявили посадку на наш самолет. Вспоминая сейчас те дни, я раскладываю на столе фотографии, которые можно назвать уже историческими. Вот один из снимков, особенно дорогой, потому что сделан он в первый день нашего пребывания в Новосибирске. На нем я тогда пометил: «Березовый Лог. Весна 1957 года». А теперь назвал бы ее по-иному: «Первый десант».

Глухой участок разнолесья, высятся стройные ели, сосны, березы. На ветках снега уже нет, но сугробы еще не успели осесть и затвердеть. Лес пронизан лучами яркого весеннего солнца. У края опушки стоит большая группа людей. Одни из них одеты по-весеннему. Это — москвичи. Другие еще в зимних пальто и меховых шап-

ках — сибиряки. Рядом маленький бревенчатый домик. Я словно слышу голоса, обращенные к академику Лаврентьеву:

— Это будет ваша заимка, Михаил Алексеевич. Квартиру мы вам приготовили в Новосибирске.

— Нет уж, увольте! — отказался Лаврентьев от городского жилья.— Это же настоящая штаб-квартира. И место дивное, и все тут у меня будет под руками.

Так и стали звать с того дня бревенчатый домик в лесу заимкой академика Лаврентьева. С нее и начинался Академгородок. А сейчас в этом домике разместился музей, но все зовут его по-прежнему — заимкой.

Михаил Алексеевич был назначен директором Комплекса механико-математических институтов. Я стал его заместителем по научно-организационным вопросам. В 1957 году на строительство Академгородка выделили шесть миллионов рублей. Чтобы не терять времени, решили начинать с создания на месте собственной строительной базы и жилья для рабочих-строителей. Для нужд самой науки был заложен только институт гидродинамики, пять жилых домов для ученых и опытный завод на левом берегу Оби.

«У вас тут как у целинников!» — говорили корреспонденты. И в самом деле: было поначалу у Академгородка много от целинных поселков, что вырастали в те годы в степях Алтая и Казахстана. Неподалеку от «заимки» академика Лаврентьева среди нетронутого леса за несколько дней встали аккуратные щитовые домики, в которых временно поселились ученые. В одном из них, под раскидистой сосной, досталась и мне комната, но приходил я туда только ночевать.

Маленький наш поселок на берегу речки Зырянки в первую же осень кто-то назвал «Золотой долиной». Действительно, все березы стояли желтыми, словно долину осыпали золотом.

Первыми прибыли в Академгородок молодые сотрудники Института гидродинамики и группа математиков. Молодежь в основном состояла из учеников М. А. Лаврентьева. Они приехали с женами и детьми, жили дружно, весело, несмотря на бытовые неустройства. Создали коммуну, сообща закупали продукты, таскали ведрами воду, по очереди топили печи, ели из одного котла. Всех ребятишек с утра приводили в один домик, и кто-то по очереди за ними присматривал. Это был домашний детский сад.

В праздники и воскресные дни многие собирались на «заимке» Михаила Алексеевича, где всех нас радушно принимала Вера Евгеньевна, жена академика. Их маленький бревенчатый домик обладал притягательной силой — кто шел туда поделиться новой идеей, кто посоветоваться, кому требовалась помощь, многие же приходили просто так.

...Апрельское утро. Выпал ненадолго пушистый весенний снежок. Я иду по тропинке к М. А. Лаврентьеву. У соседнего домика в полном разгаре утренняя зарядка — молодые ученые азартно играют в снежки. Каждый удачный бросок сопровождается комментариями и смехом. Выбегает из домика соблазненный этим весельем Михаил Алексеевич. Немного размявшись, умывается снегом.

— Захар Александрович, мы с вами совершенно упустили из виду: баньку надо построить! — говорит он мне, растираясь полотенцем.— Давайте включим ее в число первоочередных временных объектов. Попариться березовым веничком — милейшее дело, не так ли? А то ведь сколько времени потеряем, если по субботам будем ездить в Новосибирск.

В его доме стены увешаны полками. В кабинете — сплошь одни книги. На почетном месте большая грифельная доска, испещренная цифрами. Взвалив на свои пле-

чи груз организационной работы, академик Лаврентьев не оставлял научную деятельность. В его доме проводились семинары, коллоквиумы, диспуты и решались вопросы, имеющие самое прямое отношение к строительству Академгородка.

Однажды Михаил Алексеевич завел разговор о том, каким должен быть город науки:

— А ведь об этом давно люди думали. Вот послушайте. Горький: «Мне рисуется учреждение, которое я назвал бы «Городом науки» — это ряд храмов, где каждый ученый является жрецом... Это ряд прекрасно обставленных технических лабораторий, клиник, библиотек и музеев, где изо дня в день зоркие, бесстрашные глаза ученого заглядывают во тьму грозных тайн, окружающих нашу планету. Это — кузницы и мастерские, где люди точного знания... куют, гранят весь опыт мира, превращая его в рабочие гипотезы, в орудия для дальнейших поисков истины.

В этом «Городе науки» ученого окружает атмосфера свободы и независимости, атмосфера, возбуждающая творчество, и работа его создает в стране атмосферу любви к разуму...»

— А наш Академгородок должен быть еще лучше! — заключил Михаил Алексеевич.

В следующем, 1958 году нам отпустили уже 29 миллионов рублей. В проектных институтах Москвы и Ленинграда велось проектирование Академгородка. Летом был еще только утвержден его генеральный план, но наш Академгородок уже приобрел право гражданства: «Золотая долина» официально теперь стала именоваться Советским районом города Новосибирска.

Мощная техника пришла на помощь строителям, а вместе с ней и новая организация труда. Прежде чем начать строительство, мы в кратчайшие сроки подвели к нашей площадке бетонированную дорогу, проложили

теплоцентраль. Недостатка в рабочей силе не было: наша стройка считалась всенародной. Достаточно сказать, что в первые месяцы, когда началось строительство, мы получили около десяти тысяч заявлений от добровольцев. В большинстве своем это были выпускники средних школ. Они стремились в Сибирь, чтобы построить «свой» институт, а потом учиться в нем. На такой народ можно было положиться.

Вся архитектурно-планировочная структура Академгородка строилась на сохранении рельефа местности и векового бора. В этой зоне раскинулся уже готовый городской парк, сюда подойдет рукотворное Обское море.

Но все это было впереди.

С каждым месяцем все шире развертывался фронт строительных работ, а вместе с ним и хлопот прибавлялось. Лаврентьеву приходилось чуть ли не каждую неделю летать в Москву. Для одной из лабораторий академика Христиановича в срочном порядке потребовался стальной газгольдер. Но в министерстве ответили, что заказ может быть выполнен только на следующий год.

Академик расстроенный вернулся в Новосибирск.

— Не отчаивайтесь, сделаем еще одну попытку,— успокаивали его.

На следующий день я собрался в дорогу на Урал, где был завод, на котором могли изготовить газгольдер. Отправился к директору и секретарю парткома, рассказал им о наших трудностях.

— У нас же заказчики, план, очередность, график,— объясняют мне они.— Трудно вам помочь...

Тогда я попросил разрешения встретиться с рабочими, рассказать им о важности нашего заказа.

На заводском дворе собрали две смены. Я рассказал рабочим, как наши ученые сейчас, в строящемся Академгородке, ведут исследования под брезентовыми крышами временных лабораторий. Все они ждут не дождутся ново-

селья. Здание для лаборатории скоро будет закончено, но исследования задержатся чуть ли не на год из-за газгольдера...

Тут же посыпались предложения. Решили пустить в дело весь сбереженный ранее металл и помочь ученым. На другой же день был оформлен заказ. Комсомольцы взяли его выполнение под свой контроль. Каждый рабочий обязался дополнительно отработать час после смены, чтобы не срывать основной план завода. Не подвели уральцы. Через некоторое время мы получили газгольдер. На его массивном стальном боку было аккуратно выведено синей краской: «Ученым-новосибирцам от уральцев».

Так старались нам помочь на любом заводе, в любом научно-исследовательском учреждении. Наши проблемы решались в Центральном Комитете КПСС, в Советах Министров СССР и РСФСР, на стройку приезжали секретари ЦК, чтобы оказать помощь на месте.

Государственная комиссия принимала одно за другим здания новых институтов, которые возглавили крупнейшие ученые, академики М. А. Лаврентьев, С. А. Христианович, С. Л. Соболев, И. Н. Векуа, А. А. Трофимук. В мае 1959 года в Академгородок прибыла большая группа научных работников. Встретили их строители и жители Новосибирска торжественно — с оркестром и цветами. К своим коллегам обратился с приветственным словом академик Лаврентьев. Речь свою он закончил так:

— А вот ваши первые студенты, товарищи! — Михаил Алексеевич показал рукой на молодых строителей Академгородка.— Свой первый экзамен в науку они уже выдержали. Блестяще выдержали! Эти юноши и девушки заслужили почетное право стать первыми студентами университета, возведенного их собственными руками!

Так оно и было. И что очень примечательно и особенно приятно отметить — многие из строителей Академгородка, закончив институты, уже успели сказать свое веское слово в науке. Среди них бывшие строители: Берсенев, Слетов, Андреев, каменщики и монтажники Первушин, Груздев, Кулагин...

Однажды над лесами строящегося здания университета я прочел ленинские слова: «Задача состоит в том, чтобы учиться!» Вспомнилось сразу направление на рабфак и все, что связано в моей жизни с Ильичем. И я подумал: увидеть бы ему нашу молодежь, парней и девушек, которым страна дарит такой город науки!

Когда строительство было окончено, я, вернувшись из Сибири в Москву, стал искать новую «Золотую долину». И нашел. На этот раз совсем недалеко — под Апрелевкой, рядом с Москвой. Здесь тоже начиналось строительство научного городка на пустом месте, хотя и не такого большого, как под Новосибирском. Наука должна была здесь заниматься экспериментальным сельским строительством: сельское хозяйство переводилось на промышленную основу, а значит, новые требования предъявлялись и к строительству.

Меня назначили заместителем директора по организационным вопросам научно-исследовательского института Сельстроя, который обосновался в Наро-Фоминском районе Московской области. И мы выстроили там городок, где и находится Центральный научно-исследовательский институт экспериментального сельского строительства. Нет, пожалуй, такого уголка в Советском Союзе, где бы не стояли дома и промышленные здания, построенные по проектам наших сотрудников.

...Прошли годы. В 1970 году сослуживцы и многочисленные друзья поздравляли меня с самой высокой наградой Родины — орденом Ленина, а семь лет спустя с шестидесятилетием пребывания в рядах КПСС.

Я рассказал в этой книге о прошлом ради будущего. Мы, ветераны, оставляем его тем, кто принял из наших рук эстафету созидания нового общества.

На встрече ветеранов с руководителями партии и государства, состоявшейся 15 августа 1983 года в ЦК КПСС, говорилось о непреходящей ценности коммунистических идеалов, о том, что за все хорошее, во что мы верим, надо бороться... Навсегда запомнил я слова, сказанные в наш адрес: «Ветераны — носители уникального опыта строительства новой жизни, обогатившего все человечество. Исторический диапазон этого опыта охватывает свершения нескольких поколений... Каждому поколению выпадает своя часть общей большой работы. И только сам опыт коммунистического строительства един и неделим. И мы не вправе утратить хоть одну его ценную крупицу».

Я разменял девятый десяток. Позади долгая жизнь. Я счастлив, что был участником событий непреходящего исторического значения, рядовым бойцом революции, преобразившей мир. Перед моим мысленным взором проходят люди, с которыми сводили меня жизненные дороги, проходят годы, события, давно ставшие историей. И я счастлив: жизнь моя, такая же, как у миллионов людей, спаянных великим идеалом строительства коммунизма, не прошла даром.

Как и в те далекие 20-е годы, я всегда в кругу друзей и товарищей. Теперь я живу жизнью тех, кто вырос в коллективах, которыми я руководил. В доме моем всегда многолюдно. Друзья по-прежнему идут ко мне, несут мне свои радости, заботы и тревоги...

Когда идешь по жизни рядом с хорошими, верными друзьями, она полней и радостней.

Захар Александрович Дымов

МОИ ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ

Заведующий редакцией
В. Я. Грибенко
Редакторы
А. А. Агафонов, Ю. К. Филонович
Младшие редакторы
Н. М. Жилина, Л. В. Масленникова
Художиик
А. В. Акимов
Художественный редактор
Е. А. Якубович
Техиический редактор
Ю. А. Мухин

ИБ № 5068

Сдано в набор 24.01.85. Подписано в печать 06.05.85. А 00093. Формат 70×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкиовенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 12,43. Уч.-изд. л. 11,56. Тираж 200 тыс. экз. Закаа № 89. Цеиа 45 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий». 620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

…Время быстротечно.
Я встречаю имена своих друзей,
верных и преданных солдат революции,
рядовых партии Ленина
в названиях улиц и площадей,
на страницах книг.
Но огонь их сердец в днях нынешних,
в нашем социалистическом обществе,
которое созидало и мое поколение.

ПОЛИТИЗДАТ